

ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.

ИЗДАНИЕ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

—

1855.

Отъ Кіевскаго Комитета для цензуры духовныхъ
книгъ печатать дозволяется. 7-го Мая 1855 года.

Цензоръ Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Пектарій.

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ. (*)

Аврелій Августинъ родился въ Нумидійскомъ городѣ Тагастѣ, въ 354 году, отъ родителей христіанъ и благородныхъ по званію. Отецъ его, Патрикій, былъ въ числѣ оглашенныхъ почти въ продолженіе цѣлой жизни своей и принялъ св. крещеніе не задолго до своей смерти. Кажется, его образъ мыслей и правила жизни не отличались истинно христіанскимъ духомъ. Но мать Августина, Моника, глубоко проникнута была евангельскою вѣрою и свято хранила евангельскія заповѣди. И такъ подъ вліяніемъ не одинаковыхъ наставленій, правилъ и примѣровъ юный Августинъ воспитывался въ домѣ родительскомъ. Мать желала перелить въ него духъ своей вѣры и благочестія; отецъ заботился только о томъ, какъ удобнѣе и блистательнѣе устроить будущее положеніе сына своего въ обществѣ. Любовь материнская не от-

(*) Древній и соврѣменный писатель жизни бл. Августина Посидій, епископъ Калазіійскій; но наилучшій источникъ свѣдѣній о жизни сего отца представляютъ его собственныя творенія, особенно его *Исповѣдь* и *Письма*.

вергала такихъ видовъ и заботъ отцовскихъ: она желала всякаго добра сыну; но не могла не ощущать вреда тѣхъ мѣръ, какія принимались иногда для достиженія общежеласмой цѣли. Посему, что радовало отца, то нерѣдко глубоко огорчало мать. Она открывала сыну свои чувства, но пылкое дитя, любя мать, охотѣе однакоже пользовалось попущеніями отца и скоро ступило на путь самый опасный для юности. Моника только мѣллась за сына, горько плакала въ тиши, но надѣялась на Бога: ея оружіе, слезы и молитва, доставятъ ей самое счастливое торжество, но — чрезъ не малое время и послѣ тяжкихъ и трудныхъ испытаній.

Въ первыхъ лѣтахъ юности бл. Августинъ обнаруживалъ удивительную понятливость и остроту ума. И религіозное чувство было въ немъ живо и свѣтло, такъ что, заболѣвши однажды, онъ самъ просилъ крещенія, и благочестивая мать его приготовила уже все для совершенія таинства; но опасность миновала, и таинство было отложено до позднѣйшаго времени (*). При рѣдкихъ дарованіяхъ, юный Августинъ не охотно однакоже принимался за ученіе и чувствовалъ какое-то отвращеніе отъ школьныхъ занятій. Самъ онъ, въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, хотя приписываетъ это своей лѣности, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется, съ одной стороны, на сухость уроковъ, съ другой — на суету побужденій, которыми родители и наставники старались заохотить дѣтей къ ученію (**). Но хуже всего, по замѣчанію самаго же Августина,

(*) Confessionum liber 4, cap. 11.

(**) Confes. Lib. 4, cap IX, X, XII.

въ образѣ воспитанія юношества было то, что никто не наблюдалъ за чистотою жизни воспитанниковъ; напротивъ, сами наставники, заставляя дѣтей изучать трогательнѣйшія, по ихъ понятію, мѣста изъ поэмы, наполняли души ихъ образами нечистыми (*). Поэтому не много пользы получилъ юный Августинъ въ первой школѣ воспитанія своего и хотя вышелъ изъ нея самымъ лучшимъ ученикомъ, но ни умъ, ни сердце его не получили надлежащаго направленія.

Между тѣмъ отецъ его началъ заботиться о средствахъ отправить сына, для окончанія воспитанія, въ Карфагенъ. По ограниченности состоянія ему не легко было это сдѣлать, однакожъ онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. «Кто не превозносилъ тогда отца моего,» говоритъ бл. Августинъ, «за то, что онъ ничего не щадилъ для моего образованія! Но — онъ не хотѣлъ обращать вниманія на мое нравственное состояніе, на чистоту моей жизни. Онъ одного только желалъ, чтобъ я былъ краснорѣчивъ: а между тѣмъ на 16-мъ году моего возраста, оставаясь совершенно празднымъ, я почувствовалъ въ себѣ силу страстей и не имѣлъ руки, отъ нихъ охраняющей.» Отецъ любовался даже пылостію юноши, только мать со слезами убѣждала его хранить непорочность души и тѣла. Но совѣты матери казались ему женскою боязливостію и онъ стыдился имъ слѣдовать. Среди сверстниковъ, съ хвастовствомъ рассказывавшихъ о своихъ порокахъ, какъ о какихъ нибудь подвигахъ, и отличавшихся

(*) Lib. 1, cap. XVI—XIX

готовностию на всякое дурное дѣло. онъ могъ краснѣть не за пороки, а за добродѣтель, и потому старался даже превзойти ихъ тѣмъ постыднымъ удалствомъ, которое часто такъ много цѣнится въ кругу своевольнаго юношества. Словомъ, годъ приготовленія своего къ поступленію въ Кареагенскую школу Августинъ провѣлъ не только безъ всякой пользы для себя, но и съ большимъ вредомъ для своей нравственности (*).

Наконецъ его отправили въ Кареагенъ. Тамъ, съ успѣхами въ наукахъ, онъ еще болѣе успѣвалъ развивать свои страсти. Театръ сдѣлался любимымъ мѣстомъ его удовольствій, а обольщеніе — инимую потребностію души и сердца. «У меня былъ,» говоритъ онъ, «внутренній гладъ пищи духовной, но я алкалъ не тѣмъ голодомъ, ибо искалъ не пищи негѣнной.» Онъ думалъ насытиться благами ближайшими. Впрочемъ, скоро опытомъ извѣдавъ ихъ пустоту, онъ сталъ искать мудрости. Случайно прочитавъ твореніе Цицерона: *Гортензій*, въ которомъ заключалось убѣжденіе къ любомудрію, онъ почувствовалъ отвращеніе отъ прежнихъ пустыхъ занятій своихъ и съ жаромъ приступилъ къ новому предмету любознательности. Только ему прискорбно было, что онъ не могъ встрѣтить въ книгѣ своей имени Иисуса Христа, которое научился любить съ самаго раннаго дѣтства, подъ руководствомъ благочестивой матери своей. Вотъ почему онъ немедленно обратился къ чтенію св. Писанія. Но, не умѣя проникать въ глубину его смысла, онъ не находилъ въ немъ удовлетворительной пищи уму

(*) Confes. Lib. II.

своему: Цицеронъ былъ такъ изященъ, краснорѣчивъ, а Писаніе говорило такъ просто, положительно и казалось ему, даже грубо. Жажда истины, не познанной въ источникѣ ся, заставила Августина обратиться къ философамъ. Эти тщеславные люди, воспоминаетъ онъ, только распѣвали о философи и говорили: истина, истина! а проповѣдывали одну ложь. «О истина, истина! какъ искренно стремился къ тебѣ духъ мой всякой разъ, когда они толковали о тебѣ на словахъ, или въ огромныхъ книгахъ!» Бл. Августинъ разумѣетъ здѣсь манихеевъ, которые увлекли его тогда въ свою ересь. Случай къ обольщенію молодого и неопытного ума былъ самый удобный. Въ борьбѣ со страстями Августинъ не могъ объяснить себѣ враждебнаго начала въ своей природѣ: чѣмъ больше преобладали въ немъ чувственныя пожеланія, тѣмъ рѣзче онъ противопоставлялъ ихъ чисто духовнымъ, и въ его понятіи все плотское сдѣлалось не только отличнымъ отъ духовнаго, но и противоположнымъ и враждебнымъ оному. Посему, читая Ветхій Завѣтъ и встрѣчая тамъ образность ученія о Богѣ и служенія Ему, онъ получилъ уже предубѣжденіе противъ св. Писанія: и древній законъ Божій человѣку казался ему слишкомъ несовершеннымъ, и жизнь св. Патріарховъ слишкомъ плотскою, и проч. Не удивительно послѣ этого, что онъ скоро предался манихеямъ, которые смѣло разрѣшили ему коренные вопросы его, указывая на два вѣчныя начала добра и зла и объявляя В. Заветъ произведеніемъ начала послѣдняго. Н. первый разъ успокоивалась этимъ совѣсть юноши, а

разумъ его еще ожидалъ и надѣялся обильной пищи въ фантастическихъ мудрованіяхъ еретиковъ. И такъ Августинъ, ища истины, впалъ въ грубыя заблужденія и сдѣлался ревностнымъ манихеемъ (*).

Все терпѣливо сносила любящая мать его (отецъ Августина скончался вскорѣ послѣ отправленія его въ Карфагенъ), но ереси не могла стерпѣть въ нѣжно-любимомъ сынѣ своемъ: она отказалась имѣть съ нимъ всякое общеніе и проводила горькіе дни въ непрестанныхъ слезахъ о гибели чада своего и въ молитвахъ о его обращеніи. Однажды, послѣ обильныхъ молитвенныхъ слезъ, она заснула и во снѣ увидѣла предъ собою свѣтлый образъ юноши, который съ участіемъ спрашивалъ ее о причинѣ горести. «Оплакиваю погибсѣ сына моего,» отвѣчала она. Юноша, желая успокоить ее, возразилъ, что сынъ ея съ нею и приказалъ ей обратиться и посмотрѣть около себя. Мать обратилась и увидѣла подлѣ себя сына. Это сновидѣніе почла она добрымъ пророчествомъ и снѣвшила рассказать его сыну. «Чтожъ,» спокойно отвѣчалъ Августинъ, «это значить, что и ты скоро будешь тамъ, гдѣ теперь я.» Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой, возразила мать: не я около тебя явилась, а ты около меня; стало быть, гдѣ теперь я, тамъ будешь ты. И съ тѣхъ поръ она опять начала раздѣлять съ нимъ трапезу. Однакожъ время текло, а сынъ не обращался. Все, что могла дѣлать для него мать, дѣлала съ необыкновеннымъ усердіемъ и постоянствомъ; но, казалось, ни въ чемъ не успѣвала. Наконецъ она рѣшилась просить епис-

(*) Conf. Lib III, cap. I—VI.

копа о вразумленіи заблудшаго; но епископъ не соглашался на это, говоря, что Августинъ, недавно приставшій къ еретикамъ, еще не способенъ теперь вразумиться истиною. Остаеь его, говорилъ онъ, со временемъ онъ самъ увидить грубость заблужденія своего и отвергнетъ его. Въ доказательство, епископъ указывалъ на себя, какъ на примѣръ подобнаго обращенія, ибо въ молодости и онъ зараженъ былъ манихействомъ. Когда же мать, не успокоенная такимъ предвѣщаніемъ, со слезами приступила вновь къ опытному старцу и умоляла его призвать къ себѣ Августина и мудрою бесѣдою направить на путь истины; тогда епископъ, какъ бы съ нѣкоторымъ укоромъ, сказалъ ей: «ступай и живи, какъ живешь! невозможно, чтобы чадо такихъ слезъ погибло!» Этотъ послѣдній отвѣтъ, вмѣсто огорченія, произвелъ отрадное дѣйствіе на сердце матери: ей казалось, что это былъ для ней отвѣтъ самаго неба (*).

Окончивъ курсъ воспитанія своего, Августинъ возвратился въ Тагастъ и тамъ началъ учить грамматикѣ и риторикѣ. Мало по малу начали представляться случаи, пробуждавшіе его отъ усыпленія въ ереси. Между многими друзьями его былъ одинъ опытный и престарѣлый врачъ, который хорошо зналъ науки естественныя и любилъ разсуждать съ Августиномъ о разныхъ предметахъ. Однажды коснулись они астрологій, которая такъ нравилась послѣдователю Манеса, потому что книги манихейскія напечатаны были баснями о небѣ и звѣздахъ, о солнцѣ, о лунѣ и пр. Ученый врачъ

(*) Conf. Lib. III, cap. XII—XII.

сталъ отечески убѣждать молодаго друга своего оставить басни обманщиковъ и не тратить времени на такія занятія, пустоту которыхъ онъ извѣдалъ собственнымъ опытомъ. Августинъ хотя и не довѣрялъ такимъ предостереженіямъ, однакожъ невольно охладѣвалъ къ фантастическому мистицизму. Далѣе, одинъ изъ друзей его, имъ же увлеченный въ манихейство, опасно заболѣлъ и былъ крещенъ въ состояніи безпамятства, но когда пришелъ въ сознаніе и услышалъ насмѣшки друга надъ такого рода крещеніемъ, то съ негодованіемъ прервалъ его шутки и съ благоговѣніемъ заговорилъ о спасительномъ таинствѣ: пораженный удивленіемъ, Августинъ оставилъ споръ до времени выздоровленія больного, но другъ его умеръ и — съ самою искреннею вѣрою въ православную Церковь. Случай этотъ заставилъ Августина размышлять о многомъ. И самъ онъ, читая философовъ, любилъ сравнивать ихъ ученіе съ своимъ (манихейскимъ), и первое казалось ему во многихъ отношеніяхъ лучше послѣдняго. Но вотъ со дня на день ожидали въ Карфагенѣ епископа манихейскаго Фавста, который славился особенною ученостію и мудростію между своими единопослѣдователями. Никто такъ не желалъ видѣть его и бесѣдовать съ нимъ, какъ Августинъ: многое имѣлъ онъ предложить на рѣшеніе такому мужу, отъ котораго ожидалъ многого. Ибо, какъ выше замѣчено, манихейство на первый разъ только мнимо — успокоивало совѣсть его, а не умъ. пищи для котораго онъ еще ожидалъ въ новомъ ученіи, не находя ея пока по недостатку людей, какъ представлялось ему, хорошо знающихъ дѣло.

Уже девять лѣтъ протекло отъ совращенія Августина въ манихейство, но желаемого случая ему не являлось. Наконецъ Фавстъ пріѣхалъ, и Августинъ посѣщилъ къ нему. Что же?—Онъ нашелъ его ниже себя по познаніямъ: еретикъ имѣлъ только природный даръ говорить пріятно и увлекательно, но оказался почти безъ всякаго образованія, такъ что самъ долженъ былъ сознаться въ невѣжествѣ своемъ. Тогда открылось, что ученіе Манеса, облеченное въ такую таинственность, увлекало только людей легковѣрныхъ, между которыми не было ни одного здравого мыслителя. Собесѣдники Фавста, старавшіеся поправить дѣло, выказывали еще яснѣе свое невѣжество и нелѣпость признаваемого ими ученія. Съ этой поры Августинъ началъ питать сильное и сознательное недовѣріе къ манихейству: въ душѣ онъ уже не былъ манихеемъ (*).

Немного спустя послѣ этого, онъ рѣшился отправиться въ Римъ, и уѣхалъ туда тайно отъ матери, не хотѣвшей разставаться съ сыномъ. Къ этому путешествію располагали Августина нѣкоторые житейскіе расчеты, а не желаніе и надежда обрѣсти истину. Въ Римѣ онъ остановился у одного манихея, но по духу не былъ ему единовѣрнымъ. Умъ Августина сталъ теряться въ недоумѣніяхъ, безъ упованія—найти что нибудь положительно—истинное и неизмѣнно—твердое. О Церкви православной, по сильному противъ нее предубѣжденію, онъ не хотѣлъ и думать. Изъ всего, что онъ узналъ въ манихействѣ, одни возраженія противъ Ветхаго Завѣта оставались для него

(*) Conf. Lib. IV, cap. 4—VIII; Lib. V, cap. I—VII.

сильными. То была пора чистаго скептицизма для Августина, и хотя онъ, по собственному признанію, не довольно читалъ древнихъ философовъ — академиковъ, однакожъ чувствовалъ, что совершенно согласенъ съ ними. Въ такомъ состояніи духа былъ онъ въ Римъ, когда представился ему случай отправиться въ Медіоланъ, откуда пришли тогда посланные съ прошеніемъ къ префекту римскому указать нѣмъ хорошаго наставника въ краснорѣчіи для Медіолана. Желая избавиться отъ учениковъ римскихъ, неблагодарныхъ своему учителю, Августинъ спѣшилъ воспользоваться случаемъ и лично объявилъ свое желаніе префекту, который и устроилъ дѣло по его желанію. Воспоминая объ этомъ происшествіи, онъ самъ видитъ въ немъ ясныя слѣды безконечно — благаго Провидѣнія, не оставлявшаго грѣшника на пагубномъ пути его. Въ Медіоланѣ должно было совершиться обращеніе Августина къ истинной вѣрѣ; но онъ отправился туда, нисколько не думая объ этомъ. Думала, и молилась, и плакала за него покинутая мать его, у которой надежда на обращеніе сына благодатію Божіею сдѣлалась единственною отрадою, утѣшеніемъ, жизнію (*).

Въ Медіоланѣ свитительствоваъ тогда св. Амвросій: вотъ пастырь, которому суждено было присоединить заблудшую овцу къ стаду Христову. «Ты вель меня къ нему, Боже мой,» взываетъ бл. Августинъ, «безъ моего сознанія, для того, чтобъ онъ привелъ меня къ Тебѣ съ моимъ сознаніемъ.» Отечески принявъ его на первый же разъ великій Святитель и тѣмъ внушилъ ему къ себѣ любовь и до-

(*) Conf. Lib. V, cap. VIII—XII.

вѣренность. Впрочемъ Августинъ смотрѣлъ на св. Амвросія, какъ на человѣка благопривѣтливаго, но ничего не ожидалъ отъ него, какъ отъ благоговѣстителя истины. Скоро сталъ онъ слушать его поученія, но обращалъ все вниманіе на слова, а не на смыслъ проповѣди: казалось, разъ и навсегда для него рѣшено было, что истины никто сказать неможетъ, тѣмъ болѣе—епископъ православной Церкви; но опытному ритору хотѣлось послушать краснорѣчія такого мужа, о которомъ слава гремѣла повсюду и котораго дружбы искали самые цари. Между тѣмъ, со словами невольно проникала въ душу и самая истина: по крайней мѣрѣ Августинъ, не замѣчая того, сроднялся съ нею, и хотя ему надлежало пройти еще долгій и болѣзненный путь обращенія, но новый періодъ духовной жизни начинался для него именно съ этаго времени. Послушаемъ исповѣдь самаго обращеннаго, особенно замѣчательную въ этомъ случаѣ: «когда я такимъ образомъ,» говоритъ онъ, «старался внимать не тому, о чемъ училъ онъ, но—какъ училъ (ибо я уже рѣшительно отчаялся найти путь къ Тебѣ, Боже мой!); тогда вмѣстѣ со словами, которыя мнѣ нравились, проникали въ душу мою и самые предметы рѣчи, о которыхъ я не заботился. Открывая сердце для краснорѣчія его, я мало по малу начиналъ ощущать и силу истины. И во первыхъ, мнѣ представилось, что вѣра каеолическая, за которую, по прежнему мнѣнію моему, ничего нельзя было сказать противъ возражающихъ манихеевъ, можетъ быть доказана и по разуму: такъ особенно сталъ сознавать я, когда образы Ветхаго Завѣта

одинъ за другимъ разрѣшались (проповѣдникомъ); ибо сіи-то образы и убивали меня духовно, когда я понималъ ихъ буквально. Прослушавши изъясненіе многихъ мѣстъ изъ книгъ В. Завѣта, я началъ освобождаться отъ того отчаянія, въ которомъ былъ прежде, касательно достоинства закона и Пророковъ, т. е. я переставалъ вѣрить, что порицателямъ ихъ нельзя ничего противопоставить равносильнаго. Впрочемъ это не значить, чтобъ я рѣшался уже принять каноническую вѣру: ибо и она (думалъ я) могла имѣть ученыхъ толкователей своихъ, которые въ состояніи говорить много и разумно противъ возраженій на нее: но по этому еще нельзя было осуждать того, чего я держался, ибо доказательства съ той и другой стороны могли быть равносильны. Такъ образомъ я не считалъ уже православной вѣры побѣжденною, но еще не признавалъ ея и побѣдительницею. За то я сталъ напрягать всѣ силы ума, чтобы найти непреложныя доказательства противъ лживости манихейской. И если бы я могъ тогда понимать духовную сущность (сущность), то всѣ ихъ ухищренія тотчасъ бы рушились и навсегда изверглись изъ души моей; но я не могъ еще достигнуть этаго. Впрочемъ, что касается до міра и всякой чувственной природы, объ этомъ я находилъ много больше вѣроятнаго у философѣвъ, когда прилежно размышлялъ, читая и сличая ихъ ученія. Кончилось же пока тѣмъ, что, сомнѣваясь во всемъ подобно академикамъ, я рѣшился только совершенно оставить манихеевъ и быть въ такомъ состояніи, въ какомъ находился у родителей въ дѣтствѣ, то есть, оглашеннымъ православной Цер-

кви, до тѣхъ поръ, пока что нибудь не откроетъ мнѣ пути вѣрнаго и несомнѣннаго (*).

Къ этому времени прибыла въ Медиоланъ мать Августина, переплывшая море и протекшая долгій путь по сушѣ для сына. Когда она услышала отъ него, что онъ уже не манихей, хотя еще и не православный; то не показала удивленія, какъ будто это для нея не было нечаяпностію; впрочемъ возрадовалась и удвоила молитвы ко Господу о всецѣломъ обращеніи сына своего. Она лучше Августина видѣла, какъ Господь ведетъ его къ истинѣ, и говорила ему съ необыкновенною увѣренностію, что дотоѣ не умретъ, пока не увидитъ его сыномъ православной Церкви. На св. Амвросія она взирала, какъ на Ангела Божія, и приобрѣла взаимное уваженіе отъ него. Самъ же Августинъ болѣе всего желалъ сблизиться съ Амвросіемъ, чтобы подробнѣе побесѣдовать съ нимъ о предметахъ, занимавшихъ его душу. Но, къ сожалѣнію, у Святителя не было удобнаго для сего времени. при множествѣ разнородныхъ его занятій. Двери дома его ни для кого не бывали затворены; но, входя къ нему свободно во всякое время, посѣтители часто удалялись, не смѣя прерывать или его занятій по управленію, или духовныхъ его упражненій въ молитвѣ, рѣзмышленіи и чтеніи Писанія, или кратковременнаго отдыха послѣ продолжительныхъ трудовъ. Такъ было и съ Августинъ. Но, не находя случая бесѣдовать со Святителемъ, онъ тѣмъ прилежнѣе сталъ слушать его въ храмѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ,

(*) Conf. Lib. V, cap. XIII—XIV.

и мудрыя бесѣды пастыря болѣе и болѣе разсѣ-
явали несправедливыя предубѣжденія его противъ
Церкви. Когда слово проповѣдника коснулось од-
нажды сотворенія человѣка по образу и подобію
Божію; тогда Августинъ живѣе, чѣмъ когда, соз-
налъ главную ошибку свою въ сужденіи о като-
лической Церкви. Нѣтъ, говорилъ онъ самъ съ
собою, христіане мыслятъ о Богѣ, не какъ о су-
ществѣ ограниченномъ, матеріальномъ, но какъ о
духовномъ. И хотя онъ не могъ представить се-
бѣ, что такое духовная природа; но за то стыдился
радовался, что доселѣ, враждуя противъ Церкви,
враждовалъ собственно не противъ католической
вѣры, а противъ грубыхъ представленій и вымы-
словъ, которые клевета и зависть выдавали за
ученіе христіанское. Св. Амвросій часто повто-
рялъ въ бесѣдахъ своихъ: *писмя убиваетъ, духъ
животворитъ*, и это апостольское начало изъ-
ясненія В. Завѣта, доселѣ неизвѣстное Августину,
снимало покровъ заблужденія съ очей его, и толь-
ко горькій опытъ прежнихъ обольщеній заставлялъ
его быть крайне недовѣрчивымъ и не въ мѣру
осторожнымъ. «Я былъ тогда, говоритъ самъ
онъ, подобенъ такому больному, который, потер-
пѣвши отъ худаго врача, боится поручить себя и
хорошему. Цѣлительнымъ врачествомъ для меня
должна и могла быть одна вѣра; но я боялся вѣ-
рить, чтобы не принять лжи за истину, и потому
противился врачеванію (*).

Такъ какъ Августинъ хотѣлъ итти къ истинѣ
путемъ разумнаго убѣжденія; то онъ безпрестанно

(*) Confession. Lib. VI, cap. 1—IV.

боролся съ различными недоумѣніями. Главною причиною такого болѣзненнаго состоянія души его было то, что онъ не могъ освободиться отъ чувственныхъ понятій и представленій о самомъ Богѣ и потому не могъ по прежнему объяснить себѣ, отъ чего столько зла въ мірѣ.» Я мысленно представлялъ себѣ, говорить онъ, все твореніе, все, что можно видѣть, какъ то: землю, воздухъ, звѣзды, деревья и пр., и то, чего нельзя видѣть, на прим., твердь неба и что выше неба, Ангеловъ и вообще все духовное; но воображеніе мое распределяло все это, какъ тѣлесное, по мѣстамъ. Такиимъ образомъ я мысленно созерцалъ одну огромную массу, въ которой все различалось только степенями тѣлъ,—тѣла ли то были въ собственномъ смыслѣ, или тѣ существа, которыя я воображалъ за духовныя. Эту массу я представлялъ ограниченою, ибо иначе не могъ представлять, а Тебя, Господи, отвсюду объемлющимъ и проникающимъ ее, но безграничнымъ. Если бы, на примѣръ, было море безъ границъ, а въ немъ огромная, но опредѣленной величины, губка; то губка вся обнималась бы и проникалась водою:—вотъ такъ я представлялъ и Твое конечное твореніе, объемлемое и наполняемое Тобою—безконечнымъ. Въ такомъ именно отношеніи представлялось мнѣ твореніе къ Творцу своему. Но Творецъ благъ,.. посему и твореніе Его, какъ произведеніе Благаго, должно быть все добро.. Откуда же зло? Гдѣ корень и сѣмя его? Или его совсѣмъ нѣтъ? Почему же мы боимся того, чего нѣтъ? Если же боимся напрасно; то самая эта боязнь зло. Откуда же оно?» (*).

(*) Lib. VII, cap. I—VIII.

Будучи въ такомъ состояніи, бл. Августинъ встрѣтился съ ученіемъ неоплатониковъ, и это ученіе послужило ему въ пользу. Платоническая философія открыла Августину высшій способъ представленія о Богѣ, какъ о высочайшемъ Умѣ, высочайшей Силѣ и высочайшей Любви, какъ о существѣ простѣйшемъ, которое все содержитъ своею волею, а не такъ какъ нѣкое безграничное вмѣстилище... Послѣ этого Августинъ началъ освобождаться отъ прежнихъ недоумѣній своихъ, и главный вопросъ его о происхожденіи зла рѣшался теперь ясно и удовлетворительно. Зла нѣтъ какъ какой нибудь сущности: это есть или относительное несовершенство твари—зло мнимое, или отпаденіе отъ Бога—зло дѣйствительное, но произвольное.—На такихъ разсужденіяхъ началъ теперь успокоиваться бл. Августинъ (*).

Отъ неоплатонической философіи обращаясь къ Писанію и читая особенно Евангеліе отъ Іоанна, онъ болѣе и болѣе погружался въ размышленіе или умосозерцаніе таинъ бытія Божія. Скоро узрѣлъ и бездну различія между ученіемъ философіи и откровеннымъ ученіемъ Божиимъ. Главное, тамъ не было того великаго Слова, которое составляетъ основу правой вѣры: и *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины.. И отъ исполненія Его мы вси прияхомъ благодать възблагодать* (Іоан. 1, 14. 16). Въ это время Августинъ началъ часто посѣщать Симплиціана, пресвитера и духовнаго Отца самаго

(*) Lib. VII, cap. IX—XIV.

Амвросія. Внимательно слушалъ онъ его простыя бесѣды, полныя благодатной силой и убѣжденія; ибо благочестивый старецъ, служа всю жизнь свою Господу Іисусу Христу, исполненъ былъ Духомъ Его. Между прочимъ, Симплиціанъ повѣствовалъ Августину о обращеніи Викторина, который прежде былъ также платоникомъ, потомъ же сдѣлался усерднымъ христіаниномъ, и возбуждалъ его къ подражанію такому примѣру. Душа и сердце Августина трепетали отъ желанія все оставить для Господа; но еще плоть возставала въ немъ противъ духа. «Двѣ воли мои,» исповѣдуются бл. Августинъ, «одна ветхая, другая новая, та плотская, а эта духовная, боролись между собою и раздирали душу мою. Такъ самымъ опытомъ дознавалъ я то, что читалъ, именно, какъ плоть похотѣствуетъ на духъ, духъ же на плоть (Гал. 5, 17). Я не могъ болѣе извиняться тѣмъ, что не знаю истины; нѣтъ, истину я позналъ, но, привязанный къ землѣ, отказывался воинствовать для Бога и такъ боялся освободиться отъ препятствій, какъ надлежитъ бояться самыхъ препятствій.. (*).

Съ такою борьбою въ душѣ выходилъ Августинъ отъ Симплиціана, и не было покоя ему отъ смятенія въ немъ мыслей и чувствъ. Однажды, въ бесѣдѣ съ друзьями своими, услышалъ онъ о жизни Антонія великаго: ее рассказывалъ нѣкто Понтиціанъ, случайно зашедшій на этотъ разъ къ Августину и самъ недавно узнавшій о подвигахъ великаго отшельника. Когда сказаніе было кончено и Понтиціанъ вышелъ, — Августинъ, переполненный

(*) Conf. Lib. VIII, cap. I—V.

сердечною горестію и ревностію, измѣнился въ лицѣ и, вдругъ подошедши къ Алипію, воскликнулъ: «чего мы ждемъ? Что слышалъ ты? Возстаютъ невѣжды и похищаютъ небо, а мы съ нашими знаніями утопаемъ въ плоти и крови! Ужели постыдимся слѣдовать за ними? Но — не стыднѣ ли намъ — даже и не слѣдовать по нимъ!» Волнуемый борьбою мыслей и чувствъ, Августинъ вышелъ въ садъ; за нимъ послѣдовалъ и Алипій: оба сѣли и оставались безмолвными. Августинъ мысленно обозрѣвалъ прежнюю жизнь свою, негодовалъ на свою чувственность, порывался духомъ и сердцемъ къ Богу, но какою то тяжестію воспящался въ стремленіи. Слезы готовы были потокомъ излиться изъ глазъ его, и онъ всталъ, удалился отъ Алипія; ища уединенія, подошелъ къ одной смоковницѣ и, простершись подъ нею, зарыдалъ: «доколѣ, Боже, доколѣ гнѣвъ твой! Не помани прежнихъ неправдъ моихъ! Доколѣ, доколѣ, завтра и завтра? Почему не нынѣ, не теперь конецъ моего непотребства!» — Я говорилъ это, воспоминаетъ бл. Августинъ, и плакалъ горькимъ плачемъ отъ сокрушеннаго сердца моего. И вдругъ слышу изъ сосѣдняго дома голосъ дѣтскій, не разъ произносившій на роснѣвѣхъ такія слова: возми и читай, возми и читай! Мгновенно переѣхавшись въ лицѣ, я сталъ внимательно прислушиваться и размышлять, чей бы это былъ голосъ, не распѣваютъ ли такъ дѣти при играхъ своихъ; но, припоминая разные дѣтскіе припѣвы, я не находилъ между ними ни одного подобнаго. Удержавъ слезы, я всталъ и объяснилъ себѣ случай этотъ повелѣніемъ мнѣ Божиимъ — взять книгу

и читать, что въ ней откроется. Ибо, вспомнилъ я, и Антоній, случившись при чтеніи евангельскихъ словъ: *иди, и продаждь имѣніе твое* и пр. принялъ ихъ за гласъ къ нему Божій. И такъ я поспѣшно возвратился на мѣсто, гдѣ сидѣлъ съ Алипіемъ, ибо тамъ осталась моя книга, Апостоль. Всякъ, открывъ и молча прочитавъ первый стихъ, на которомъ остановились глаза мои: *якоже во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пїанствы, не любодѣянїи и студодѣянїи, не рвеніемъ и завистію: но облечытеся Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и плоти угодіа не творите въ похоти* (Рим. 13, 13). Далѣе я не хотѣлъ и не имѣлъ нужды читать. Ибо тотчасъ съ окончаніемъ стиха необыкновенный свѣтъ спокойствія пролился въ мое сердце и розогналъ тьму сомнѣнія.» Алипій просилъ указать мѣсто, прочитанное Августиномъ, и самъ прочитавъ его и приложилъ къ себѣ послѣдующія слова: *изнемогающаго въ вѣрѣ прїемлите*. Съ радостію возвратились они въ домъ и повѣдали обо всемъ благочестивой Моницѣ... Совершились, наконецъ, ея желанія, услышаны молитвы, сбылись пророческія надежды! Она торжествовала и въ избыткѣ радости славословила Бога сердцемъ и устами. Бл. Августинъ рѣшился перемѣнить образъ жизни, отрекся навсегда отъ супружества и остатокъ дней своихъ посвятилъ единому Богу (*).

Чтобъ лучше приготовиться къ крещенію, Августинъ съ матерію, сыномъ (Адеодатомъ) и друзьями своими удалился въ окрестности Медіолана и

(*) Conf. Lib. VIII, cap. VI—XII.

тамъ проводилъ съ ними время въ постоянныхъ бесѣдахъ о предметахъ вѣры и философiи. Полночь онъ посвящалъ на размышленiя, утро на молитву и на чтенiе — особенно — псалмовъ. Отказавшись отъ наставнической должности, онъ написалъ письмо къ св. Амвросiю, исповѣдуя предъ нимъ прежнiя заблужденiя свои и прося у него крещенiя. Наконецъ, въ 387 год., наканунѣ Пасхи, совершилось крещенiе Августина, а съ нимъ и сына его Адеодата и друга Алипiя (*).

Просвѣтившись крещенiемъ, Августинъ почувствовалъ въ себѣ блаженное обновленiе духа. «Исчезли» исповѣдуется онъ, «прежнiя смущенiя. Я не могъ насытиться тогда дивною сладостiю размышленiя о высотѣ совѣта Твоего въ дѣлѣ спасенiя рода человѣческаго. Сколько слезъ пролилъ я, слушая пѣсни церковныя, такъ сильно меня трогавшiя! Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ звуки и слова наполняли слухъ мой, истина проливалась въ мое сердце, а отъ истины воспламенялось чувство благоговѣйной любви, и слезы струились, и сладко мнѣ было плакать сими слезами (**).» Скоро онъ рѣшился возвратиться въ Африку и вмѣстѣ съ матерiю отплылъ въ путь свой. Для отдохновенiя они остановились въ Остин, намѣреваясь немедленно продолжить плаванiе; но блаженной Моникѣ суждено было на мѣстѣ временнаго отдыха уснокоиться на вѣки. Она скончалась, благодаря Господа о сынѣ своемъ и заповѣдуя сыну помянуть душу ея у алтара Христова (***). По смерти, матери, Августинъ от-

(*) Conf. Lib. IX, cap. I—VI

(**) Lib. X, cap. VI.

(***) Lib. X, cap. VII—XI.

ложилъ на время путешествіе свое въ Африку и поселился въ Римѣ, гдѣ и прожилъ болѣе года, написавъ тамъ двѣ книги противъ манихеевъ. Возвратившись потомъ въ Африку съ другомъ своимъ Алипіемъ, онъ остановился въ Карфагенѣ, въ домѣ нѣкотораго благочестиваго мужа, именемъ Иннокентія, который въ его глазахъ исцѣлился отъ жестокой болѣзни силою молитвъ, совершавшихся при одрѣ немощнаго. Изъ Карфагена отправился на родину, гдѣ совершенно уединился съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ и три года провелъ въ постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. Писаніи и сочиненіи полезныхъ книгъ. Другъ его Алипій уже рукоположенъ былъ въ епископа Тагаста, а онъ всячески старался укрыться отъ почитателей своихъ, дабы избѣгнуть такого же сана. Однакожь скоро представился случай вступить и ему, хотя противъ воли, не степень пресвитерскаго служенія. Одинъ изъ друзей вызвалъ его въ сосѣднюю Иппонію, искренно желая побесѣдовать съ нимъ о предметахъ вѣры: въ то же время Иппонійскій епископъ Валерій искалъ, себѣ достойнаго пресвитера, и въ одинъ день, когда Августинъ былъ въ храмѣ, совѣщавался объ этомъ съ народомъ. Взоры всѣхъ какъ бы невольно тогда обратились на Августина; народъ силою привлекъ его къ епископу и требовалъ рукоположить его въ пресвитера. Валерій удовлетворилъ желанію народа и рукоположилъ избраннаго, который плакалъ, но повиновался. Это было въ 391 г. по Р. Х.

Валерій, родомъ грекъ, тѣмъ болѣе могъ цѣнить такого помощника себѣ, что самъ несвободно изъяснялся на языкѣ латинскомъ. Съ перваго же

раза онъ вознамѣрился поручить Августину дѣло проповѣди къ народу, хотя на западѣ не было еще въ обыкновеніи позволять пресвитеру проповѣдывать въ присутствіи епископа. Но, исполненный смиренія, Августинъ просилъ себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени на приготовленіе къ такому трудному служенію (*). Когда же прошелъ данный ему на это срокъ, тогда онъ явился на кафедрѣ проповѣднической и съ такимъ успѣхомъ поучалъ народъ, что самые еретики любили слушать его бесѣды, а епископы другихъ церквей, прежде недовольные поступкомъ Валерія, сами рѣшились поставять при себѣ особыхъ пресвитеровъ проповѣдниковъ. Среди такихъ занятій, Августинъ не упускалъ изъ виду манихеевъ и не переставалъ писать противъ нихъ цѣлыя книги. Если гдѣ, то безъ сомнѣнія здѣсь, близъ самой его родины, гдѣ онъ не такъ давно являлся ревностнымъ манихеемъ, Августинъ долженъ былъ показать теперь и показалъ всю ревность къ православной вѣрѣ Христовой и все усердіе ко вразумленію враговъ ея. Главою иппонійскихъ манихеевъ былъ тогда нѣкто Фортунатъ пресвитеръ, къ которому еретики питали глубокое уваженіе. Жители иппонійскіе, какъ православные, такъ и самые донатисты, хорошо понимая, что манихейство держится у нихъ преимущественно этимъ хитрымъ человекомъ, приступили къ Августину съ прошеніемъ войти съ Фортунатомъ въ публичное преніе, и Августинъ съ радостію согласился на это: онъ довелъ сретіе предъ всѣмъ народомъ до крайняго стыда и со-

(*) Possid. cap. 4. Avg. Epist. 24

знанія собственаго безсилія, такъ что Фортунатъ не смѣлъ болѣе оставаться въ Иппонѣ и тайно удалился изъ города (*).

Какъ соучастникъ Валерія въ самомъ управленіи церковію, бл. Августинъ и въ этомъ показалъ свою ревность и опытность. Его стараніемъ уничтожены были въ африканскихъ церквахъ такъ называемыя *аганы* или общественныя трапезы въ храмахъ, древнія и благочестивыя по происхожденію, но обратившіяся съ теченіемъ времени въ неприличныя и неумѣренныя пиршества. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по примѣру св. Амвросія, у котораго во всѣхъ церквахъ запрещены были такіа празднества.

Краснорѣчіе и благоразумная дѣятельность бл. Августина прославили его не только въ окрестныхъ областяхъ, но и за моремъ, такъ что престарѣлый Валерій началъ сильно опасаться, чтобъ не лишили его такого помощника: ибо каждая церковь готова была бы принять къ себѣ бл. Августина во епископа, если бы упразднилась гдѣ святительская кафедра. Посему Валерій упросилъ старшаго епископа нумидійскаго согласиться на рукоположеніе Августина во епископа, заранѣе, назначая его преемникомъ себѣ. Впрочемъ бл. Августинъ не долго епископствовалъ вмѣстѣ съ Валеріемъ: престарѣлый Святитель скоро скончался, и церковь иппонійская поступила въ управленіе его великаго преемника.

Въ этотъ періодъ жизни своей, отъ крещенія до принятія сана епископскаго, бл. Августинъ самъ болѣе и болѣе возрасталъ вѣрою и укрѣплялся въ

(*) Histor. Ecclesiast. Fleuri Tom. IV.

томъ спасительномъ направленіи духа, какое получилъ отъ благодати Божіей, послѣ долговременныхъ сомнѣній въ истинѣ. Въ Церкви Христовой обрѣлъ онъ пристанище отъ бурь мірскаго житія, и теперь обратный взоръ его на оставленный имъ міръ возбуждалъ въ немъ глубокое сознаніе премудрости и благодати Божіей въ устроеніи сего ковчега Христова, спасающаго избранныхъ отъ всеобщаго наводненія заблужденій и пороковъ. Посему и въ писаніяхъ и въ дѣятельности его начала развиваться одна главная мысль, что первое благо для человѣка на землѣ - быть членомъ Церкви каволической и, посему, первое попеченіе пастырей должно быть о благоустройствѣ Церкви и обращеніи къ ней невѣрующихъ, еретиковъ и раскольниковъ, первая же обязанность пасомыхъ — свободное подчиненіе пастырямъ и послушаніе ихъ наставленіямъ и запрещеніямъ. Находясь въ приѣзди съ карфагенскимъ епископомъ Авреліаномъ, онъ совокупно съ нимъ употреблялъ всѣ усилія для уничтоженія различныхъ безпорядковъ, вкравшихся въ карфагенскія церкви и изыскивалъ благоразумныя мѣры для обращенія донатистовъ, которые въ то время были такъ многочисленны, что имѣли до 400 своихъ епископовъ и старались въ каждомъ городѣ поставятъ свои кзедры противъ православныхъ. Въ Карфагенѣ созывались соборы, душою которыхъ были сіи два знаменитые епископы, и составлялись мудрыя правила, которыя, въ послѣдствіи признаны были вселенскою Церковію (*). Самъ бл. Августинъ

(*) Соборы сіи: Карфагенскій III (377 год.), Карфаг. IV (398 год.), Карфаг. V (400 год.) и пр.

то писалъ посланія, то входилъ въ устныя бесѣды съ различными лицами, не отказываясь и отъ публичныхъ состязаній съ учеными противниками. словомъ, испытывалъ всевозможныя средства, чтобъ прекратить несогласія, раздѣлявшія христіанъ, и обратять отступниковъ къ православной вѣрѣ. Чрезъ это онъ пріобрѣлъ любовь и всеобщее уваженіе у вѣрныхъ, такъ что, при посѣщеніи имъ различныхъ городовъ, народъ вездѣ жаждалъ слышать его бесѣды, а епископы съ охотою уступали ему свои катедры для проповѣди. Но за то Донатисты возненавидѣли его всею ненавистію и не боялись говорить явно, что если бы кто отважился умертвить его, тотъ получилъ бы отпущеніе грѣховъ (*).

Между тѣмъ Бл. Августинъ дѣйствовалъ съ истинно христіанскою кротостію, терпѣніемъ и снисхожденіемъ. Не смотря на буйства, жестокости и безпрестанныя злодѣянія еретиковъ, онъ не только самъ не прибѣгалъ никогда къ насильственнымъ противъ нихъ мѣрамъ, но даже ходатайствовалъ за нихъ предъ правительствомъ и убѣждалъ православныхъ къ терпѣнію, великодушію и кротости въ обращеніи съ этими возмутителями Церкви (**).

Такую любовь къ ближнимъ воспиталъ онъ въ сердцѣ своемъ, возлюбившемъ прежде и паче всего Бога! Соединяя съ сею любовію благоразуміе и ревность по вѣрѣ, многостороннюю образованность и опытность, онъ является такимъ лицомъ въ исторіи Церкви, которую Провысль Божій избираетъ и поставляетъ на чреду особенной дѣятель-

(*) Hist. Eccles. Fleury, T. V, pag. 86.

(**) Serm. August. 557, Epist. ad Marcellin. et ad Apring.

ности и подвиговъ для блага стада Христова. Дѣйствительно, въ эти тяжкія, но вмѣстѣ и славныя для африканской Церкви времена бл. Августинъ былъ крѣпкою ея опорою и лучшимъ украшеніемъ. Онъ одушевлялъ своимъ словомъ и дѣйствіями не только народъ, но и самыхъ пастырей его. Къ нему относились съ разныхъ сторонъ различныя лица, и онъ никого не оставлялъ безъ совѣтовъ или наставленій. Дѣятельность его изумительна: кромѣ занятій по управленію своею паствою, онъ всегда принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ церквахъ африканскихъ; никогда не оставляя своего народа безъ поученія, онъ считалъ долгомъ отвѣчать посланіями, большею частію, пространными на вопросы и недоумѣнія тѣхъ, кои обращались къ нему письменно. И при этомъ онъ находилъ время для составленія особенныхъ трактатовъ о различныхъ предметахъ вѣры.

Съ теченіемъ времени не уменьшались, а возрастали заботы и попеченія бл. Августина о Церкви: хотя расколъ Допатистовъ почти совсѣмъ былъ уничтоженъ; но явились новые и опаснѣйшіе враги правовѣрія, съ которыми предлежала борьба трудная и долговременная. Это были Пелагіане.

Около 413 года по африканскимъ и восточнымъ Церквамъ начала распространяться ересь Пелагія. Хотя она тотчасъ же, при самомъ появленіи въ Африкѣ, осуждена была на кореагенскомъ соборѣ и опровержена въ самыхъ главныхъ ея началахъ, извлеченныхъ изъ твореній Цецилія, ученика Пелагіева; однакожъ хитростію и лицемѣріемъ еретики не преставали дѣйствовать въ различныхъ мѣстахъ съ успѣхомъ, прикрывая ересь свою двусмы-

сленными выраженіями (*). Бл. Августинъ, лично знавшій Пелагія и даже уважавшій его за строгую жизнь, скоро подалъ голосъ противъ его лжеученія, но противъ самаго лжеучителя не возставалъ, опасаясь обнапуться касательно справедливости приписанныхъ ему заблужденій и ожесточить чело-вѣка, можетъ быть, неумышленно подавшаго поводъ къ ереси. Но когда зло обнаружилось, когда съ разныхъ сторонъ обращались къ Августину за рѣшеніями появившихся изъ Пелагіевой ереси возраженій противъ ученія Православной Церкви; тогда онъ началъ открыто дѣйствовать противъ Пелагія и послѣдователей его съ такою же силою и постоянствомъ, съ какими доселѣ дѣйствовалъ противъ Манихеевъ и Донатистовъ, такъ что остальные 16 лѣтъ жизни его исключительно посвящены были утвержденію и раскрытію православнаго ученія о благодати Божіей, вопреки чудрованіямъ о ней еретиковъ.

Въ этой тяжелой борьбѣ и трудныхъ подвигахъ за чистоту вѣры и святость Церкви Христовой бл. Августинъ укрѣплялся духомъ, но ослабѣвалъ тѣломъ. Предвидя, приближеніе кончины своей, онъ рѣшился пересмотрѣть всѣ творенія свои и замѣтить недостатки нѣкоторыхъ: съ этою цѣлію онъ, за три года до смерти своей, написалъ критическое обзорѣніе своихъ сочиненій.

Въ печальное время суждено было бл. Августину окопять жизнь свою. На Востокѣ ересь Несторія возбуждала смятенія и распри: въ самой

(*) Такъ соборъ Діоспольскій не могъ открыть ереси въ отвѣтахъ Пелагія, а папа Зосимъ едва не оправдалъ Целестія. Fleuri, t. V, pag. 628, 711.

Африкѣ Вандалы производили страшныя опустошенія. Въ 430 году они осадили самый Иппонъ. Бл. старецъ собственнымъ примѣромъ возбуждалъ другихъ пастырей не оставлять паствъ своихъ въ такое тяжкое время и, если нужно, полагать за нихъ души свои. Но его силы измѣняли ему. Наконецъ онъ заболѣлъ и началъ готовиться къ смерти. Прикованный къ одру, онъ непрестанно читалъ покаянныя псалмы и проливалъ слезы молитвы предъ Господомъ. Боясь всякаго развлеченія, онъ запретилъ входить къ себѣ самымъ друзьямъ и епископамъ, кромѣ того времени, когда посѣщать его врачъ или приносили ему пищу. Скончался среди молящихся друзей тихо и спокойно. Почти въ то самое время пришли съ Востока послы императора просить бл. Августина на вселенскій соборъ (третій); но возвратившись съ печальною вѣстію о кончинѣ великаго мужа.

- - -

Творенія бл. Августина всегда и у всѣхъ пользовались великимъ уваженіемъ; но особенную важность и значеніе приобрѣли они въ Западной Церкви, такъ что западные богословы руководствовались ими почти исключительно предъ другими отеческими писаніями. Оттого между лучшими изданіями отеческихъ писаній на Западѣ, сдѣланными отцами бенедиктинскаго ордена, найдущее безспорно есть изданіе твореній бл. Августина.

Изданіе это состоитъ изъ десяти большихъ томовъ. Такъ какъ издатели, при размѣщеніи столь

многочисленныхъ твореній, очевидно, заботились о томъ, чтобы каждый отдѣлъ ихъ имѣлъ какое нибудь отличительное свойство и представлялъ нѣчто цѣлое: то и при обзорѣнн этихъ твореній будемъ слѣдовать тому же порядку, въ какомъ они расположены издателями.

ТОМЪ I.

Первое всего помѣщены два творенія бл. Августина, содержащія въ себѣ его собственное *обозрѣнiе своихъ писанiй* (Retractationes) и *своей жизни* (Confessiones).

Первое написано имъ въ 427-мъ году и состоитъ изъ двухъ книгъ, въ которыхъ онъ пересматриваетъ все произведенія свои, какія были написаны имъ до сего года, замѣчая о времени и случаѣ ихъ происхожденiя, объясняя и пополняя нѣкоторыя мѣста въ нихъ и исправляя такія мысли и положенiя, которыя самъ находилъ въ какомъ нибудь отношенiи невѣрными.

Второе написано имъ около 400 года и состоитъ изъ 13-ти книгъ, изъ коихъ въ первыхъ 10-ти изображается жизнь бл. Августина до времени обращенiя его къ православной вѣрѣ, а въ послѣднихъ трехъ размышленiя на слова Бытописателя: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.*

За тѣмъ слѣдуютъ первыя по времени творенiя бл. Августина, которыя написаны имъ прежде, чѣмъ онъ сдѣлался пресвитеромъ (387 — 391 год.). Все они имѣютъ характеръ философскiй и представляютъ если не совершенные образцы, то по край-

ней мѣръ въ высшей степени замѣчательные опыты христіанской философіи.

Противъ Академиковъ, или объ Академикахъ (*Contra Academicos, vel de Academicis. Retract lib. 1, cap. 1*), три книги. Написаны въ концѣ 386 года, въ томъ уединеніи, куда укрылся бл. Августинъ для приготовленія себя къ таинству крещенія. Все твореніе состоитъ изъ 8-ми разговоровъ, главнымъ предметомъ которыхъ служить рѣшеніе вопроса, въ чемъ состоитъ мудрость человѣка, или возможно ли для насъ познаніе истины. Известно, что Академики допускали въ познаніяхъ человеческихъ вмѣсто истиннаго одно вѣроятное или правдоподобное: къ тому же мнѣнію приходилъ иѣкогда, какъ мы видѣли, и бл. Августинъ. Посему, убѣдившись въ истинѣ православнаго ученія христіанскаго, онъ первѣе всего началъ опровергать это лжеученіе имѣвшее на него самое тягостное вліяніе. — Извлекаемъ главныя положенія изъ этихъ книгъ.

1. Последняя цѣль всѣхъ нашихъ желаній и исканій есть жизнь блаженная. (*Lib. 1, cap. 11, n 5*).

2. Жить блаженно значить жить по тому, что всего превосходнѣе въ человѣкѣ, т. е., по разуму, или иначе: мудрость и блаженство нераздѣльны. *Ibid.*

3. Мудрость не можетъ состоять въ одномъ изслѣдованіи или изысканіи истины, безъ всякаго познанія оной: ибо въ такомъ случаѣ она есть ничто. (*Lib. III, cap. III—IV.*)

4. Допускать вмѣсто истиннаго только вѣроятное или правдоподобное нехорошо: ибо если истина совершенно неизвѣстна, то откуда знать, что подобно или неподобно истинѣ? (*Lib. II, c. VII—VIII.*)

5. Есть непреложные законы знанія. въ смы-
которыхъ говоримъ на примѣръ: если міръ состо-
итъ изъ 4-хъ стихій, то не изъ 5-ти, и под.;
слѣдов. знаніе возможно. (Lib. III, с. XI—XIII.)

6. Если руководствоваться ученіемъ Академи-
ковъ, то всякій порядокъ политической и нрав-
ственной жизни можетъ совершенно превратитъ-
ся. III, XVI.

7. Сами Академики не то думали, что гово-
рили, скрывая по нѣкоторымъ причинамъ настоящее
ученіе свое. III, XVII.

Пересматривая это твореніе, бл. Августинъ за-
мѣчаетъ 1, что заключающееся въ немъ положеніе:
жить блаженно значитъ жить по разуму,—
не вполне вѣрно; ибо жить по уму значитъ жить
по человѣку, а кто хочетъ достигнуть блаженства,
тотъ долженъ жить по Богу; 2) что нѣкоторыя
слова въ немъ употреблены безъ надлежащей осмо-
трительности, таково на прим. слово *фортуна*, съ
которымъ народъ привыкъ соединять понятіе какъ
будто о какомъ нибудь высшемъ существѣ, и по-
тому, гдѣ надлежало бы говорить: *такъ угодно*
Богу, часто говорятъ: *такъ угодно судьбѣ* или
фортуны; 3) что похвалы, высказанныя здѣсь
Платону и послѣдователямъ его, слишкомъ преу-
величенны, ибо и эти философы много породили
заблужденій, отъ которыхъ надобно ограждать умы
вѣрующихъ. Retr. Lib. I, cap. I, n 1, 2, 3. 4.

О блаженной жизни (*de beata vita*), одна
книга. Напис. въ одномъ году и въ одинакой
формѣ съ предыдущимъ твореніемъ. Содержаніе
ея состоитъ изъ раскрытія слѣдующаго умозаклю-

ченія: никого нельзя назвать блаженным, кому многого недостает: но вполне удовлетворить стремленіямъ и желаніямъ души можетъ одинъ Богъ: слѣд. въ единомъ Богѣ надобно искать блаженства. Или: нельзя быть блаженнымъ безъ мудрости; а мудрымъ не лзя быть безъ Бога, какъ источника мудрости; слѣд. невозможно и блаженство вѣ Богѣ.

При обзорѣ этой книги бл. Августинъ замѣчаетъ: я говорилъ, что блаженная жизнь обитаетъ только въ духѣ мудраго, въ какомъ бы состояніи ни находилось тѣло его. Но Апостолъ возможно совершеннаго для насъ познанія Бога чаетъ только въ жизни будущей, которая одна и должна именоваться блаженною жизнью: тогда и тѣло, сдѣлавшись нетѣльнымъ, будетъ въ совершенномъ согласіи съ духомъ. (Lib. I, с. II.)

О порядкѣ (de ordine) двѣ книги. Написаны также въ формѣ разговоровъ, въ концѣ 386 года. Здѣсь рѣшается вопросъ о томъ, какимъ образомъ все содержится въ порядкѣ міроуправленія Божія и самое зло нисколько не нарушаетъ онаго. По поводу этихъ размышленій излагаются также превосходныя наставленія юношамъ о порядкѣ ихъ жизни и занятій (Lib. II, п. 28 — 27).

Самосовѣдованія (Soliloquia) въ двухъ книгахъ. Напис. въ началѣ 387 года. Состоятъ изъ размышленій бл. Августина, представленныхъ въ видѣ бесѣды его съ своимъ разумомъ, о томъ, какъ надобно готовить себя къ познанію Бога и души.

Сущность размышленій, содержащихся въ первой книгѣ: «умъ есть око души: если тѣлесные глаза

нездоровы, то они не могут смотрѣть на свѣтъ; такъ точно если и духовное око слабо и немощно, то не можетъ созерцать Бога: почему надобно позаботиться объ уврачеваніи ума. Уврачевать умъ значитъ очистить душу отъ всѣхъ плотскихъ вожделѣній и страстей. А для этого требуется: 1) *вѣра*: ибо доколѣ душа не вѣритъ, что ей нужна врачевство для духовнаго прозрѣнія, доколѣ не захочетъ и врачеваться; 2) *надежда*, ибо если душа и вѣритъ, что можетъ прозрѣть только по освобожденіи своемъ отъ болѣзни, но не надѣется получить исцѣленіе, то будетъ отвергать всѣ средства къ уврачеванію себя; 3) *любовь*, ибо если душа и вѣритъ, что она по причинѣ болѣзни своей не можетъ видѣть духовнаго свѣта, и надѣется, что можетъ быть исцѣлена отъ болѣзни своей, но не имѣетъ желанія видѣть свѣтъ тотъ, не любитъ его, не хочетъ оставить тьму свою, съ которою свыклась; то опять не будетъ искать врачеванія. И такъ желающій познать Бога долженъ отрѣшиться отъ всего земнаго, плотскаго, и воспитывать въ себѣ вѣру, надежду и любовь, *три сія*, по Апостолу.

Во второй книгѣ, послѣ разсужденій объ истинномъ и ложномъ, утверждается безсмертіе души на томъ основаніи, что она есть обиталище вѣчной истины. Но предметъ сей не раскрытъ съ надлежащею полнотою, и твореніе осталось неоконченнымъ.

О безсмертіи души (*de immortalitate animae*) одна книга. Бл. Августинъ самъ не одобряетъ этого творенія, замѣчая 1) что оно составляло простыя замѣтки его для окончанія предыдущаго

творенія и потому онъ самъ не знаетъ, какъ оно вышло въ свѣтъ и заняло мѣсто между его произведеніями, 2) что по темнотѣ изложенія оно во многихъ мѣстахъ непонятно для него самаго и вообще чрезвычайно утомительно для вниманія читателя, 3) что наконецъ въ немъ много мыслей невѣрныхъ и несогласныхъ съ истиннымъ ученіемъ вѣры (Retrac. lib. I, cap. V).

О количествѣ души (de quantitate animae). Написана около 388 года. Состоитъ изъ разговоровъ о происхожденіи, качествѣ и количествѣ души.

Сказавши кратко о томъ, что душа есть *твореніе Божіе* и *подобна Творцу Своему* (cap. 1—11), бл. Августинъ подробно изслѣдуетъ потомъ вопросъ о количествѣ души. Отъ этого и все твореніе озаглавлено симъ послѣднимъ вопросомъ. Вотъ главные мысли бл. Августина объ этомъ предметѣ:

Душа не имѣетъ въ себѣ ничего тѣлеснаго, иначе она не могла бы созерцать ничего безтѣлеснаго; почему, если подѣ количествомъ разумѣть тѣлесную величину и протяженіе, то душа безколичественна: она не имѣетъ величины вещественной. Но она количественна въ духовномъ значеніи этого слова, то-есть, имѣетъ духовное величіе и силы, которыми объемлетъ всякую величину и пространство вещественныя. — Возраженія: 1) какъ же душа по видимому растетъ вмѣстѣ съ тѣломъ? Ибо извѣстно, что дитя сперва ничего не понимаетъ, а потомъ, по мѣрѣ возраста тѣлеснаго, въ насъ возрастаетъ и разумъ. 2) Какимъ образомъ душа

простирается по всему тѣлу, если она не имѣетъ протяженія; а если не простирается по тѣлу, то какъ повсюду чувствуетъ всякое прираженіе къ нему?— Отвѣтъ на первое: не одно и тоже значить *больше* и *лучше*; изъ этихъ словъ мы только съ первымъ соединяемъ понятіе о величинѣ, а со вторымъ—нѣтъ. Но душа, по мѣрѣ возраста человека, становится только лучше, совершеннѣе, а не больше, или, что тоже, возрастаніе души состоитъ въ приумноженіи ея познаній и опытности. Впрочемъ здѣсь надобно обращать вниманіе на то, какого рода эти познанія. »Ибо какъ въ тѣлѣ бываютъ три рода нарощенія, одно необходимое, чрезъ которое члены достигаютъ надлежащаго развитія,— »другое излишнее, по которому въ тѣлѣ, безъ всякаго впрочемъ вреда для него, бываетъ чего нибудь больше надлежащаго, на прим. вмѣсто пяти шесть пальцевъ, что называется уродствомъ,— »третіе наконецъ вредное, извѣстное подъ именемъ наростовъ, опухолей и под.; такъ и въ душѣ 1) »бываетъ какъ бы естественное нарощеніе, когда она обогащается знаніями полезными, способствующими добродѣтельной и блаженной жизни; но 2) »когда знанія наши такого рода, что возбуждаютъ только удивленіе къ намъ, а не приносятъ намъ пользы, то это излишекъ или уродство въ душѣ; 3) если же кто пріобрѣтаетъ такіа познанія, которыми душа влечется къ чувственному, плотскому, то это есть не что иное въ пей, какъ наростъ болѣзненный (сар. XIX, п. 33).« — На второе возраженіе: то, что чувствуетъ, не всегда имѣетъ нужду быть тамъ, откуда получаетъ ощущеніе. На

примѣръ: глазъ чувствуетъ тамъ, и только тамъ, гдѣ нѣтъ его, когда видитъ какіе нибудь предметы. Если же такъ бываетъ съ тѣломъ, то тѣмъ болѣе должно заключать такъ о душѣ, чрезъ которую только и можетъ чувствовать тѣло. Она не содержится мѣстомъ, но во всякомъ мѣстѣ тѣла своего принимаетъ ощущеніе (сар. XXIII — XXX).

Но отъ чего же бываетъ такое явленіе, что части тѣла, отсѣченныя отъ цѣлаго, иногда продолжаютъ еще жить? Есть пресмыкающіяся, которыя, будучи расторгнуты на нѣсколько частей, не умираютъ тотчасъ, но какъ будто образуютъ изъ себя даже нѣсколько существъ: не даетъ ли это повода къ заключенію, что душа, такъ сказать, разлита въ каждомъ живомъ существѣ по всему его тѣлу? — Никакъ. Положимъ, что мы не въ состояніи объяснить подобныя явленія, но изъ этаго не слѣдуетъ, чтобъ они совсѣмъ были неизъяснимы согласно съ понятіемъ о невещественности души. Представленные доводы въ пользу изслѣдуемой истины имѣютъ неоспорную важность: посему, что является какъ бы въ противорѣчіи съ сею истиною, то кажется такимъ по нашей неопытности и невѣдѣлію многихъ вещей, а не по свойству своему (сар. XXXI). Впрочемъ вотъ нѣкоторое подобіе для объясненія явленія того. Всякое слово состоитъ изъ звука и значенія: значеніе составляетъ какъ бы душу, а звукъ тѣло слова. Если звукъ разложить на части, то слово теряетъ свое значеніе и какъ бы умирать. Но нѣкоторые слова можно разлагать на такія части, которыя имѣютъ свое особенное значеніе, на примѣръ: *Luci - -fer*. Здѣсь первая и вто-

рая половина слова имѣютъ каждая свое значеніе; посему хотя слово расторгнуто на части, но какъ бы еще продолжаетъ жить. Но тѣмъ не менѣе душа его, то-есть, значеніе полного слова, отлетѣла, а не разсѣчена вмѣстѣ со слогами (ср. XXXII). — И такъ количество, какъ мѣра вещественной величины и протяженія, не свойственно душѣ. Но въ ней есть другаго рода количество, именно, количество духовнаго величія и силы. Въ чемъ же состоитъ оно? — Душа оживляетъ тѣло и производитъ въ немъ стройность, гармонію и красоту: это *первая* степень ея величія и силы; душа разнообразно дѣйствуетъ въ чувствахъ, — *вторая* степень ея силы; душа пріобрѣтаетъ различныя знанія и искусства, — *третья* степень ея силы; душа ищетъ праведности и стремится къ добродѣтели, — *четвертая* степень ея силы; душа, пріобрѣтши праведность и чистоту, хранитъ ее неизмѣнно, — *пятая* степень ея силы; душа стремится чистымъ окомъ созерцать Бога, — *шестая* степень ея величія и силы; наконецъ, душа созерцаетъ вѣчную истину, — блаженное состояніе ея, какъ *полное* открытіе ея величія и силы. Кратко можно выразить все это такъ: душа въ тѣлѣ, чрезъ тѣло, около тѣла, къ себѣ самой, въ себѣ самой, къ Богу, у Бога: вотъ зѣвница ея величія и силы! Отсюда слѣдуетъ, что единъ Богъ выше души разумно-свободной и потому она должна служить единому Богу, какъ и учить насъ св. Церковь. (XXXIII — XXXV).

О музыкѣ (de musica) шесть книгъ. Нап. ок. 389 года. Въ первыхъ пяти книгахъ говорится о стопахъ и слогахъ, о метрѣ, рифмѣ и стихахъ:

въ шестой книгѣ указывается истинное значеніе и назначеніе музыки—*возводитъ духъ нашъ къ небесной, вѣчной гармоніи*. Отъ этой собственно книги и все твореніе получило извѣстность на равнѣ съ другими твореніями бл. Августина (Retract. lib. I, cap. XI).

Объ Учителѣ (de magistro) одна книгá. Написана также ок. 389 года. Состоитъ изъ разговоровъ бл. Августина съ сыномъ своимъ Адеодатомъ о томъ, какъ приобрѣтаются человѣкомъ познанія и кто его учитъ: *не чрезъ слова, доказываетъ онъ, вѣнь звучащія, а чрезъ истину внутри насъ учащую, приобрѣтаемъ мы познанія объ истинѣ; почему единъ есть Учитель нашъ, Іисусъ Христосъ, Вѣчная истина*.

О свободной волѣ (de libero arbitrio) три книги. Начаты въ Медіоланѣ въ 387-мъ, а кончены въ Африкѣ въ 395-мъ году. Написаны также въ формѣ разговоровъ. Главною цѣлю творенія было опроверженіе лжеученія манихейскаго о происхожденіи зла. Бл. Августинъ самъ замѣчаетъ, что въ этихъ книгахъ многіе вопросы не рѣшены совершенно, потому что онъ или не могъ рѣшить ихъ окончательно, или не хотѣлъ вдаваться въ болѣе обширныя изслѣдованія; но по крайней мѣрѣ въ нихъ достаточно показано то, что какъ бы ни были рѣшены подобные вопросы, во всякомъ случаѣ Богу, все создавшему и всѣмъ управляющему, подобаетъ единая честь и слава. При этомъ бл. Августинъ старается показать также, что ученіе о свободной волѣ человѣка, содержащееся въ этомъ твореніи, не только не противорѣчитъ его же ученію о благо-

дати противъ Пелагіанъ, но и во многихъ мѣстахъ служить для него какъ бы основаніемъ (Retract. Lib. I, cap. IX). — Содержаніе всего творенія слѣдующее:

— Откуда зло въ мірѣ? — Двѣ вещи мы называемъ зломъ, именно, когда кто худо поступаетъ, и когда съ кѣмъ худо бываетъ, пише: *грѣхъ и страданіе*. Но еслибъ не было грѣха, то не было бы и страданія въ мірѣ. Слѣдственно въ собственномъ смыслѣ зло одно, то-есть грѣхъ. Откуда же грѣхъ въ мірѣ (Lib. I, c. I)?

Что значить грѣшить? — Грѣшить значить нарушать тотъ вѣчный законъ жизни, который положенъ въ насъ самихъ; вѣчный законъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы все было въ совершенномъ порядкѣ; совершенный порядокъ требуетъ, чтобы нисшее и худшее подчинялось и служило высшему и превосходитѣйшему: высшее и превосходитѣйшее въ природѣ человѣкъ, а въ человѣкѣ разумъ. Отсюда — грѣхъ есть не что иное, какъ преобладаніе нисшаго надъ высшимъ въ человѣкѣ, т. е. плотскихъ, временныхъ пожеланій, или, еще короче, *похоти* надъ *разумомъ*. Откуда же это происходитъ? Кто могъ покорить разумъ нашъ похоти? — Ничто тѣлесное не могло, потому что разумъ или духъ выше всякой тѣлесной природы. Никакой другой духъ или разумъ также не могъ; ибо духъ сей *или* выше нашего духа, *или* ниже его, *или* равенъ ему: но если выше, то и совершеннѣе, а кто совершеннѣе, тотъ наиболѣе держится порядка и потому не можетъ производить безпорядка въ другихъ; если ниже, то слабѣе и потому не можетъ

ни къ чему принуждать высшаго; если равенъ, то при первомъ покушеніи на зло дѣлается несправедливъ и слѣд. не можетъ принуждать ко злу того, кто самъ непричастенъ злу. Кто же могъ склонить человѣка ко грѣху?— Никто, если бы онъ самъ того не *васхотѣлъ*. Слѣдовательно *грѣхъ произошелъ по свободной волѣ человека* (Lib. I, сар II—XI). Если же грѣхъ содѣянъ свободно, то и страданіе, какъ наказаніе за грѣхъ, законо, и Богъ, наказующій человѣка, не есть виновникъ зла (сар. XI, XII et seq.).

— Но почему Богъ даровалъ человѣку свободную волю, когда она имѣла послужить ему во вредъ? Не есть ли самая свобода наша зло, и потому Богъ ли даровалъ ее намъ?— Свободная воля сама по себѣ есть благо; ибо тотъ только можетъ жить праведно, кто имѣетъ свободную волю; а такъ какъ всякое благо отъ Бога, то отъ Него и свобода наша. — Чтобы яснѣе раскрыть сін положенія, бл. Августинъ обращается сначала къ вопросу о бытіи Божіемъ и потомъ изъ рѣшенія этого вопроса послѣдовательно доказываетъ, что всякое бытіе и жизнь, или, что то же, всякое благо отъ Бога и что къ числу этихъ благъ принадлежить и свободная воля (Lib. II).

а) *Доказательство бытія Божія изъ разума.* Положимъ, что мы не знаемъ этой истины: что же мы знаемъ? Каждый знаетъ о себѣ, что онъ *есть* или существуетъ; а такъ какъ человѣкъ не могъ бы знать этаго, если бы не жилъ, то само собою понятно для него и то, что онъ *живетъ*; какъ же скоро для него что нибудь по-

нятно, то значить, что онъ понимаетъ, разумѣтъ, или, что тоже, *имѣетъ разумъ*. Такимъ образомъ человѣкъ несомнѣнно познаетъ *бытіе*, *жизнь* и *разумъ*. снъ три вида всего, изъ чего состоитъ природа. Отношеніе между этими видами таково: гдѣ есть разумъ, тамъ есть жизнь и бытіе; гдѣ есть жизнь, тамъ непременно есть бытіе, но можетъ не быть разума; а гдѣ есть бытіе, тамъ можетъ не быть ни жизни, ни разума. Камень существуетъ, но не живетъ; звѣрь, птица и под. живутъ, но не имѣютъ разума; человѣкъ имѣетъ разумъ, потому существуетъ и живетъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ природѣ выше всего человѣкъ, а въ человѣкѣ выше всего разумъ.

А можетъ ли быть что-либо выше самаго разума? - Послужу разумъ измѣняемъ, то выше его можетъ быть только то, что неизмѣняемо и вѣчно. Подъ именемъ же вѣчнаго и неизмѣняемаго мы ничего не можемъ разумѣть, кромѣ Бога, какъ существа всесовершеннаго. И такъ, если есть нѣчто выше разума, то есть Богъ.

Разумъ судить и познаетъ по законамъ истины. Истина не принадлежитъ къ его природѣ, хотя можетъ въ немъ находиться. Ибо каждый человѣкъ имѣетъ свой разумъ: но всякій разумъ внутреннимъ окомъ своимъ созерцаетъ *одну* истину, только болѣе или менѣе, яснѣе или темнѣе и пр., подобно тому, какъ каждый изъ насъ имѣетъ свое тѣлесное чувство зрѣнія, но что видитъ одинъ изъ насъ, тоже можетъ видѣть и другой и каждый. Посему какъ предметы зрѣнія не относятся къ природѣ этаго чувства, хотя образъ ихъ и отражается въ

ономъ; такъ и предметъ разумаго созерцанія нашего, т. е., истина не принадлежитъ къ природѣ разума, хотя и отпечатливается въ ономъ.

Но сія истина, какъ предметъ разумаго созерцанія, выше или ниже разума, или равна ему? Истина не можетъ быть ниже разума потому самому, что разумъ судить по ней, а не объ ней, то-есть по ея законамъ, а не объ ея законахъ. Если бы онъ могъ судить объ ней самой, какъ мы судимъ о тѣлахъ, говоря, на прим., что это должно бы быть бѣлѣе, а то круглѣе и пр. или и о самыхъ людяхъ, говоря, что тотъ или другой долженъ бы быть скромнѣе, или прилежнѣе, или добрѣе и пр.; въ такомъ случаѣ, какъ судія истины, онъ былъ бы выше ея. Но ктожъ можетъ судить такъ, образомъ объ истинѣ, когда всякое сужденіе основывается на ея же законахъ? Когда мы говоримъ, на примѣръ, что пять и пять десять, или, что вѣчное лучше временнаго, нетѣльное лучше тѣннаго; то не устанавлиемъ закона, чему какъ должно быть, а только сознаемъ, что такъ есть, на основаніи законовъ истины. Слѣд. истина не можетъ быть ниже разума. Не можетъ быть и того, чтобы разумъ былъ равенъ истинѣ; ибо онъ измѣняемъ, а она неизмѣняема, вѣчна: разумъ можетъ больше или меньше постигать истину; но истина всегда себѣ равна, не увеличивается, когда ее больше постигаютъ, и не уменьшается, когда меньше ее видятъ. —Если же истина не ниже разума, ни равна ему; то очевидно, что она выше его.

И такъ есть нѣчто выше разума, есть вѣчная и неизмѣняемая истина, *есть Богъ!* Такимъ обра-

зомъ и разумъ приводятъ насъ, хотя несовершенно, къ тому же, чему вполнѣ и совершенно учить насъ св. вѣра: ибо мы изъ писанія знаемъ, что Богъ есть *Отецъ премудрости* и что *Премудрость, рождаемая отъ Него, равночестна Ему*..

б) Въ доказательствѣ бытія Божія содержится доказательство и того, что все отъ Бога. Ибо все пзмѣняемое можетъ существовать и существуетъ потому только, что въ основаніи бытія его есть нѣчто неизмѣняемое и вѣчное, по которому и отъ котораго все образуется и происходитъ. Еслибы не было вѣчнаго образа бытія и жизни; то ничто не могло бы и образоваться. Но вѣчное и неизмѣняемое есть одна истина, одинъ Богъ. Слѣдовательно все существующее, всякое бытіе и жизнь, существуютъ отъ Бога, и такъ какъ все существующее имѣетъ извѣстную степень совершенства, потому что образуется по вѣчнымъ совершеннѣйшимъ законамъ истины, то всякое бытіе и жизнь есть большее или меньшее благо.

в) Свобода есть свойство духовной природы, по которому она такъ или иначе можетъ жить и дѣйствовать. Слѣд. свободная воля, какъ принадлежность духовной жизни, сама по себѣ есть благо, точно также, какъ рука или глазъ и под. есть благо, какъ принадлежность тѣла. Но какъ глазъ или руку и под. можно обратить въ орудіе зла, такъ и самую свободу можно употребить во зло. Тѣмъ не менѣе сама по себѣ она есть благо, ибо законное употребленіе ея служитъ ко благу, именно, къ приобрѣтенію праведности. Если представ-

ляется страннымъ, какимъ образомъ можно *употреблять такъ или иначе свободу*; когда мы по самой свободѣ *все прочее употребляемъ такъ или иначе*; то вспомнить, какимъ образомъ мы, познавая разумомъ то, что вѣдѣе его, имъ же познаемъ и самый разумъ. Какъ разумъ самъ себя разумѣетъ, такъ и свободная воля сама себя свободно употребляетъ.

— Почему же свободная воля сама себя свободно употребляетъ во зло; что побуждаетъ ее отвращаться отъ истиннаго блага и обращаться къ благамъ лживымъ? — «Если отвѣчу тебѣ на это, »что не знаю: то можетъ быть опечалю тебя, »однакожь отвѣчу справедливо: ибо не лзя знать того, что есть ничто (Lib. II, cap. XX).» То есть, воля потому и есть воля, что она сама собою опредѣляется къ дѣйствию: слѣд. нельзя искать вѣдѣе ея причины ея самоопредѣлений (Ср. Lib. III, cap. XVII).

— Какъ согласить предвѣдѣніе Божіе съ нашею свободою? Ибо все, что Богъ предвидитъ, такъ и должно быть, какъ Онъ предвидитъ: почему если Богъ предвидѣлъ, что человекъ согрѣшитъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что человекъ и не могъ не согрѣшить? — Но въ этомъ возраженіи заключается и самое опроверженіе его. Безъ сомнѣнія, что Богъ предвидитъ, то не иначе и бываетъ, какъ Онъ предвидитъ. Но Богъ предвидѣлъ, что человекъ захочетъ согрѣшить, или, что тоже, согрѣшитъ по свободной волѣ: слѣдовательно человекъ и согрѣшилъ по волѣ, и не согрѣшилъ бы, если бы не захотѣлъ. Сила въ томъ, что предвѣдѣніе не заключаетъ въ себѣ понятія о принужденіи.

Положимъ, что ты предвидишь извѣстный грѣхъ какого нибудь человѣка. Если предвѣдѣніе твое истинно, то человѣкъ сей непременно согрѣшитъ; но не ты предвѣдѣніемъ своимъ принудишь его ко грѣху, а самъ онъ согрѣшитъ по своей волѣ. Такъ и Богъ, хотя предвидитъ каждый грѣхъ человѣка, но никого и ни къ какому грѣху не принуждаетъ (Lab. III, с. IV—IV).

Пусть такъ: но, откуда бы зло ни происходило въ мірѣ, почему Богу угодно было допустить оное въ созданіи своемъ; не могъ ли Премудрый и Всемогушій устроить міръ совершеннѣе, такъ чтобы въ немъ не было ни грѣха, ни страданія?—Искѣ и раздѣльнѣе это можно выразить такъ: существа, которыя имѣли согрѣшить и породить зло, или должны были бы получить природу совершеннѣе той, какую получили отъ Создателя, или совсѣмъ не должны были бы получать отъ Него существованія. Но—1, все, что здравый разумъ можетъ представить лучшаго и совершеннѣйшаго, есть во вселенной. Можетъ быть нѣчто въ мірѣ, до чего разумъ не доходитъ размышленіемъ, но все, чему онъ здраво мыслить, непременно есть: иначе надлежало бы предположить въ разумѣ такіа идеи совершенства, которыхъ нѣтъ въ безконечномъ Разумѣ, виновникѣ всякаго бытія и разума. 2) Всякое бытіе есть благо, потому что происходятъ отъ совершеннѣйшаго Бытія, которое есть совершеннѣйшее благо; посему всякое твореніе служитъ къ совершенству вселенной: ибо если бы не было во вселенной какой нибудь степени бытія, то недоставаю бы въ ней какого нибудь рода

блага. А отсюда 3) хотя нѣкоторыя разумныя существа имѣли согрѣшить; однакожь изъ сего не слѣдуетъ, что лучше было бы, если бы они совсѣмъ не существовали: ибо они занимаютъ должное мѣсто въ порядкѣ вселенной. Хотя они ниже существъ блаженныхъ, но выше тѣхъ, въ коихъ нѣтъ даже и желанія блаженства. Посему, если нельзя сказать о камнѣ, деревѣ и под., что лучше было бы, если бы они не существовали, — тѣмъ болѣе — о душахъ, каковы бы онѣ ни были. 4) Грѣхъ и страданіе въ мірѣ потому именно не нарушаютъ порядка въ твореніи Божіемъ, что существуютъ вмѣстѣ. «Если бы не было грѣха, а были несчастія, или несчастія предшествовали грѣху; то справедливо можно было бы сказать, что порядокъ и управление вселенной несовершенны: и наоборотъ, если бы быть грѣхъ, а не было несчастій; то опять не доставало бы надлежащаго порядка въ мірѣ, ибо не доставало бы правильной соразмѣренности между вещами. Но когда несогрѣшающіе наслаждаются блаженствомъ, а согрѣшающіе терпятъ бѣдствія; то вселенная совершенна... Грѣхъ и наказаніе за грѣхъ не суть какія нибудь природы въ ней, а только положенія (*affectiones*) природы, одно произвольное, а другое карательное. Поелику первое гнусно, то прилагается второе, чтобы существо, произвольно грѣшащее, чрезъ наказаніе за грѣхъ заняло такое мѣсто во вселенной, гдѣ ему прилично быть и гдѣ оно не нарушаетъ гармоніи вселенной, и чтобы безобразіе, производимое грѣхомъ, исправлялось наказаніемъ за грѣхъ (п. 26)» (Lib. III, cap. V—IX).

— Есть грѣхи, которые происходятъ отъ невѣдѣнія, какъ говоритъ Пророкъ: *грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни* (ис. 24, 7). Есть даже грѣхи, содѣваемые по необходимости, какъ говоритъ Апостолъ: *не еже хочу доброе творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю* (Рим. 7, 19). Откуда же они происходятъ, если грѣхъ есть не что иное, какъ свободное уклоненіе воли отъ закона жизни?—Сіи грѣхи показываютъ, что человѣкъ сдѣлался хуже, чѣмъ каковъ онъ былъ и долженъ быть, или—совратился съ настоящаго пути жизни, нарушивъ законъ ея. А нарушить законъ онъ могъ только произвольно (см. рѣш. 1-го вопр. о происхожденіи грѣха). Посему грѣхи невѣдѣнія и необходимости въ немъ суть неизбѣжныя слѣдствія и порожденія его паденія или произвольнаго грѣха (Lib. III, с. XVIII).

— »Здѣсь встрѣчается вопросъ, который въ »большомъ ходу между людьми ропотливыми, готовыми на кого бы ни было сложить вину свою, »только бы себя освободить отъ оной. Говорятъ: »согрѣшили Адамъ и Ева, а мы несчастные—что »такое сдѣлали, за что раждаемся со слѣпотою »невѣдѣнія и съ мученіями безсилія? Виновы — ли »мы, что сначала грѣшимъ не зная, какъ должно »поступать намъ, а похоть, когда узнаемъ правила »истинной жизни, и хотѣли бы исполнить оныя, но »не можемъ, потому что хотѣнію нашему противо- »борствуетъ похоть плотская?» — «Можетъ быть »такая жалоба была бы справедлива, если бы че- »ловѣку не было никакой возможности препобѣдить »похоть свою; но поелику всюду присущъ Тотъ

«Кто разными способами призываетъ къ себѣ от-
 »вратившагося, учить ѣзрующаго, утѣшаетъ упова-
 »ющаго, ободряетъ трудящагося, помогаетъ забо-
 »тящемуся, внимаетъ молящемуся; то въ вину тебѣ
 »поставляется не невольное невѣдѣніе и не безси-
 »ліе въ уврачеваніи себя, а небреженіе о позна-
 »ніи того, чего незнаешь, и непослушаніе Тому.
 »Кто желаетъ уврачевать тебя: это твои собствен-
 »ные грѣхи. Ибо всякому возможно знать, что по-
 »лезно искать истины и сознавать свою немощь.
 »дабы ищущему и исповѣдующему прийти на по-
 »мощь Тотъ, Кто помогая не заблуждается и не
 »утруждается.» (Сар. XIX, р, 53.) Потомъ бл. Авгу-
 стинъ касается вопроса о происхожденіи душъ и,
 не рѣшая его опредѣленно, старается только до-
 казать, что ни одно изъ существовавшихъ мнѣній
 объ этомъ предметѣ не можетъ противорѣчить ис-
 тинѣ ученія о вѣняемости грѣха первороднаго или
 о наслѣдственномъ поврежденіи природы нашей
 (Ibid. 56—58).

— Въ связи съ предыдущими вопросами со-
 стоятъ еще нѣкоторые вопросы о смерти и буду-
 щей судьбѣ младенцевъ. Такъ а) для чего бы,
 говорить, и рождаться тому, кто отходитъ изъ этой
 жизни прежде, чѣмъ успѣетъ вступить въ ней на
 поприще разумно — свободной дѣятельности? — Во
 вселенной, отвѣчаетъ бл. Августинъ, нѣтъ ничего
 излишняго, или такого, что не служило бы къ по-
 рядку оной: если и листъ древесный не излишенъ
 въ семъ отношеніи, тѣмъ болѣе—дѣти людей, ка-
 кой бы краткій срокъ существованія ни былъ имъ
 назначенъ. б) Что пользуетъ младенцамъ крещеніе,

если они умираютъ прежде, чѣмъ пріобрѣтаютъ какое нибудь понятіе о семь тайнствѣ? — О такихъ младенцахъ *благочестиво и право вѣруется*, что имъ вмѣняется вѣра воспріемниковъ ихъ. в) Почему многіе младенцы подвергаются страданіямъ тѣлеснымъ? — Можетъ быть, для пользы другихъ, особенно родителей ихъ: между тѣмъ Господь уготовляетъ имъ за сіе особенныя награды въ будущей жизни. Ибо не напрасно Церковь причисляетъ къ лику мучениковъ тѣхъ невинныхъ младенцевъ, которые избиты были Иродомъ (Сар. XXIII, п. 66—68).

— Въ концѣ творенія бл. Августинъ рѣшаетъ еще нѣкоторые вопросы, но — гораздо меньшей важности.

О творенія міра (de Genesi) противъ Манихеевъ, двѣ книги. Нанис. ок. 389 года. Въ нихъ изъясняются первыя три главы книги Бытія. При изъясненіи 1-й главы бл. Августинъ держится почти вездѣ буквального смысла повѣствованія Моисеева; но при изъясненіи 2-й и 3-й часто изыскиваетъ смыслъ аллегорическій.

О нравахъ Каѳолической Церкви и нравахъ Манихеевъ (de moribus Ecclesiae Catholicae et de moribus Manichaeorum) двѣ книги. Цѣль этого творенія — разоблачить невѣжество и нечестіе Манихеевъ, которые обольщали неопытныхъ мнимымъ превосходствомъ своей жизни предъ жизнью православныхъ христіанъ (Lib. 1, с. 1, п. 2.).

Содержаніе первой книги. Единъ Богъ можетъ указать намъ правила истинной жизни (сар. III—VII), и указываетъ ихъ въ писаніи В. и Н. Завета. Основной законъ истинной жизни выражается

въ заповѣди о любви къ Богу и ближнему, и всѣ истинныя добродѣтели суть не что иное, какъ виды сей любви (сар. VIII — XXVI). Сему-то закону жизни и слѣдуютъ чадъ Православной Церкви. Примѣры изъ жизни отшельниковъ, киновитовъ, иноковъ и инокинь, епископовъ и клириковъ и самаго народа. Конечно, между православными не мало найдется такихъ, кои живутъ недостойно своего званія; но можно ли укорять цѣлую Церковь за пороки нѣкоторыхъ недостойныхъ чадъ ея (сар. XXX — XXXIV)?

Во второй книгѣ бл. Августина сначала опровергаетъ ложное понятіе Манихеевъ о происхожденіи и природѣ зла, потомъ обличаетъ печестіе и нечѣпости въ образѣ ихъ жизни.

1) Что такое зло? Зло есть то, что противно какой бы то ни было природѣ. Слѣдовательно зло не есть какая нибудь природа или сущность (*natura, essentia, substantia*), но порча природы, недостатокъ, уменьшеніе въ бытіи, стремленіе къ уничтоженію. Какимъ же образомъ зло можетъ существовать, какъ нѣчто особенное, или какъ существо самостоятельное? Или—какъ оно можетъ происходить отъ Бога, который есть совершеннѣйшее Бытіе и совершеннѣйшее Благо и отъ котораго всякое бытіе и благо? Напротивъ, Богъ не благодѣи своей не попускаетъ никакой твари дойти до послѣдней степени зла, т. е., до уничтоженія; но все упорядочиваетъ такъ, чтобы каждое существо занимало степень бытія, сообразную съ своимъ состояніемъ. Такимъ образомъ Онъ и разумныя души, утратившія полноту и совершенство своей природы

(deficientes a se), поощряетъ на нисшихъ степеняхъ творенія, гдѣ таковымъ прилично быть... (п. 9).—Возраженіе Манихея: если бы я захотѣлъ положить въ руку твою скорпіона,— то, безъ сомнѣнія, ты поспѣшилъ бы отнять руку свою и тѣмъ самымъ показалъ бы, что боишься зла, какъ нѣкоей природы? — Ребяческое разсужденіе! — отвѣчаетъ бл. Августинъ. Что зло само по себѣ, то должно быть всегда и для всѣхъ зломъ и не можетъ быть никогда и ни для кого добромъ. Посему, если бы ядъ скорпіона былъ самъ по себѣ зломъ, то первѣе всего онъ долженъ бы былъ гибеленъ для самаго скорпіона; но для него, напротивъ, онъ есть добро: ибо исторгнуть у него весь ядъ значило бы погубить его. Тоже должно сказать и обо всѣхъ вещахъ. Огонь согреваетъ, но и жжетъ; вода напояетъ, но и топитъ; воздухъ живить но и убиваетъ, и пр. и пр. Слѣд. отъ каждой вещи можетъ произойти зло, но не потому, чтобы зло заключалось въ нихъ самихъ, а потому, что между ними можетъ быть не такое отношеніе, въ которомъ они должны находиться по закону устройства вселенной. Слѣдовательно никакое твореніе, никакая природа не есть зло, и никакое зло не есть природа, а только можетъ произойти въ какой нибудь природѣ (Сар. I—IX).

2) Главныя правила нравственности Манихеевъ состояли въ томъ, чтобы 1) не произносить хулы (что значило не признавать единого Бога творца міра), не ѣсть мяса и не пить вина, 2) чтобы не убивать животныхъ и не портить деревъ, цвѣтовъ и под., 3) чтобъ или совсѣмъ не вступать

въ бракъ, или въ брачномъ состояніи всячески остерегаться того, дабы не раждать дѣтей. Сами Манихеи кратко выражали это такъ: надобно хранить въ чистотѣ уста, руки и нѣдро (*ut ore, et manibus, et sinu castus et innocens sit homo*). Бл. Августинъ, входя въ нѣкоторыя подробности нравственнаго ученія еретиковъ и открывая главное основаніе его, ясно показываетъ такимъ образомъ, сколько оно нечисто и нечестиво (Сар. X—XX).

Объ истинной религіи (*de vera religione*) одна книга. Нап. 390 год. Цѣлю творенія было доказать, что религія христіанская имѣетъ всѣ признаки несомнѣннаго происхожденія отъ Бога, потому что вѣра и разумъ находятъ въ ней совершенное удовлетвореніе, одна въ авторитетѣ, которымъ ограждена сія религія, другой въ самыхъ истинахъ, которыя содержатся въ ея ученіи.

— Одна истинная религія, говоритъ бл. Августинъ, можетъ руководить человѣка къ добродѣтели и блаженству. Во времена христіанства не должно быть недоумѣнія, какой религіи надобно слѣдовать. Если бы кто нибудь, выслушавши ученіе Платона о способахъ созерцанія вѣчной истины и достиженія блаженства, спросилъ его: можетъ ли человѣкъ распространить это ученіе между людьми такъ, чтобы оно принято было всѣми, если не на основаніи разумнаго убѣжденія, то по крайней мѣрѣ—вѣрою; то философъ, я думаю, отвѣчалъ бы, что это возможно только для мудрости и силы божественной. Но религія христіанская, открывающая высочайшія истины Богопознанія и предписывающая совершеннѣйшій образъ жизни, содѣлалась господ-

ствующею въ мірѣ, покоряя себѣ умы и сердца людей образованнѣйшихъ наравнѣ съ самыми простыми и необразованными. Не ясно ли отсюда, что это дѣло Божіе, а не человѣческое? Сар. I—IV.

И такъ истинной религіи не должно искать ни у язычниковъ, ни у философовъ, ни у еретиковъ, ни у раскольниковъ, ни у іудеевъ, но въ одной Православно-Католической Церкви (Сар. V—VI).

Къ убѣжденію въ истинѣ религіи Христовой первѣе и главнѣе всего служатъ исторія и пророчества, изъ которыхъ мы узнаемъ, какими путями Провидѣніе Божіе, въ теченіи временъ, руководило людей къ вѣчной жизни. Потомъ, если жизнью по заповѣдямъ Божіимъ очистимъ умъ свой и сдѣлаемъ его способнымъ, сколько это возможно въ настоящей жизни, постигать духовное; то убѣдимся и разумно, что все, чему повѣрили мы, слѣдуя авторитету, такъ есть, такъ могло и такъ должно было быть (Сар. VII—VIII).

За тѣмъ бл. Августинъ приступаетъ къ изложенію главныхъ истинъ ученія христіанскаго, замѣтивъ предварительно, что онъ будетъ держаться того же способа вразумленія и убѣжденія, какимъ нѣкогда самъ себя вразумлялъ и убѣждалъ, при помощи Божіей (Сар. X, п. 20).

Нѣтъ жизни, которая не была бы отъ Бога, такъ какъ Богъ есть жизнь совершеннѣйшая и источникъ жизни. И никакая жизнь не есть зло, поколику она есть жизнь, но — поколику склоняется къ смерти. И такъ зло есть оскудѣніе жизни; а жизнь оскудѣваетъ, когда уклоняется отъ источника своего и, оставляя нетлѣнную пищу, хочетъ

напитаться тлѣннымъ. Посему смерть не отъ Бога, какъ и сказано: *Богъ смерти не сотвори, ни веселится о погибели живыхъ* (Прем. 1, 13); но отъ того, что душа удаляется отъ Бога и прилѣпляется къ тому, что ниже ея, т. е., къ плотскому, тѣлесному. Отсюда происходитъ жизнь плотская, земная; почему и душа называется плотію и землею, и пока она такова, не можетъ быть въ царствіи Божіемъ, и отъемлется у ней предметъ любви ея; ибо она любитъ то, что менѣе жизни, и что дѣлается растлѣннымъ потому самому, что незаконно любитъся. Вотъ почему за грѣхонаденіемъ человѣка послѣдовала смерть духовная и тѣлесная, и въ этомъ-то состоятъ все, что называется зломъ; то-есть, зло есть грѣхъ и наказаніе за грѣхъ (Сар. XI—XII).

Но если душа обратится къ Богу и, уповавъ на Его всесильную благодать, будетъ подвизаться противъ похотей и побѣдитъ ихъ, если, оставивъ плотское, умомъ и волею будетъ служить единому Богу; то безъ сомнѣнія, возсозиждется и преобразится силою той Премудрости, которою все образовано, и будетъ жить Богомъ чрезъ Духа Святаго, что есть даръ Божій. Такъ образуется человѣкъ духовный, любящій Господа Бога Своего всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ помышленіемъ, и ближняго своего, какъ самаго себя. За тѣмъ и самое тѣло, умирающее вслѣдствіе грѣха, въ свое время и своимъ порядкомъ будетъ воскрешено, силою того же Бога, которымъ и душа животворяется. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ грѣха, отъято будетъ и наказаніе за грѣхъ, и зла къ тому не будетъ (1 Кор. 15, 53) (Сар. XII, п. 24 – 25)

Праведникамъ никакого вреда не можетъ причинить и тотъ злой ангель, который называется діаволомъ, ибо и онъ злъ не по природѣ, а по развращенію воли. Такъ какъ неизмѣняемъ единъ Богъ, то и Ангелы, подобно другимъ твореніямъ, измѣняемы по природѣ. Но Ангелы свѣтлые, любя Бога паче себя, твердо и непреложно пребываютъ въ Богѣ и велики Его величіемъ; а тотъ ангель, возлюбивши себя паче Бога, палъ и сдѣлался злымъ, потому что оскудѣлъ жизнью; ибо за оскудѣніемъ слѣдуетъ убожество, а за убожествомъ зависть, по которой діаволь и есть діаволь. XII, п. 26.

По внушенію діавола и человѣкъ согрѣшилъ, но согрѣшилъ свободно, ибо свободно послѣдовалъ злему внушенію (XIV).

Провидѣніе Божіе всѣми способами врачуеъ человѣка: такъ самая тѣлесная смерть его, хотя она есть достойное возмездіе за грѣхъ, свидѣтельствуеъ однакожъ болѣе о благодти, чѣмъ о строгости суда Божія, потому что, будучи подвержены смерти, мы научаемся и побуждаемся отрѣшиться отъ тѣннаго и любить вѣчное. Но благопопеченіе Божіе о человѣкѣ яснѣе всего открылось въ томъ, что «Сама Премудрость Божія, т. е., Единородный Сынъ Божій, соприсносущный, и совѣчный Отцу, благоволилъ воспріять всего «человѣка, и *Слово плоть бысть, и вселися въ ны*. Ибо чрезъ это Богъ показалъ людямъ плотскимъ, которые не могутъ умомъ созерцать истины и преданы тѣлеснымъ чувствамъ, какое высокое мѣсто между тварями занимаетъ природа «человѣческая, когда Онъ не только видимо (что могъ бы сдѣлать и въ какомъ небудь эфирномъ тѣлѣ,

»доступномъ для нашего зрѣнія), но въ истинномъ »человѣкѣ явился человѣкамъ, такъ какъ для воз- »становленія природы надлежало воспріять сію са- »мую природу. А чтобы какой шбудь полъ не »почелъ себя пренебреженнымъ отъ Бога, то Онъ »воспріалъ мужа, а родился отъ жены.» (XVI, 30).

Воплотившійся Сынъ Божій ни къ чему не припуждалъ людей, но дѣйствовалъ на нихъ на- ставленіями и увѣщаніями, ибо рабство миновало и возсіяло время свободы; почему и благовременно и спасительно было показать человѣку, какая сво- бода воли дарована ему вмѣстѣ съ бытіемъ. Чу- десами своими Онъ доказалъ, что есть Богъ, а страда- ніемъ, что есть вмѣстѣ и человѣкъ. Вся земная жизнь Его есть правило совершеннѣйшей нравственности а воскресеніе изъ мертвыхъ—залогъ нашего вос- кресенія или полного возстановленія природы на- шей. Онъ освободилъ вѣрующихъ отъ многочислен- ныхъ обрядовъ ветхозавѣтнаго служенія и учре- дилъ не многія, но спасительнѣйшія таинства для своей Церкви. Изъ этого не слѣдуетъ однакожь, чтобъ В. Завѣтъ дарованъ былъ не однимъ и тѣмъ же Богомъ; ибо по различію состоянія людей упо- треблены и различныя средства ко спасенію ихъ, но всѣ сіи средства отъ единого Бога (XVI—XVII).

Изложивши оіи истины вѣроученія христіан- скаго, бл. Августинъ переходитъ опять къ раз- сужденію о происхожденіи и природѣ зла: здѣсь повторяются мысли, изложенныя имъ въ предыду- щихъ сочиненіяхъ о томъ же предметѣ (XVIII— XXIII). Далѣе показываетъ, какимъ образомъ къ уврачеванію человѣка служатъ авторитетъ и ра-

зужь: здѣсь подробно раскрывается то, что выше сказано имъ кратко (XXIV—XXXVII). Потомъ указываетъ источникъ нашихъ заблужденій и изображаетъ главныя страсти человѣка, т. е. похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую, и преподаетъ правила для воспитанія въ сердцѣ благочестія и для исправленія нравовъ, советуя особенно читать Св. Писаніе (XXXVIII—L). Въ заключеніе, призываетъ всѣхъ къ истинной вѣрѣ—во Отца, Сына и Святаго Духа (LI—LV).

Правило для рабовъ Божіихъ (*regula ad servos Dei*), или наставленія монашествующимъ о любви къ Богу и ближнему, о внѣшнемъ и внутреннемъ единеніи другъ съ другомъ, о молитвѣ, о постѣ, о снисхожденіи къ немощнымъ, объ одеждѣ и вообще внѣшнемъ положеніи и поведеніи иноковъ, о нестяжательности, объ удобствахъ для тѣла, о взаимномъ прошеніи другъ друга и о повиновеніи настоятелю.—*Правило* сіе извлечено изъ одного письма бл. Августина; поэтому оно не есть особое твореніе: но такъ какъ извлеченіе сіе сдѣлано было въ самой древности; то его обыкли помѣщать въ такомъ видѣ, въ какомъ оно и здѣсь представляется.

ТОМЪ II.

Второй томъ состоитъ изъ писемъ бл. Августина. Издатели расположили ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и раздѣлили на 4 класса: къ 1-му отнесли письма, написанныя бл. Августиномъ прежде епископства его, отъ 386 до 395 года; ко 2-му—

написанныя въ теченіе слѣдующихъ 15-ти лѣтъ, отъ 396 до 410 года. когда отерымась ересь пелагіанская; къ 3-му — написанныя въ остальное время жизни бл. Августина; 4-й классъ составляютъ тѣ письма, о которыхъ неизвѣстно, въ какомъ году какое изъ нихъ написано, хотя всѣ онѣ безспорно относятся къ времени епископства бл. Августина.

Въ письмахъ бл. Августина излагаются многіе догматическіе, нравственные, обрядовые и каноническіе вопросы. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ въ этомъ отношеніи слѣдующія:

Письма къ Януарію (по порядку 54 и 55-е). Въ этихъ письмахъ бл. Августинъ разсуждаетъ объ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Сначала онъ говоритъ вообще о различной степени ихъ важности и обязательности, основываясь на различіи ихъ происхожденія. Все то, говоритъ, что предписывается намъ словомъ Божиимъ, безъ сомнѣнія должно быть соблюдаемо каждымъ, какъ законъ Господень. А изъ обычаевъ, основывающихся на преданіи, тѣ одинаково для всѣхъ важны и обязательны, которые наблюдаются всею Церковію; ибо явно, что эти обычаи введены или Апостолами, или вселенскими соборами, которыхъ важность въ Церкви не пререкаема. Другіе же, которые не имѣютъ такого свойства, не имѣютъ такой и обязательности. Такъ на примѣръ: въ однихъ церквахъ положенъ постъ по субботамъ, въ другихъ — пѣтъ; въ иныхъ мѣстахъ каждый день совершается безкровная жертва, въ другихъ — только по субботамъ и воскреснымъ днямъ, а въ иныхъ — по однимъ воскреснымъ днямъ. Касательно такихъ обычаевъ надобно каждому на-

блюдают то, чтобы не разниться отъ другихъ, во избѣжаніе соблазна. Здѣсь бл. Августинъ припоминаетъ отвѣтъ св. Амвросія, на вопросъ его о томъ, должно ли ему и матери его, поститься въ субботу, по обычаю родины своей, или не должно, по обычаю Медиоланскихъ христіанъ. «Я самъ такъ поступаю,» говорилъ св. Амвросій: «когда бываю въ Римѣ, то пошусь вѣстѣ со всѣми въ субботу, а здѣсь не пошусь. И вы наблюдайте всегда обычай той церкви, въ какой случится быть вамъ, чтобы не произвести или не потерять соблазна.» (п. 1—3). Вслѣдъ за тѣмъ бл. Августинъ рѣшаетъ вопросъ о времени причащенія пречистыхъ тѣлъ Христовыхъ; ибо нѣкоторые утверждали, что надобно причащаться каждый день, а другіе признавали за лучшее избирать особенные дни, когда человекъ можетъ быть готовѣе къ сему и достойнѣе приступить къ небесной трапезѣ.—«Спорить объ этомъ, говоритъ бл. Августинъ, не должно. Пусть каждый поступаетъ въ семъ случаѣ по вѣрѣ и совѣсти своей, если не имѣетъ запрещенія отъ пастыря церкви. Закхей съ радостію принялъ Господа въ домъ свой, а Сотникъ отказался отъ такой чести, по чувству недостойнства своего: поступки—различныя, но одинаково похвальные (п. 4).»—Далѣе, отвѣчаетъ на вопросъ Январія, когда надобно совершать безкровную жертву въ великій четвертокъ: утромъ ли, и потомъ снова послѣ ужина, во исполненіе словъ Евангелія: *также и чашу по вечера приимъ* (Лук. 22, 20); или только послѣ ужина, до котораго надобно поститься; или хотя и вечеромъ, но прежде ужина, чтобъ не вкушать

пищи до причащенія св. таинъ?— На сей случай, отвѣчаетъ бл. Августинъ, нѣтъ общаго правила ни въ Писаніи, ни въ преданіи; по сему надобно держаться обычая своей церкви. При этомъ замѣчаетъ, что обычай причащаться тѣла и крови Христовой прежде вкушенія всякой пищи есть обычай древній и повсемѣстный. «Такъ угодно было Духу Святому, чтобы въ честь такого таинства, прежде всякой другой пищи, въ уста человѣка входило тѣло Господне». А что касается до обычая въ нѣкоторыхъ церквахъ совершать и принимать таинство тѣла и крови Христовой, въ великій четвертокъ, послѣ ужина; то это особенный и единственный случай, происшедшій отъ того, что нѣкоторые хотѣли какъ можно точнѣе и ближе подражать вечери Христовой, въ самый день ея совершенія, и потому одинъ разъ въ году сочли позволительнымъ приступать къ небесной трапезѣ послѣ обыкновенной трапезы (п. 9).—Этимъ оканчивается первое письмо къ Януарію. Во второмъ письмѣ бл. Августинъ рѣшаетъ нѣсколько новыхъ вопросовъ Януарія и касается также многихъ обычаевъ Церкви. Такъ о четырехдесятницѣ предъ Пасхою говоритъ, что она всегда соблюдалась и соблюдается всею Церковію (п. 28. Тоже замѣчаетъ объ осми дняхъ, отдѣлявшихся для новокрещенныхъ, то есть, издревле наблюдалось обыкновеніе—отличать первые восемь дней новокрещенныхъ отъ прочихъ дней ихъ жизни, какъ время особеннаго торжества для нихъ. Къ числу древнихъ обычаевъ принадлежалъ также обычай—не преклонять колѣнъ на молитвахъ въ теченіе всей Пятидесятницы; но вездѣ ли онъ на-

блюдался, этаго не могъ утверждать бл. Августинъ, по повѣдѣнію. Объ употребленіи краткой пѣсни: *Alleluia*, замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ ее пѣли только во время Пятидесятницы, а въ другихъ—во всякое время. Обрядъ умовенія ногъ существовалъ во многихъ странахъ, но не вездѣ (п. 32 - 33). Внушая уваженіе ко всѣмъ досто-честнымъ по происхожденію и значенію обрядамъ и обычаямъ церковнымъ, бл. Августинъ въ тоже время вооружается противъ такихъ учрежденій, которыя введены произвольно, не утверждаясь ни на Писаніи, ни на преданіи, и отъ которыхъ только стѣсняется духовная свобода служенія сыновъ Церкви Христовой. «Все то,—говорить,— что не утвер-ждается на Писаніи, чего нѣтъ въ опредѣленіяхъ соборовъ и что не наблюдается вселенскою Церко-вію, но въ различныхъ мѣстахъ по различію обы-чаяевъ разнообразится до безконечности,—такъ что едва можно, или и совсѣмъ нельзя найти какія либо причины, по которымъ учреждено то или другое,— все подобное, если есть возможность, подобно уничтожать безъ всякаго недоумѣнія (п. 35).» За тѣмъ, порицаетъ нѣкоторыхъ суевѣр-ныхъ постниковъ, которые, воздерживаясь сами отъ употребленія мяса, почитали нечистыми ядущихъ оныя; обличаетъ также довольно общее въ то время обыкновеніе гадать о будущемъ по Библіи (36 -- 37). Наконецъ убѣждаетъ Януарія, чтобы онъ всякое познаніе обращалъ въ средство къ преспѣя-нію въ любви христіанской (п. 38—39).

Письмо къ Викентію, епископу — допатрсту (93-е). Въ этомъ письмѣ бл. Августинъ дока-

зываетъ, что противъ раскольниковъ и еретиковъ можно употреблять и строгія мѣры, только — съ цѣлю исправленія, а не мщенія. »Прежде мое мнѣніе было таково, что никого не должно принуждать къ единенію Христову, что надобно дѣйствовать въ такомъ случаѣ словомъ, сражаться разсужденіемъ, побѣждать доказательствами, дабы вмѣсто открытыхъ еретиковъ не имѣть у себя ложныхъ правовѣрующихъ. Но я долженъ былъ уступить другимъ, доказывавшимъ противное: не слова ихъ убѣдили меня, а примѣры, которыми подтверждались слова ихъ (п. 17).» Ибо указы царскіе возвратили Церкви тѣхъ, кои держались раскола, или изъ одного упорства, или изъ выгодъ, по перадѣнію о познаніи истины, или по страху, или по другимъ какимъ либо причинамъ.

Письмо 102-ое. Отвѣты на 6 вопросовъ одного язычника. Между этими вопросами больше другихъ замѣчателенъ слѣдующій: если снастись можно только чрезъ одного Іисуса Христа; то что надобно думать о тѣхъ, кои жили прежде Его пришествія на землю? (quaest. 2). — Бл. Августинъ отвѣчаетъ: Слово Божіе, Іисусъ Христосъ, правитъ міромъ отъ сотворенія его; посему всѣ тѣ, кои знали Его, вѣровали въ будущее пришествіе Его и сохраняли Его заповѣди, спасались (п. 12). Время же пришествія Своего на землю и мѣсто земнаго служенія Сынъ Божій избралъ на основаніи всевѣднія Своего, то есть, тогда и тамъ явился во плоти, когда и гдѣ могли обрѣстись вѣрующіе въ Него (п. 14).

Въ послѣдствіи бл. Августинъ долженъ былъ

пояснить и пополнить эту мысль, потому что въ этомъ видѣ она не совсѣмъ согласовалась съ его ученіемъ о *предопредѣленіи*. Именно, въ 9-й главѣ книги своей о *Предопредѣленіи*, онъ такъ объясняетъ кажущееся несогласіе между собственными мыслями своими объ одномъ и томъ же предметѣ: «тогда я не считалъ нужнымъ входить въ изслѣдованіе о томъ, предвидѣлъ ли только Богъ имѣющихъ увѣровать въ Іисуса Христа, или предопредѣлялъ такихъ людей; поэтому прежнія слова мои: Іисусъ Христосъ тогда и тамъ восхотѣлъ явиться людямъ, когда и гдѣ предвидѣлъ имѣющихъ увѣровать въ Него,—можно замѣнить слѣдующимъ выраженіемъ: Іисусъ Христосъ тогда и тамъ восхотѣлъ явиться людямъ, когда и гдѣ имѣли быть избранные въ Немъ прежде сложенія міра.»—Замѣтимъ, что бл. Августинъ, раскрывая ученіе о благодати противъ Пелагіанъ, неоднократно долженъ былъ дѣлать подобныя оговорки касательно прежнихъ выраженій своихъ о томъ же предметѣ.

Письмо къ Алипію (125-е). Здѣсь говорится, между прочимъ, о силѣ и обязательности клятвы слѣдующее: 1) не должно обѣщать съ клятвою ничего такого, чего нельзя исполнить безъ грѣха: въ такомъ случаѣ лучше претерпѣть всякое гоненіе и даже смерть, нежели дать клятву (п. 3); 2) кто поклялся сдѣлать что нибудь позволительное и непротивозаконное; тотъ непремѣнно долженъ исполнить клятву свою, хотя бы далъ ее и невольпо; (ibid) 3) надобно исполнять клятву въ томъ значеніи, въ какомъ она требовалась отъ насъ, то есть, если бы она и не точно выражена была сло-

вами, то не должно пользоваться этимъ при исполненіи общаго; иначе будемъ клятвопреступниками (п. 4).

Письмо къ Марцеллину Трибуну (138-е). Марцелинъ сообщилъ бл. Августину нѣкоторыя возраженія язычниковъ противъ благотворности вѣры Христовой, прося его написать опроверженіе на нихъ. Бл. Августинъ, отвѣчая Марцеллину, опровергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предложенныя ему возраженія язычниковъ. Значительнѣе другихъ было одно возраженіе: можетъ ли общество руководиться заповѣдями Евангельскими о безпрекословномъ терпѣніи обидъ? Бл. Августинъ отвѣчаетъ: древніе Римляне, которые республику свою изъ бѣдной и незначительной сдѣлали богатою и славною, держались именно такихъ правилъ, которыя, вопреки заповѣдямъ Божиимъ, признаются теперь противными общественному благу. Мнѣніе ихъ было таково, что гораздо лучше и сообразнѣе съ достоинствомъ республики прощать обиды, нежели мстить за нихъ. Посему Цицеронъ въ особенную похвалу Цезарю ставитъ то, что онъ ничего не забывалъ, кромѣ обидъ (п. 8). Да и теперь, когда язычники читаютъ о подобныхъ поступкахъ у своихъ писателей, то восхваляются ими; но когда преподается заповѣдь изъ Писанія Божественнаго о томъ, чтобы не воздавать зломъ за зло, то обвиняютъ вѣру Христову, какъ враждебную благу общественному (п. 10). Впрочемъ, — продолжаетъ бл. Августинъ, — не должно понимать Евангельскія заповѣди тѣ слишкомъ буквально: въ св. Писаніи не запрещается законная защита отъ притѣсненій, равно какъ и

наказаніе за преступленія, но во всякомъ случаѣ внушается питать незлобіе въ сердцахъ. Только бы въ душѣ нашей всегда пребывало терпѣніе съ любовію, а что касается внѣшняго отношенія къ притѣснителямъ нашимъ, то оно можетъ быть не одинаково; ибо съ иными необходимо даже поступать строго для ихъ же вразумленія или обузданія. (п. 11—13). По духу Евангельскихъ заповѣдей и война позволительна, только единственною цѣлю ея должно быть усмиреніе непокорныхъ и сохраненіе должнаго порядка въ обществахъ; почему надобно желать и искать побѣды не для своей только пользы, но и для блага побѣжденныхъ (п. 14—15).

Письмо къ Оптату (190-е), о происхожденіи душъ. Объ этомъ предметѣ, говоритъ бл. Августинъ, трудно сказать что нибудь рѣшительное; да если и совсѣмъ нельзя рѣшить сего вопроса, то никакого ущерба не будетъ для насъ въ дѣлѣ спасенія нашего. То несомнѣнно, что человѣкъ рождается со грѣхомъ и потому естествомъ есть чадо гнѣва Божія, и кто дерзаетъ отвергать сію истину, тотъ отторгается отъ Церкви Православной и подлежитъ осужденію; но — откуда происходятъ души наши, творятся ли онѣ отъ Бога для каждаго человѣка, или, подобно тѣлувозникаютъ изъ естества первосозданнаго человѣка, этого можно и не знать безъ всякаго вреда для себя (сар. I—II). — И такъ какъ ни по разуму, ни по откровенію нельзя доказать, или, по крайней мѣрѣ, не доказано еще, какое изъ указанныхъ мнѣній истинно; то и недолжно упорно держаться ни одного изъ нихъ, дабы не породить какой нибудь ереси (сар. IV—VI).

Письмо къ Гонорату (228-е). Написано въ то время, когда Вандалы, жесточайшіе враги православной Церкви, поработали себѣ одинъ за другими области христіанской Африки, производя повсюду страшныя опустошенія, насилія и убійства. Гонорать, епископъ Тіавенскій, спрашивалъ бл. Августина, позволительно ли въ такихъ обстоятельствахъ клирикамъ, пресвитерамъ и епископамъ оставлять свои приходы для спасенія собственной жизни. Бл. Августинъ отвѣчалъ ему на сей вопросъ слѣдующее:

Служеніе пастырей Церкви необходимо для ихъ пасомыхъ; поэтому никакая паства не должна быть оставляема своими пастырями (п. 1).

Правда, Господь заповѣдалъ намъ бѣжать отъ гонителей изъ одного града въ другой; но въ силу сей заповѣди могутъ оставлять паствы свои тѣ только пастыри Церкви, которые терпятъ частное противъ себя гоненіе отъ враговъ своихъ и потому, удаляясь отъ народа, оставляютъ ему вмѣсто себя другихъ пастырей. Если же угрожаетъ общая опасность клирикамъ, пресвитерамъ, епископамъ и мирянамъ; то пастыри не должны спасать себя однихъ, оставляя народъ, который имѣетъ въ нихъ нужду. Пусть въ такомъ случаѣ или всѣ укрываются куда нибудь отъ опасностей, или — если это невозможно, то гдѣ остается народъ, тамъ должны оставаться и пастыри, необходимые для него, такъ чтобы участь ихъ была нераздѣльна (п. 2).

Говорятъ: »если Господь заповѣдалъ намъ бѣгство при такихъ гоненіяхъ, при которыхъ му-

мученичество можетъ быть благошодно; то тѣмъ болѣе мы должны избѣгать мученій безплодныхъ, »какковы и могутъ быть при нападении варваровъ.» Это справедливо, но только въ отношеніи къ мірянамъ. Что же касается до служителей церкви; то страданія ихъ въ подобныхъ случаяхъ весьма благошодны; ибо они страдаютъ ради братій, которыхъ не хотѣли оставить безъ своей помощи; а этимъ свидѣтельствуется та любовь, которую заповѣдалъ намъ Апостолъ, говоря: *о семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу Свою положи; и мы должны есмь по братіи души полагати* (Іоан. 3, 17) п. 3—4.

«Не вижу, — говоришь, — пользы оставаться въ церкви для того только, чтобы смотрѣть, какъ »предъ нашими глазами будутъ убивать мужей, »безчестить женъ, жечь храмы, и что бы потомъ »самимъ изнемогать въ мученіяхъ, когда будутъ »требовать отъ насъ того, чего мы не имѣемъ.» Но что будетъ, — это еще намъ неизвѣстно, ибо всесильный Господь можетъ отвратить такіа бѣдствія отъ чадъ своихъ; а то несомнѣнно, что безъ пастырскаго попеченія души людей подвергаются опасности вѣчной гибели. Но если бы все, чего мы опасася, и непремѣнно должно было случиться на мѣстѣ служенія нашего; то и въ семъ случаѣ намъ не прежде можно спастись бѣгствомъ, какъ развѣ тогда, когда всѣ другіе или спасутся или погибнутъ, и не будетъ людей, имѣющихъ ѿужду въ нашемъ служеніи. Такъ нѣкоторые святые епископы убѣжали изъ Испаніи, когда у нихъ не стало пасомыхъ. Въ противномъ же случаѣ, то

есть, когда народъ остается, а пастыри бѣгутъ, бѣгство сіе обличаетъ въ пастыряхъ преступное свойство наемниковъ; ибо только наемникъ, при видѣ волка, оставляетъ свое стадо и бѣжитъ (п. 5 — 6).

Кто не по заблужденію ума, а по робости хочетъ бѣжать отъ стада своего; тотъ долженъ вооружиться противъ своего малодушія и обратиться съ молитвою ко всемогущему Богу, дабы Онъ Самъ воодушевилъ и укрѣпилъ сердце его. Въ самомъ дѣлѣ, «подумася, что бываетъ въ Церкви, когда всѣмъ угрожаетъ крайняя опасность и нѣтъ возможности никому избѣжать оной: какое бываетъ тогда стеченіе во храмахъ людей всякаго пола и возраста! Одни требуютъ крещенія, другіе примиренія (съ Церковію), иные покаянія, всѣ вообще утѣшенія и папутствованія св. тайнами. Если не будетъ при этомъ священнослужителей; то сколько людей могутъ перейти изъ этой жизни или безъ возрожденія, или безъ разрѣшенія! А отсюда какая скорбь для вѣрующихъ объ этихъ отшедшихъ, коихъ они не будутъ имѣть съ собою въ покоищѣ вѣчной жизни! Какое сѣтованіе у всѣхъ, а у нѣкоторыхъ и ропотъ, отъ того, что нѣтъ таинствъ и тайподѣйствующихъ! А если съ народомъ остаются священнослужители; то по силамъ, какія Богъ имъ даруетъ, они помогаютъ всѣмъ и каждому: тогда одни возрождаются другіе примиряются, каждый можетъ пріобщиться таинъ Христовыхъ, всѣ получаютъ утѣшеніе, назиданіе, увѣщаніе къ молитвѣмъ объ отвращеніи грядущихъ золъ, всѣ приготовляются къ терпѣнію этихъ золъ, если Богу не угодно будетъ, да «чимо идетъ ихъ чаша сія (п. 8).

Итакъ служители церкви Божіей ни при какихъ опасностяхъ не должны оставлять мѣста служенія своего, исключая двухъ только случаевъ: 1) когда паства, ими оставляемая, не остается однакъ безъ пастырей, или 2) когда не остается у нихъ никакой паствы (п. 14).

Письмо къ Авксилію (250-е). Авксилій рукоположенъ былъ въ епископа въ молодыхъ лѣтахъ и, по неопытности своей, сдѣлавъ поступокъ, недостойный ни благоразумія, ни справедливости пастырской: онъ, въ негодованіи на одного изъ пасомыхъ своихъ, отлучилъ отъ Церкви не только его одного, но все его семейство. Бл. Августинъ старается вразумить неопытного, представляя доказательства незаконности такого отлученія, и указываетъ на пагубныя слѣдствія, которыя могутъ произойти отъ него. «Справедливо ли, — говорить, — за грѣхъ отца отлучать сына, или за грѣхъ мужа — жену, за грѣхъ господина — раба? Можетъ быть, въ это время, какъ цѣлый домъ находится въ отлученіи, родится кто нибудь въ семействѣ: въ такомъ случаѣ и дитя подлежитъ анаемѣ, и его нельзя, даже при опасности смерти, возродить таинствомъ крещенія? — Читаемъ въ Писаніи, что нѣкоторые презрители воли Божіей поражаемы были вмѣстѣ со всѣми, домашними которые и не участвовали въ преступленіи: но то наказаніе простиралось только на тѣла; а духовное наказаніе, о которомъ написано: *елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси*, простиралось на души.» (п. 1) Показавши всю незаконность такой анаемы, бл. Августинъ увѣщаваетъ Ав-

всѣхъ разрѣшить отлученныхъ, тѣмъ болѣе, что и самое то лице, за которое отлучены другіе, не сдѣлало ничего достойнаго азаемы (п. 4).

Письма противъ Донатистовъ: (53, 88, 89, 105, 185 и др. весьма замѣчательны въ историческомъ и догматическомъ отношеніяхъ. Письма противъ Пелагіанъ: 157, 188, 191, 217, 125 и др. содержатъ почти все ученіе бл. Августина о благодати. Но такъ какъ въ своемъ мѣстѣ будетъ изложено съ возможною полнотою ученіе бл. Августина какъ противъ Донатистовъ — о Церкви, такъ и противъ Пелагіанъ объ оправданіи человѣка Благодатію Христовою; то и не представляемъ здѣсь содержація означенныхъ писемъ.

ТОМЪ III.

СОДЕРЖИТЪ ТВОРЕНІЯ ГЕРМИНЕВТИЧЕСКАГО И ИСТОЛКОВАТЕЛЬНАГО. ХАРАКТЕРА.

О наукѣ христіанской (*de doctrina christiana*) четыре книги. Начат. 397-го, а кончен. 426-го года. Твореніе это весьма замѣчательно и важно для насъ, потому что оно есть драгоценный сборникъ отеческихъ понятій и правилъ, руководствовавшихъ прежде и нынѣ могущихъ руководствовать къ правильному разумѣнію Слова Божія и успѣшному преподаванію его другимъ.

Оно состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Послѣ предисловія, содержащаго отвѣтъ тому, кто

вздумалъ бы порицать трудъ сочинителя, говорится слѣдующее:» два главныхъ предмета надобно имѣть «въ виду тому, кто ученымъ образомъ занимается «Священнымъ Писаніемъ: 1) способъ находить истинный смыслъ онаго, и 2) способъ сообщать или излагать сей смыслъ другимъ. Посему и я «буду разсуждать сначала о томъ, какъ находить «смыслъ, а потомъ какъ сообщать оный.»

1.

Первая часть слагается изъ трехъ разсужденій: а) о предметахъ, б) о знакахъ, в) о нѣкоторыхъ частныхъ правилахъ изъясненія св. Писанія.

а) Сущность изслѣдованія о *предметахъ* состоитъ въ раскрытіи той важной истины, что полнота и цѣль закона и всего св. Писанія есть *любовь*, а именно: 1), любовь къ тому единственному Предмету, которому должно наслаждаться, 2) любовь къ тѣмъ существамъ, которыя вмѣстѣ съ нами могутъ онымъ Предметомъ наслаждаться. Къ сей цѣли, то есть, чтобъ мы знали сіе и могли сообразно тому дѣйствовать, Божественный Промыслъ направилъ все временное Свое о нашемъ спасеніи домоостроительство, коимъ самимъ мы должны пользоваться не какъ постояннымъ нѣкимъ предметомъ любви и наслажденія, но болѣе, какъ преходящимъ распоряженіемъ... Отсюда: кто при истолкованіи слова Божія думаетъ, что онъ уразумѣлъ св. Писаніе, или нѣкоторую часть онаго, а между тѣмъ разумѣніе его никого не назидаетъ

въ вышензложенной двоякой любви къ Богу и ближ-
нему. тотъ еще не уразумѣлъ Писанія. Напротивъ,
кто извлекъ изъ онаго мысли, полезныя для назиданія
въ любви; тотъ хотя бы иногда и не то именно гово-
рилъ, что изъясняемый имъ писатель хочетъ сказать въ
извѣстномъ мѣстѣ, однакожь ошибка его безвредна:
онъ, конечно, обманывается, но не лжетъ... И если
этотъ смыслъ, невѣрно извлеченный при изъясненіи,
назидаетъ въ любви; то изъяснитель обманывается то-
лько такъ, какъ обманывается путникъ, который, по
ошибкѣ, оставивъ прямую дорогу, идетъ полемъ, впро-
чемъ тудаже, куда ведетъ и самая дорога... И такъ,
кто имѣетъ вѣру, надежду, любовь и постоянно пре-
бываетъ въ нихъ; тотъ имѣетъ нужду въ Писаніи не
столько для себя, сколько для того, чтобы назидать дру-
гихъ. Такъ многіе живутъ въ пустынѣ, вовсе не
имѣя у себя Библии, а вмѣсто оной руководству-
ются вѣрою, надеждою, любовію. Надъ ними, ка-
жется, исполнилось уже то, что сказалъ Апостолъ:
еще пророчествія упрзднятся, еще ли языцы
умолкнутъ, еще разумъ испразднится (1 Кор.
13, 8). Вѣра и любовь такъ умудрили сихъ лю-
дей, что, держась *совершеннаго*, они уже не
ищутъ того, что *отчасти*:—*совершеннаго* говорю
потому, что поколику это возможно въ настоящей
жизни... По сей причинѣ, кто совершенно постиг-
нетъ, что цѣль закона есть *любы отъ чиста*
сердца и съ вѣсти благія и вѣры не лицемерныя
(1 Тим. 1, 5), и кто все разумѣніе св. Писанія
будетъ основывать на сихъ трехъ добродѣтеляхъ:
тотъ смѣло приступай къ изъясненію слова Божія»
(Кн. 1, § XXXIX—XLIV.

б) Подъ именемъ *знаковъ* бл. Августинъ разумѣетъ здѣсь знаки *условные*, которыми живыя существа выражаютъ свои душевныя движенія, чувствованія и мысли, то есть, *по преимуществу* слова. Посему въ этомъ отдѣленіи разсуждается о томъ, что нужно для разумѣнія языка Св. Писанія.

1) Ревностѣйшій испытатель Писанія прежде всего долженъ прочесть и замѣтить все Писаніе, т. е. всѣ каноническія книги, и такимъ образомъ ознакомиться съ ними, если еще не разумѣніемъ ихъ, по крайней мѣрѣ—однимъ чтеніемъ (здѣсь опредѣляются и исчисляются каноническія книги В. и Н. Завѣта) (Кн. 2, § XII—XIII). 2) Потомъ надобно со всѣмъ тщаніемъ и ревностію углубляться въ познаніе того, о чемъ ясно говорятъ онѣ. 3) Ознакомившись тѣснѣе съ самымъ языкомъ Св. Писанія, должно приступить къ открытію того, что въ немъ темно, объясняя невразумительныя выраженія вразумительными, неизвѣстныя мысли извѣстными (§ XIV). Въ Писаніи могутъ встрѣчаться намъ неизвѣстныя а) *слова* или цѣлыя *изреченія*: въ семъ случаѣ нужно стараться о хорошемъ изученіи какъ собственнаго, такъ и чужеземныхъ языковъ, чтобы сличать подлинныя списки и переводы (латинскіе переводы надобно повѣрять греческимъ текстомъ: В. З. переводомъ 70, а Н. З. подлиннымъ греческимъ же текстомъ, какой особенно принимается Церковію (§ XXII) § XVI—XXIII, — б) свойства самыхъ предметовъ: въ такомъ случаѣ требуется знаніе наукъ естественныхъ и нѣкоторыхъ искусствъ, также исторіи, географіи (XXIII—XLVII). Изъ наукъ умственныхъ достойны нашего

вниманія наука разсуждать и наука счислять. Первая весьма много способствуетъ къ разрѣшенію трудныхъ мѣстъ Писанія; но не должно употреблять ее изъ одного желанія спорить. И другая можетъ быть полезною при изъясненіи чиселъ, на которыя указываетъ Писаніе. «Юношамъ, приведеннымъ къ наукамъ, юношамъ даровитымъ, имѣющимъ страхъ Божій и взыскующимъ блаженной жизни, весьма полезно, на сей разъ, слѣдующее наставленіе: не должно безъ всякаго изслѣдованія увлекаться никакимъ ученіемъ, преподаваемымъ внѣ Церкви Христовой и вѣряться ему, какъ руководству къ достиженію блаженной жизни: напротивъ всегда должно разсудить о немъ предварительно со всѣмъ вниманіемъ и осторожностію. Если въ числѣ наукъ, изобрѣтенныхъ людьми, найдутся пестройныя и разногласныя между собою, по различію духа и напѣренія изобрѣтавшихъ оныя, и сомнительныя, по подозрѣнію въ заблужденіи самихъ изобрѣтателей, особенно, если въ сѣи науки привходитъ что нибудь магическое; то всѣ такіа науки должны быть отвергаемы и презираемы безъ милосердія. Не должно заниматься и тѣми изъ нихъ, которыя не слишкомъ пущы и служатъ только для одного удовольствія. Науки и постановленія человѣческія, относящіяся къ общежитію, по необходимымъ потребностямъ настоящей жизни не должны быть пренебрегаемы. Что же касается до прочихъ наукъ языческихъ; то онѣ, по моему мнѣнію, вовсе бесполезны, исключая изъ сего только исторію, нѣкоторыя искусства, основанныя на опытѣ и благоразумной догадливости и полез-

ныя для тѣла, и науку разсуждать и считать. Но и въ этихъ даже наукахъ, а особенно имѣющихъ предметомъ своимъ одно чувственное, находящееся во времени и пространствѣ, должно держаться извѣстнаго правила: *ничего лишняго* (LVIII.)

в) Двусмысленность бываетъ или въ *собственныхъ* словахъ, или въ *переносныхъ*. 1. Въ первомъ случаѣ надобно прежде всего смотрѣть, правильно ли мы раздѣлили ихъ по разстановкѣ; если это не помогаетъ, то нужно прибѣгать къ аналогіи вѣры; кромѣ того надобно обращаться къ связи рѣчи и разсматривать предъидущія и послѣдующія части текста, окружающія темное мѣсто. Примѣры. Ки. 3, II—IV. Если двусмысліе происходитъ отъ разности въ чтеніи, то и въ семъ случаѣ должно употреблять тѣже средства; иногда такое двусмысліе можетъ безъ вреда оставаться и совсѣмъ не рѣшеннымъ. Иногда двусмысленность зависитъ отъ сомнительнаго звука слоговъ (на пр. *os* и *ōs*): такія двусмысленности лучше всего разрѣшаются справокою съ оригинальнымъ текстомъ. Подобнымъ образомъ надобно рѣшать и всякія обоюдности (VI—VIII). 2) Во второмъ случаѣ, прежде всего должно остерегаться, чтобы *иносказательной* рѣчи не принять *буквально*, и на оборотъ. Способъ, по которому можно узнать, иносказательное ли извѣстное выраженіе, или собственное, состоитъ въ слѣдующемъ: все что въ Св. Писаніи, будучи принято въ собственномъ смыслѣ, не согласно съ нравственностію или съ истинами вѣры, все то должно разумѣть въ смыслѣ иносказательномъ. Нравственность же вся утверждается на любви къ

Богу и ближнему, а истины вѣры—на познаніи Бога и ближняго (IX—XIV). Если откроется, что рѣчь иносказательная; то, для изъясненія ея, надобно смотрѣть, отъ сходства какихъ предметовъ взято иносказаніе. При чемъ пужно замѣчать, что не рѣдко одна и таже вещь принимается не только въ различныхъ но и въ противоположныхъ значеніяхъ, на пр. *квасъ* (Мѡ. 16, 11 и Лук. 13, 12). Значеніе сіе должно быть опредѣляемо по самому положенію слова. Къ объясненію иносказательныхъ мѣстъ много способствуетъ знаніе такъ называемыхъ троповъ.— За тѣмъ бл. Августинъ приводитъ правила нѣкоего Тихонія, руководствующія къ разумѣнію смысла Писанія: всѣ эти правила, исключая третьяго, учатъ тому, какъ подъ однимъ разумѣть въ Писаніи другое, т. е. какъ понимать языкъ или рѣчь выраженную тропами. Въ заключеніе, говоритъ надобно внушать любителямъ священныхъ писменъ, чтобы они старались узнавать въ Писаніи не только разные образы выраженія, какіе оно обыкновенно употребляетъ, говоря о томъ или о другомъ предметѣ, и твердо содержали ихъ въ памяти, но—самое важное и необходимое дѣло—надобно убѣждать ихъ, чтобы они молили Бога, да дастъ имъ умъ разумѣти Писаніе. Ибо въ томъ же Писаніи, коимъ они имѣютъ охоту заниматься, сказано: *Господь даетъ премудрость и отъ лица Его познаніе и разумъ* (Притч. 2, 6). XXXIV.—LVI.

Къ званію проповѣдническому вполне спосо-

бенъ тотъ, кто можетъ говорить мудро и краснорѣчиво. Но «если кто не можетъ говорить краснорѣчиво, а между тѣмъ по званію своему долженъ говорить мудро; тому весьма необходимо содержать въ памяти самыя слова и выраженія Писанія, дабы то, что своими словами выражаетъ слабо, подкрѣплять силою Писанія. Такимъ образомъ кажущійся недорослымъ по своему языку нѣкоторымъ образомъ займетъ ростъ отъ свидѣтельства мужей великихъ и будетъ правиться доказательствами, когда не можетъ правиться красотою слова.» Ачтобы научиться говорить къ народу мудро и вмѣстѣ краснорѣчиво, что, безъ сомнѣнія, было бы гораздо полезнѣе, для сего надобно читать или слушать ораторовъ и подражать имъ; только чтобы тѣ, коихъ читаешь или слушаешь, были въ словѣ своемъ не только краснорѣчивы, но и мудры. Упасъ есть церковные писатели, которые не только мудро, но и краснорѣчиво раскрыли въ своихъ твореніяхъ слово Божіе. «Само св. Писаніе говоритъ не только мудро, но и краснорѣчиво, и въ томъ и другомъ отношеніи превосходитъ писанія человѣческія. И то особенно удивительно, какъ Св. Писатели, при своемъ особомъ и высшемъ родѣ витійства, такъ искусно умѣли употреблять наше человѣческое краснорѣчіе, что оно и находится у нихъ все въполнѣ, и между тѣмъ не высказывается явно; ибо имъ не надлежало ни отвергать краснорѣчія человѣческаго, ни тщеславиться имъ. Если образованнымъ людямъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія представляются явные слѣды краснорѣчія человѣческаго; то за то въ сихъ мѣстахъ говорится о такихъ предметахъ,

что слова, выражающія предметы, кажутся не отъ писателя придуманными, а добровольно изъ сущности предметовъ родившимися. Читая ихъ, невольно думаешь, что здѣсь одна простая мудрость выходитъ изъ обители своей, т. е., изъ груди мудреца, а краснорѣчіе слѣдуетъ за нею какъ неотлучная раба, не будучи звапа къ ней.» Кн. 4, VII—X. Примѣры. XI—XXI.

Но, заимствуя образцы свящ. витійства изъ Писанія, мы не должны подражать ему тамъ, гдѣ оно выражается съ полезною и спасительною темнотою, не должны изъяснять писаніе такъ темно, чтобы наши изъясненія пужно было снова изъяснять. Напротивъ мы должны прилагать все стараніе къ тому, чтобы говорить какъ можно яснѣе и для этого жертвовать самымъ изяществомъ рѣчи, если то нужно, употребляя слова и выраженія самыя простонародныя, а чего нельзя ясно выразить, о томъ лучше не говорить въ церк. поученіяхъ, а бесѣдовать частно (XXII—XXVI).

«Ораторъ обязанъ учить такъ, чтобы слово его *научало, нравилось и убѣждало*. Научать есть долгъ *необходимости*, нравиться — *пріятности*, убѣждать — *дѣло победы*. Уча народъ, проповѣдникъ долженъ говорить до тѣхъ поръ, пока будетъ совершенно понятъ своими слушателями. Ибо хотя бы онъ, по видимому, все высказалъ, что самъ понимаетъ, но если не поняли его другіе, то онъ почти ничего не сказалъ имъ: напротивъ, если его скоро поняли, то онъ все сказалъ, какимъ бы образомъ ни сказалъ. *Нравиться* должно слушателю для того, чтобы удержать его при слушаніи. *Убѣ-*

ждать для того, чтобы подвигнуть къ дѣйствованію. Нравишься ему, если говоришь пріятно; убѣждаешь, если заставишь любить то, что общаешься, бояться того, чѣмъ угрожаешь, несправидѣть то, что укоряешь, принимать то, что одобряешь, скорбѣть тамъ, гдѣ ты возбуждаешь скорбь, радоваться тогда, когда благовѣствуешь радость, болѣзновать о тѣхъ, коихъ предъ очами его поставляешь достойными соболѣзнованія, убѣгать тѣхъ, коихъ совѣтуешь съ ужасомъ отвращаться.. И такъ церковный ораторъ достойно дѣйствуетъ, когда предлагаетъ народу одно то, что истинно, свято и добро (другаго пичего онъ и не долженъ предлагать), и предлагаетъ такъ, что его слушаютъ *внимно, охотно и покорно*. Но успѣха въ семъ дѣйствованіи онъ долженъ ожидать болѣе отъ благочестивыхъ молитвъ, нежели отъ способностей ораторскихъ: пусть, молясь за себя и за своихъ слушателей, сдѣлается прежде молитвенникомъ, чѣмъ проповѣдникомъ. И въ ту самую минуту, когда выходитъ на кафедру, прежде нежели отверзетъ уста свои, пусть онъ вознесетъ жаждущую душу свою къ Богу, да по благодати Его отрыгнетъ то, чѣмъ самъ напоенъ и да изліетъ отъ полноты своей (XXVII—XXXIII).» Съ другой стороны, въ дѣйствительной побѣдѣ надъ слушателями всегда болѣе вѣсу и силы имѣетъ жизнь проповѣдника, нежели слово его. Правда, приносить пользу проповѣдники и тогда, когда сами не исполняютъ своихъ наставленій; но несравненно большую пользу людямъ принесли бы они тогда, когда бы сами напередъ исполняли то, о чемъ про-

повѣдуютъ другимъ. «Ибо мало ли есть такихъ слушателей, коя защиты своей порочной жизни ищутъ въ поведеніи самихъ настоятелей и учителей своихъ, помышляя въ душѣ своей, или — въ недоброй часъ — даже въ глаза говоря проповѣднику: для чего ты самъ того не дѣлаешь, что мнѣ заповѣдуешь. Вотъ откуда происходитъ, что люди не внимаютъ съ покорностію тому, кто самъ себя не внимаетъ, и вмѣстѣ съ проповѣдникомъ пренебрегаютъ слово Божіе, которое онъ проповѣдуетъ. (LIX—LX).»

Есть люди, которые могутъ хорошо произносить проповѣди, но не могутъ выдумать того, что произнести, не могутъ сами писать проповѣдей. Въ такомъ случаѣ нѣтъ грѣха и безчестія заимствовать у другихъ мудро и краснорѣчиво написанныя сочиненія, выучивать ихъ на память и предлагать народу. Это одинъ изъ истинно полезныхъ способовъ распространять истину; ибо чрезъ него вдругъ дѣлается много проповѣдниковъ, безъ умноженія числа учителей (Іак. III, 1), если только всѣ они проповѣдуютъ одно и тоже ученіе истиннаго Учителя, и нѣтъ между ними раздѣленій (LXII).

Буквальное изъясненіе повѣствованія Моусеева о сотвореніи міра (*de Genesi ad litteram*). Два творенія бл. Августина имѣютъ такое заглавіе; одно неполное, написанное имъ въ 393 году, но изданное гораздо позже; другое, въ 12-ти книгахъ, написанное имъ между 401—415 годами. Цѣлю обоихъ твореній было показать (вопреки хулѣ Манихеевъ), что сказаніе Моусея о сотво-

ренія міра и челоуѣка, припимаемое въ буквальныйъ смыслѣ, не содержитъ въ себѣ никакихъ несообразностей.

Рѣченія (*locutiones*), или изъясненіе нѣкоторыхъ малоупотребительныхъ и малозвѣстныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ первыхъ семи книгахъ св. Писанія. Напис. въ 419 г.

Вопросы на седмокнижіе (*quaestiones in Septateuchum*). Здѣсь объясняются труднѣйшія мѣста также изъ первыхъ семи книгъ Ветх. Завета. Напис. также въ 419 году.

Замѣтки (*annotationes*) на книгу Іова, написанныя самимъ Августиномъ на поляхъ книги, но потомъ переписанныя и изданныя другими.

Зерцало (*speculum*), или избранныя мѣста изъ книгъ В. и Н. Завета, съ предисловіемъ.

О согласіи четырехъ Евангелистовъ (*de consensu quatuor Evangelistarum*), 4 книги. Напис. около 400 года.

Изъясненіе нагорной бесѣды Господа (*de sermone Domini in monte*), въ 2 книг. Въ первой содержатся размышленія на 5, 6 и 7-ю главы Евангелія отъ Матѳея, во второй изъясняется молитва Господня. Нап. ок. 393 г.

Вопросы на нѣкоторыя мѣста Евангелій отъ Матѳея и отъ Луки, въ 2 книгахъ.

Бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна (*tractatus in Evang. Iohan*). 124. Напис. ок. 412. года.

Бесѣды на первое посланіе св. Апостола Іоанна, 10.

Изъясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ по-

сланія къ Римлянамъ и начало полнаго изъясненія тогоже посланія. Нап. ок. 394 г.

Изъясненіе посланія къ Галатамъ. Напис. ок. 394 года.

ТОМЪ IV.

Изъясненія псалмовъ (*enarrationes in psalmos*). Написаны въ разныя время и составлены по большей части изъ бесѣдъ, говоренныхъ къ народу. Твореніе это нельзя назвать собственно изъясненіемъ псалмовъ, потому что бл. Августинъ непрерывно отступаетъ отъ собственнаго смысла псалмовъ и вдается въ разсужденія, часто не имѣющія почти никакого отношенія къ тексту; тѣмъ не менѣ здѣсь можно находить весьма много полезнаго и назидательнаго, особенно проповѣдникамъ слова Божія, ибо въ этомъ твореніи множество превосходныхъ нравственныхъ наставленій и изреченій.

ТОМЪ V.

Бесѣды (*sermones*), раздѣленные на пять рядовъ: 1) Бесѣды на разныя мѣста В. и Н. Завета, 2) на большіе годовые праздники, 3) на праздники Святыхъ, 4) о разныхъ предметахъ, какъ то: о любви къ Богу, о страхѣ Б., о покаяніи, о презрѣніи къ міру, о нравахъ клириковъ, о мирѣ и согласіи, о воскресеніи мертвыхъ; 5) бесѣды — сомнительной подлинности.

ТОМЪ VI.

Здѣсь собраны творенія различнаго содержанія, написанныя большею частію по просьбѣ другихъ о предметахъ догматическихъ, нравственныхъ и пр.

83 вопроса (*de 85 quaestionibus*), 1 книга. Рѣшенія этихъ вопросовъ писаны были бл. Августиномъ еще въ первые годы его послѣ крещенія, но собраны и изданы имъ уже епископомъ. Почти все эти вопросы касаются тѣхъ предметовъ, о которыхъ разсуждается въ первыхъ твореніяхъ бл. Августина, именно, о свободѣ человѣка, о происхожденіи зла, о познаніи истины и пр.

Разные вопросы (*de variis quaestionibus*), къ Симплиціану, 2 книги, написан. въ 397 году, по просьбѣ Симплиціана, вступившаго на епископ. кафедру въ Медіоланѣ, по кончинѣ св. Амвросія. Въ первой книгѣ изслѣдуются два мѣста изъ посланія къ Римлянамъ, одно, изъ 7-ой главы, гдѣ говорится о безсиліи человѣка въ исполненіи закона, другое изъ 9-й, гдѣ разсуждается о призваніи Іакова и отверженіи Исава. Во второй книгѣ рѣшаются пять вопросовъ на нѣкоторыя мѣста изъ книгъ Царствъ, какъ то, 1 Ц. 11, 6 и 15, 35—о Саулѣ, 28 гл. о явленіи Саулу Самуила, по чарованію Аендорской волшебницы, и др.

Рѣшеніе 8-ми вопросовъ Дульциція (*de 8 quaestionibus Dulcili*), 1 книга, напис. въ 425 г. Первый вопросъ: «сподобившіеся крещенія, по умершіе во грѣхахъ, не будутъ ли освобождены

когда либо отъ осужденія?» Отвѣчая на сей вопросъ, бл. Августинъ изъясняетъ 3 гл. 13—15 ст. 1 посл. къ Кор., гдѣ говорится объ очищеніи огнемъ нѣкоторыхъ грѣховъ человѣческихъ. Подъ именемъ огня того, говорить, надобно разумѣть бѣлствія настоящей жизни; которыми заглаждаются не тяжкія (leviora) согрѣшенія людей. Второй вопросъ: какую пользу получаютъ умершіе отъ поминовенія по ихъ душамъ?» Вотъ собственные слова бл. Августина, въ которыхъ заключается сущность его отвѣта на сей вопросъ: »въ теченіи »всего времени между смертію каждаго человѣка и »послѣднимъ воскресеніемъ нашимъ, души содер- »жаты въ тайныхъ и сокровенныхъ мѣстахъ, гдѣ »или страждутъ, или наслаждаются блаженнымъ ми- »ромъ и покоемъ, смотря потому, какъ жили въ »этой жизни. Души, содержимыя въ сихъ мѣстахъ, »безснорно получаютъ облегченіе отъ скорбей »своихъ, когда, по благочестію живыхъ, или при- »носятся за нихъ жертва Христа Искупителя на- »шего, или раздается въ церкви милостыня для »бѣдныхъ. Но все это полезно тѣмъ только, кои »живя благочестиво и праведно на землѣ, заслу- »жили то, чтобы сіе пользовало имъ по смерти... »И такъ, когда приносится жертва тѣла Христова »или совершаются милостыни за всѣхъ крещенныхъ »то сіе бываетъ— за тѣхъ, кои жили свято и не- »порочно, дѣйствіемъ благодаренія, за тѣхъ же, кои »не были великими грѣшниками, ходатайствомъ; а »что касается людей, кои при жизни предавались »всѣмъ порокамъ, то хотя для нихъ отсюда нѣтъ »никакой пользы, но есть по крайней мѣрѣ утѣ- »шеніе для живыхъ.

— Третій вопросъ: всѣ ли должны непременно умереть до дня втораго пришествія Господня?— Отвѣтъ отрицательный. — Последніе пять вопросовъ касаются нѣкоторыхъ труднѣйшихъ мѣстъ св. Писанія.

О вѣрѣ въ невидимое (*de fide rerum, quae non videntur*) одна книга. Напис. 399 год., противъ язычниковъ, укорявшихъ вѣру Христову за то, что она заставляла вѣрить въ бытіе такихъ предметовъ, которыхъ никто не видалъ и видѣть не можетъ. Бл. Августинъ сначала говоритъ, что и всѣ люди по необходимости вѣрятъ многому, чего не только видѣть, но и разумѣть не могутъ: безъ этаго не устояло бы никакое гражданское общество. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, вѣра должна основываться на какихъ нибудь несомнѣнныхъ знакахъ того, во что вѣруется, и потомъ доказываетъ, что вѣра наша имѣетъ видимыя основанія, каковы суть пророчества, исполненіе коихъ всякой можетъ видѣть собственными глазами, особенно — о призваніи язычниковъ и распространеніи Евангелія по всему міру; а подлинность самыхъ пророчествъ очевидна изъ того, что книги, въ которыхъ они содержатся, приняты христіанами изъ рукъ Іудеевъ, враговъ христіанской вѣры. Но еслибы не было и пророчествъ, прибавляетъ бл. Августинъ, то самое измѣненіе міра, произведенное вѣрою Христовою, неопровержимо доказываетъ, что вѣра сія — не отъ людей, а отъ Бога.

О вѣрѣ и сѣмволѣ (*de fide et symbolo*). Это — исповѣданіе вѣры, которое бл. Августинъ, будучи еще пресвитеромъ, произносилъ предъ лицомъ

епископовъ, на соборъ Иппонійскомъ, въ 393 году.

О вѣрѣ и дѣлахъ (*de fide et operibus*), 1 книга. Напис. около 413 года. Здѣсь бл. Августинъ опровергаетъ нѣкоторыя заблужденія, которыя встрѣтилъ въ сочиненіяхъ, ему присланныхъ. Заблужденія сіи состояли въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) надобно допускать до крещенія всякаго, кто хочетъ принять сіе таинство, безъ предварительнаго испытанія его вѣры и жизни; 2) правила жизни христіанской могутъ быть преподаны и послѣ крещенія; для правильнаго же совершенія таинства достаточно и того, если приступающему къ купѣлю крещенія объяснены догматы вѣры; 3) кто снодобился крещенія, тотъ непремѣнно будетъ спасенъ, какъ бы кто ни жилъ: умершіе во грѣхахъ будутъ очищены въ такомъ случаѣ огнемъ. — Противъ первыхъ двухъ положеній бл. Августинъ, на основаніи Писанія и практики Церкви, утверждаетъ, что крещенію должно предшествовать покаяніе. Противъ послѣдняго доказываетъ, что умершіе во грѣхахъ смертныхъ будутъ осуждены на вѣчныя мученія.

Ручная книга (*Enchiridion*), или трактатъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви. Нап. ок. 421 года. Одинъ изъ римскихъ военачальниковъ, по имени Лаврентій, пользовавшійся дружескимъ расположеніемъ бл. Августина, просилъ его составить такую книгу о православной вѣрѣ, которую можно было бы всегда имѣть при себѣ, какъ руководство къ различенію истины отъ заблужденій еретическихъ. Бл. Августинъ, исполняя желаніе благочестиваго друга

своего, составилъ для него хотя краткое, но довольно полное изложеніе православнаго ученія христіанскаго. Первую часть этаго творенія составляетъ изложеніе членовъ вѣры, содержащихся въ символѣ Никейскомъ, съ подробнымъ изслѣдованіемъ ученія о грѣхѣ первородномъ, о паденіи Ангеловъ и чело-вѣковъ, о необходимости искушенія, о необходимости таинства крещенія, также о различіи между грѣхами смертными и простительными, о вѣчности и неравенствѣ будущихъ наказаній, о свободной во-лѣ чело-вѣка и о состояніи души по смерти чело-вѣка до дня суднаго. Во второй части изъясняется молитва Господня. Въ третьей—заповѣди и совѣты Евангельскіе.

Это — древнѣйшій образецъ православно—христіанскаго систематическаго Богословія.

О БОРЬБѢ ХРИСТІАНИНА (*de agone christiano*), I книга. Напис. въ 396 году. Твореніе сіе почти одинаковаго содержанія съ предъидущимъ, только по языку проще. Бл. Августинъ имѣлъ цѣлю изложить ученіе вѣры Христовой хотя методомъ систематическимъ, но такъ, чтобы и недовольно образованные читатели могли хорошо понимать эту систему.—Жизнь христіанина, говоритъ, должна состоять въ борьбѣ съ духомъ злобы. Вѣрнѣйшее средство побѣждать зло состоитъ въ томъ, чтобы побѣждать себя самаго, т. е. плоть и страсти подчинять разуму. Но побѣдить себя никто не можетъ, если не предастъ себя Богу; и такъ въ сей борьбѣ чело-вѣкъ долженъ вооружаться вѣрою и тѣми средствами, какія пріобрѣлъ намъ І. Христосъ смертію Своею.—За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе членовъ вѣры.

Объ оглашении (de catechisandis rudibus) 1 книга. Написана въ руководство одному катехизатору Кервагенскому. Вотъ общія правила, предлагаемая бл. Августиномъ для катехизаторовъ: 1) полное наставленіе въ вѣрѣ надобно начинать отъ сотворенія міра и потомъ по порядку временъ доходить до настоящаго состоянія Церкви; но при этомъ нѣтъ нужды говорить обо всемъ, что содержится въ каждой свящ. книгѣ: достаточно избирать изъ нихъ то, что особенно замѣчательно въ каждомъ періодѣ (aetas) Церкви. 2). Все надобно направлять къ тому, чтобы возбудить въ сердцѣ слушающаго любовь христіанскую. Впрочемъ необходимо возбуждать и страхъ суда Божія въ сердцахъ оглашаемыхъ; съ особенною же силою надобно внушать имъ, что нечестиво принимать вѣру Христову для выгодъ житейскихъ. Въ частности, бл. Августинъ замѣчаетъ, что иначе нужно дѣйствовать съ людьми учеными и образованными, и иначе съ людьми простыми, и на каждый изъ этихъ случаевъ даетъ прекрасныя правила обращенія, прилагая къ сему наставленія и о томъ, какъ надобно поступать при изложеніи истинъ вѣры, чтобы не быть скучнымъ для слушателей. Въ образцѣ огласительныхъ поученій прилагаетъ два слова, составленные съ большимъ искусствомъ.

О воздержаніи (de continentia) 1 книга. Напис. около 395 года. Это—бесѣда на 3—4 ст. 140 псалма: *положи Госкоди храненіе устамъ моимъ* и пр.

О благѣ супружества (de bono conjugali) 1 книга. Нап. около 401 года, по слѣдующему слу-

чаю: иѣкто Ювиніанъ, противникъ дѣвства, многихъ римскихъ дѣвъ отклонялъ отъ намѣренія произнестъ обѣтъ всегдѣшняго дѣвства и располагалъ ихъ къ замужеству. говоря: развѣ вы думаете быть совершеннѣе Сусанны, или Анны и другихъ святыхъ женъ? — Этотъ еретикъ былъ осужденъ въ Римѣ, но разсѣявшіеся послѣдователи сего внушали народу, что отвергать мнѣніе Ювиніана значить тоже, что порицать супружество. Узнавши объ этомъ, бл. Августинъ поспѣшилъ написать сіе сочиненіе, чтобы прежде показать достоинство брака, а потомъ уже превосходство дѣвства. Супружество, говоритъ, древнѣе всѣхъ обществъ и вполне сообразно съ природою. Далѣе, различаетъ въ супруествѣ четыре блага: единеніе половъ, рожденіе дѣтей, правильное употребленіе похоти и священную вѣрность между супругами. Супружество, продолжаетъ, недостойно своего имени, когда въ немъ ничего не ищутъ, кромѣ удовлетворенія плотскихъ пожеланій и, чтобы не раждать дѣтей, прибѣгаютъ даже къ нѣкоторымъ врачебнымъ средствамъ. Но оно свято по взаимной вѣрности супруговъ, по цѣли—рожденія дѣтей, по таинству своего значенія. Отъ того-то бракъ и долженъ быть ненарушимъ, что утверждаетъ и св. Апостолъ, запрещая вступать въ новый бракъ тому, кто разводится съ женою своею.—И такъ супружество само по себѣ благо, но—изъ числа такихъ благъ, которыхъ должно искать или для другаго лучшаго блага, или для предупрежденія какого нибудь зла. До пришествія Іисуса Христа на землю самые воздержные люди справедливо искали супружескаго

союза, для умноженія народа, отъ коего имѣлъ родиться Мессія. Но теперь праведнѣе поступаютъ тѣ, которые, когда могутъ сохранить непорочность, не хотятъ вступать въ союзъ брачный. По этой причинѣ въ В. З. мужамъ не воспрещалось строго имѣть многихъ женъ, но женамъ никогда не позволялось имѣть многихъ мужей. Теперь же не позволительно имѣть и многихъ женъ. Евангельская чистота до того простирается въ этомъ дѣлѣ, что никого нельзя рукоположить въ діакона, кто имѣлъ болѣе одной жены. Наконецъ, отвѣчая на возраженіе Ювиніана, говоритъ: патріархи хранили величайшее воздержаніе, и по расположенію души (*habitu*) были любителями дѣвства; но на дѣлѣ (*actu*) не были такими потому, что тогда это не пользовало. Кромѣ того, надобно различать добродѣтели отъ лицъ, то есть: иной можетъ превосходить другихъ высшею добродѣтелію, но за то его превосходятъ другіе вообще святостію жизни: такъ дѣвство выше супружества, но покорная жена лучше своенравной дѣвственницы.

О святомъ дѣвствѣ (*de sancta virginitate*). Дѣвство принадлежитъ къ числу превосходящихъ даровъ Божіихъ, а наилучшимъ стражемъ его служитъ смиреніе. Сама Матерь Божія, давшая обѣтъ дѣвства еще прежде явленія Ей Архангела, представляетъ въ Себѣ примѣръ и образецъ высокаго состоянія сего. О дѣвствѣ имѣтъ заповѣди, но есть совѣтъ, и оно не необходимо для спасенія, но составляетъ высшую степень совершенства. Приводя на это доказательства изъ Писанія, бл. Августинъ изъясняетъ извѣстное мѣсто Св. Ап.

Павла о дѣвствѣ, противъ тѣхъ, кои говорили, что Апостоль совѣтуетъ дѣвственное состояніе единственно по причинѣ соединяющихся съ нимъ удобствъ житейскихъ. Потомъ убѣждаетъ дѣвственницъ къ смиренію и любви къ небесному Жениху ихъ.

О выгодахъ вдовства (*de viduitatis utilitatibus*), къ Іуліанію. Напис. ок. 414 года.—Главные мысли этого посланія: вдовство предпочтительнѣе супружества, хотя и второе супружество не—преступленіе; тяжкій грѣхъ—послѣ обѣта дѣвства вступать въ бракъ, однакожъ и подобные браки дѣйствительны. Въ заключеніи—нѣкоторые увѣщанія къ Іуліанію и дочери ея Диметріадѣ, произнесшей обѣтъ дѣвства, и предостереженіе отъ Пелагіевой ересп.

О прелюбодѣйныхъ супружествахъ (*de adulterinis coniugiis*), 2 книги. Нап. ок. 419 года.—Рѣшаются вопросы: 1) Позволительно ли мужу или женѣ, по разводѣ за прелюбодѣяніе съ какой нибудь стороны, вступать въ новый бракъ? 2) Позволителенъ ли разводъ между единовѣрными супругами по какой бы ни было причинѣ?—

О лжи (*de mendacio*). Напис. въ 395 году.

Противъ джи (*adversus mendicium*) въ 420 г. Предметъ обоихъ твореній одинъ и тотъ же. Вопросъ, позволительна ли когда нибудь ложь, былъ въ тѣ времена въ большомъ ходу и считался между труднѣйшими практическими вопросами. Почему бл. Августинъ два раза принимался за рѣшеніе сего. Сущность, какъ изслѣдованія, такъ и рѣшенія сего въ обоихъ сочиненіяхъ, впрочемъ,

одна и таже. Вотъ вкратцѣ положенія и доказательства бл. Августина на этотъ предметъ: ложь ни въ какомъ случаѣ и ни по какимъ побужденіямъ не позволительна; ибо что—грѣхъ по самой природѣ своей, то не можетъ быть законнымъ, съ какимъ бы добрымъ намѣреніемъ ни было сдѣлано. Въ Н. З. нигдѣ нѣтъ примѣра лжи, а какіе примѣры въ пользу лжи приводятся изъ В. З.; тѣ не относятся къ дѣлу: ибо лжи Ѳамари, на прим., не болѣе должно подражать, какъ и прелюбодѣянію Іуды. Что касается египетскихъ бабъ, то Богъ одобрилъ и наградилъ не ложь, а милосердіе ихъ. Тоже должно сказать о Раавъ. Словомъ, то не ложь, что защитники лжи приводятъ изъ В. З. какъ примѣры лжи; если же указываютъ точно на ложь, то она должна служить предметомъ осужденія, а не подражанія. Итакъ, поелику никогда не позволительно грѣшить, то ни въ какомъ случаѣ не позволительно и лгать, тѣмъ болѣе, что, допустивши ложь однажды, мы подвергася опасности по слѣдамъ ея дойти до клятвопреступленія и хулы, и можемъ смотрѣть на величайшіе грѣхи, какъ на полезную ложь или на какіе нибудь благочестивые обманы.

О значеніи тѣлеснаго труда въ жизни монашеской (*de opere monachorum*), 1 книга. Нап. около 400 года. Прекрасное разсужденіе о томъ, что трудъ тѣлесный не только не недостойнъ жизни монашеской, но напротивъ составляетъ какъ бы часть или удѣлъ оней, и ни въ какомъ случаѣ не пресѣтствуетъ духовнымъ занятіямъ иноковъ. Сравнивая свое положеніе съ положеніемъ мона-

ховъ, бл. Августинъ свидѣтельствуется Господомъ І. Христомъ, что онъ много предпочитаетъ жизнь монастырскую, гдѣ все можетъ идти стройнымъ порядкомъ, тихо, спокойно, жизни епископской, въ которой непрерывныя заботы по дѣламъ паствы не позволяютъ душѣ спокойно заняться собою.....

О прорицаніяхъ демоновъ (*de divinatione daemonum*) 1 книга. Нап. между 406—411 г.

— Изъяснивши, какъ демоны могутъ предвидѣть и предсказывать нѣкоторыя будущія вещи, бл. Августинъ выводитъ отсюда, что они часто по необходимости лгутъ и обманываются. При этомъ показываетъ, что весьма тяжело грѣшатъ противъ вѣры тѣ, кои сообщаются съ демонами. Полагаетъ, между прочимъ, что у демоновъ есть тончайшія тѣла..

О помяновеніи усопшихъ (*de cura pro mortuis gerenda*), къ Павлину, послѣ 418 года. Вопросъ Павлина: есть ли польза для умершаго, когда погребаютъ его близъ гроба какого либо мученика, и—вообще—какъ могутъ пользоваться молитвы Церкви усопшимъ, если каждый будетъ судимъ по дѣламъ своимъ?—Отвѣтъ бл. Августина: въ книгахъ Маккавейскихъ есть свидѣтельство о молитвахъ за усопшихъ; но хотябы въ В. З. и не предписывалось это, для насъ вполнѣ достаточенъ авторитетъ свят. Церкви Христовой, которая молится предъ жертвою Алтаря за усопшихъ. Что касается внѣшнихъ принадлежностей погребенія, то отсюда, конечно, нѣтъ никакой пользы для умершаго; однакожъ мы должны и въ этомъ выражать свое почтеніе къ людямъ, жившимъ благочестиво..

Мѣсто погребенія само по себѣ ничего не значитъ; но если кто погребаетъ усопшаго близъ гробницы мученика съ вѣрою въ его заступленіе, то самая вѣра есть нѣкоторымъ образомъ молитва объ усопшемъ. Далѣе говорится о томъ, какъ могутъ Святые слышать наши молитвы и помогать намъ... Объяснить это вполне мы не можемъ, но — несомнѣнно то, что Святые внимаютъ нашимъ молитвамъ и помогаютъ намъ... Наконецъ, молитвы Церкви, учить бл. Августинъ, пользуют не всѣмъ усопшимъ, а только тѣмъ, кои такъ жили, что могутъ отъ нихъ получать пользу. Мы не знаемъ, кто въ какомъ состояніи находится по смерти, и потому молимся за всѣхъ усопшихъ.

О терпѣнн (de patientia), нап. послѣ 418 года. Болѣе догматическое разсужденіе, чѣмъ ораторское слово объ этой добродѣтели.

ТОМЪ VII.

О градъ Божіемъ (de civitate Dei), къ Марцелину, противъ язычниковъ. Твореніе это начато бл. Августиномъ вскорѣ послѣ того, какъ Римъ взятъ былъ Готами подъ предводительствомъ Аларика. Язычники приписывали такое страшное бѣдствіе мщенію боговъ за распространеніе Вѣры Христовой въ имперіи и потому громко воцѣляли противъ христіанъ, какъ виновниковъ ихъ несчастія. Бл. Августинъ, по просьбѣ трибуна Африканскаго Марцеллина, предпринялъ опровергнуть такую клевету и съ этою цѣлію началъ твореніе свое о

градъ Божіемъ въ 413-мъ году; но, по множеству другихъ занятій, не могъ трудиться надъ нимъ постоянно, и потому кончилъ его только въ 426-мъ году. Такимъ образомъ оно писано было въ продолженіи 13-ти лѣтъ. За то принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ твореній всей христіанской древности.

Порядокъ предметовъ, составляющихъ содержаніе этаго творенія, слѣдующій: первыя пять книгъ направлены противъ упornaго суевѣрія тѣхъ язычниковъ, которые всѣ бѣдствія имперіи слагали на христіанъ, какъ презрителей боговъ языческихъ; слѣдующія пять—противъ другихъ язычниковъ, которые хотя соглашались, что бѣдствія бывали во всѣ времена, тѣмъ не менѣе упорно держались своего суевѣрія, утверждая, что счастье въ будущей жизни зависитъ отъ почитанія боговъ. Съ десятой книги бл. Августины начинается положительно доказывать истину вѣры Христовой и сначала изображаетъ происхожденіе двухъ градовъ, града Божія, т. е. Церкви Божіей, и града міра (Lib. X—XIV), потомъ, ихъ возрастаніе и распространеніе (XV—XVIII), наконецъ, ихъ послѣднюю судьбу (XIX—XXII). По имени превосходящаго изъ этихъ двухъ градовъ названо и самое твореніе.

Первая книга. По взятіи Рима, Готы, при всей жестокости своей, пощадили тѣхъ, кои отъ насилія и меча ихъ укрылись въ церквахъ христіанскихъ: въ числѣ спасшихся такимъ образомъ отъ безчестія или смерти много было язычниковъ. Поэтому бл. Августинъ первѣе всего обращается къ этому событію и обличаетъ язычниковъ въ край-

немъ ослѣпленіи и неблагодарности, поелику держаютъ клеветать на ту вѣру, которая одна только и могла спасти Римлянъ во время всеобщаго ихъ бѣдствія (сар. 1). Событіе это, продолжаетъ, безпримѣрно въ исторіи языческихъ войнъ; ибо никакіе храмы языческіе никогда не спасали побѣжденныхъ отъ жестокостей побѣдителей (сар. II—VII). Но почему, скажутъ, милосердіе Божіе оказано нечестивымъ и неблагодарнымъ? Потому же, почему и каждый день *Богъ сіяетъ солнце свое на благія и злыя и дождитъ на праведныя и неправедныя*. Въ настоящей жизни блага и наказанія ниспосылаются Промысломъ Божіимъ не въ точной соразмѣрности съ заслугами cadaго изъ насъ, и — въ этомъ самомъ открывается премудрость и благость Божія; ибо если бы Господь явно наказывалъ насъ въ этой жизни за всякій грѣхъ, то можно было бы подумать, что не будетъ послѣдняго суда; и на оборотъ, если бы никакой грѣхъ не подвергалъ насъ очевидному наказанію отъ Бога, то можно было бы усомниться въ Провидѣніи. Равнымъ образомъ, если бы Господь никому изъ просящихъ у Него не даровалъ земныхъ благъ съ очевидною щедростію; то могли бы сказать, что не отъ Него зависятъ сіи блага; и напротивъ, если бы даровались они каждому просящему, то могли бы заключить, что ради благополучія только и должно служить Богу. Посему-то и бываетъ, что добрые и нечестивые люди вмѣстѣ и одинаково терпятъ страданія въ этой жизни, но не съ одинаковымъ плодомъ для себя, надобно тому какъ неодинаково бываетъ съ золотомъ и соломой, когда

ихъ бросаютъ въ одинъ и тотъ же огонь (сар. 8). Добрымъ все обращается въ добро, ибо истинные христіане не почитаютъ за зло никакихъ временныхъ лишеній, скорбей, мученій, ни самой смерти. Даже безчестіе, которое потерпѣли христіанскія дѣвы при общихъ безпорядкахъ, не есть зло для потерпѣвшихъ: ибо онѣ не утратили чрезъ сіе ни чистоты тѣлесной, ни цѣломудрія душевнаго (сар. 9—16). Нѣкоторыя изъ нихъ, для предупрежденія насилія, сами себя подвергали смерти: кто будетъ строго судить ихъ и за это, и не захочетъ простить имъ такого поступка (*)?—

И такъ христіане нѣютъ утѣшеніе въ терпѣніи бѣдствій; а язычники потому главнымъ образомъ ропщутъ на современныя несчастія, что имъ нельзя свободно предаваться порочнымъ страстямъ своимъ; ибо они, и послѣ такого страшнаго бѣдствія, не перестаютъ искать гнусныхъ удовольствій, наполняя театры и пр., между тѣмъ какъ восточные и другіе отдаленнѣйшіе города изъясляютъ общественное сѣтованіе о паденіи Рима. »Зло, которое вы дѣлаете,» обличаетъ ихъ бл. Августинъ, »вы не хотите вмѣнять себѣ, а зло, которое терпите, вмѣняете временамъ христіанскимъ. Если вы, испорченные благополучіемъ, не исправлены бѣдствіями; то ясно, что вамъ дорога безопасность ваша не

(*) Но вообще, замѣчаетъ по сему случаю бл. Августинъ, никакое самоубійство не можетъ быть добродѣтелію, потому что оно противно законамъ природы и разума,—и если въ жизнеописаніяхъ святыхъ встрѣчаемъ, что нѣкоторые бросались въ рѣки для сохраненія дѣвства своего, то это—случаи исключительные, въ которыхъ не должно искать никому примѣра для себя (сар. 17—28).

потому, что вы желаете мира республикѣ, а потому, что домогаетесь безнаказаннаго наслажденія роскошю. Нѣкогда Сципіонъ нарочито страшиль васъ врагами, дабы предохранить васъ отъ роскоши; но вы, и пораженные врагами, не отстали отъ роскоши: не воспользовались вы бѣдствіями, и, сѣлавшись несчастными, остались такими же развращенными (с. 33).» Впрочемъ, заключаетъ бл. Августинъ, и то дѣло Божіе, что вы живете: пощадивши васъ неблагодарныхъ, онъ убѣждаетъ васъ къ раскаянію. 29—34.

Книга вторая. Здѣсь исторически доказывается, что корень зла общественнаго заключается въ растлѣніи правовъ, которое языческая религія не только не обуздывала, но и сама порождала. Лучшіе изъ римскихъ мужей сами жаловались на упадокъ нравственности въ своемъ отечествѣ и заранѣе предвидѣли бѣдствія его отъ развращенія гражданъ, какъ это можно видѣть изъ исторіи Саллюстія и Цицеронова трактата о республикѣ. Сар. XVIII, XXI. А безумные дерзаютъ укорять Вѣру Христову, какъ будто враждебную благамъ общества. »Жалуются, что люди о имени Христа освобождаются отъ адскаго ига и пагубнаго общенія съ нечистыми силами, что изъ тьмы погибельнаго печестія исходятъ на свѣтъ спасительнѣйшаго благочестія,— пропущутъ беззаконные и неблагодарные, одержимые въ самой глубинѣ души своей злобнымъ духомъ, что народъ стекается въ церкви на честныя празднества и стоитъ, раздѣлившись по поламъ; внимая, какъ надобно жить здѣсь, во времени, чтобы заслужить жизнь вѣчно-блаженную, и пр.» сар.

XXVIII. Потомки Регуловъ, Сцевольтъ, Сципионовъ, Фабриціевъ! взываетъ потомъ бл. Августинъ, — не жалѣйте объ утратѣ народной славы; теперь время искать другаго отечества, гдѣ »побѣда — истина, достоинство — святость, миръ — блаженство, жизнь — вѣчность!» XXIX — XXX.

Книга третья. Зѣсь также исторически доказывается, что бѣдствія народныя древнѣе Вѣры Христіанской, и потому слагать на христіанъ вину пастоящихъ бѣдствій очевидно несправедливо.

Книга четвертая. Обширность и долговременное существованіе имперіи римской не служить доказательствомъ того, будто служеніе богамъ благотворно было для Римлянъ. Ибо расширеніе государства не составляетъ для него истиннаго блага, если это дѣлается насиліемъ и притѣсненіями (IV—V). Кромѣ того, были другія государства также обширнѣйшія, и — исчезли. Посему или боги не имѣютъ власти надъ народами, или помощь ихъ не надежна и не постоянна (VI—VI). Наконецъ, Іудея не признавала боговъ языческихъ, но во временахъ пользовалась величайшимъ благоденствіемъ (XXXIV). Слѣд. благосостояніе государствъ не зависитъ отъ языческой религіи. Единъ Богъ владѣетъ царствами на землѣ.

Книга пятая. Промыслу Божію угодно было наградить временнымъ благополучіемъ нѣкоторыхъ добродѣтели Римлянъ, какъ то: умѣренность, воздержаніе, мужество и под., которыя хотя не были въ собств. смыслѣ добродѣтелями, ибо проистекали отъ славолубія. однакожь заслуживали, по суду Божію, временной награды. И такъ Римляне

получили мзду свою въ этой жизни: они искали славы и власти, имъ и дана была слава и власть (XI—XV). Вотъ причина могущества римской имперіи. Но чтобы не подумалъ кто, что для достиженія власти, могущества и славы на землѣ необходимо покоряться демонамъ (или что то же, служить ложнымъ богамъ).—Богъ даровалъ Константину (великому) долговременное и счастливое царствованіе. Равно, и съ другой стороны, чтобы императоры не обращались къ Вѣрѣ Христовой по одной любви къ земному благополучію, Богъ такъ устроилъ, что Ювіанъ меньше царствовалъ, чѣмъ Іуліанъ. Такой же порядокъ правленія Божія открылся въ судьбахъ Граціана и Θεодосія (XXV).

Въ шестой, седьмой, осьмой, девятой и десятой книгахъ опровергается богословіе языческое -- *баснословное, гражданское и естественное* (по раздѣленію Варрона). Подъ именемъ естественнаго богословія разумѣлось ученіе философовъ. Посему, доказавши въ 6-й и 7-й книгахъ неслѣпость баснословнаго и гражданского богословія, въ 8-й книгѣ бл. Августинъ обращается къ ученію философовъ. «Изъ философовъ, говоритъ, Сократъ первый направилъ философію къ исправленію и улучшенію нравовъ; до него философы были не болѣе какъ физиками (сар. III).» Изъ учениковъ Сократа болѣе всѣхъ прославился Платонъ и — справедливо, ибо никто изъ нихъ лучше его не рассуждалъ объ истинной мудрости (сар. IV—IX). Но и въ ученіи Платона, со всѣми послѣдователями его, много заблужденій. Главнѣйшее изъ этихъ заблужденій состоитъ въ томъ, что Платоники, кро-

и́ единоаго Верховнаго Существа, признавали боговъ писшихъ, посредствующихъ между Богомъ и людьми, или, демоновъ, которымъ учили воздавать божеское почтеніе... Христіане, напротивъ, никогда не впадали въ такое заблужденіе: они почитаютъ Ангеловъ и святыхъ людей, какъ рабовъ Божіихъ, но не создаютъ ни храмовъ, не поставляютъ для нихъ священниковъ, не приносятъ имъ жертвъ. »Кто слышалъ когда нибудь, что бы священникъ, стоя предъ Алтаремъ, созданнымъ хотя на св. мощахъ мученика, но во славу и для служенія Богу, говорилъ въ молитвахъ: приношу тебѣ жертву, Петре, или Павле, или Кипріане? Нѣтъ, при совершеніи памяти ихъ, жертва приносится Богу, создавшему ихъ и челоуѣками и мучениками и сподобившему ихъ равноангельской чести. Торжествуя такимъ образомъ память святыхъ Божіихъ, Церковъ, съ одной стороны, воздаетъ благодареніе истинному Богу за побѣды ихъ, съ другой—побуждаетъ и насъ достигать съ помощію Божіею такихъ же побѣдныхъ вѣнцевъ (ср. XXVIII)». — Поелику демоны раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ; то въ 9-й книгѣ изслѣдуется это раздѣленіе и доказывается на основаніи самаго ученія Платониковъ о демонахъ, что это суть духи нечистые—всѣ безъ изыятія, почему они и не могутъ быть посредниками между Богомъ и людьми. Такого достоинства нельзя приписывать даже и чистѣйшимъ Ангеламъ: оно принадлежитъ единому Іисусу Христу. — Подробно разсуждая о томъ же предметѣ въ 10-й книгѣ, бл. Августинъ говоритъ въ заключеніе: »Самъ истинный Ходатай Бога и челоуѣковъ челоуѣкъ

»Христосъ Иисусъ, пріемля жертву, яко Богъ, куп-
 ло со Отцемъ, Которому единосущенъ, во обра-
 зѣ раба, впрочемъ, восхотѣлъ быть, жертвою, а
 не принимать жертвы. Почему Онъ есть и Свя-
 щенникъ, приносящій жертву, и жертва, приноси-
 мая Богу... Прегнія жертвы Святыхъ были мно-
 гочастными и многообразными значеніями сей жер-
 твы, которая одна выражалась многими образами,
 подобно тому, какъ одинъ предметъ высказывается
 многими словами, для лучшаго уразумѣнія его
 »(сар. XX).» Сами Платоники сознаются, что единъ
 Богъ можетъ очистить человѣка отъ грѣховъ. По-
 сему, *Слову* необходимо было *быть плотію*, что-
 бы могъ быть истинный Посредникъ между Богомъ
 и человѣками,—и одна Религія Христіанская слу-
 житъ путемъ къ освобожденію души отъ всякаго зла.

Въ одиннадцатой книгѣ, показывая проис-
 хожденіе двухъ градовъ, бл. Августинъ говоритъ
 о твореніи видимаго и невидимаго міра и о еди-
 номъ Богѣ въ Троицѣ.

Въ двѣнадцатой, о различіи между добры-
 ми и злыми Ангелами, о сотвореніи человѣка и
 паденіи его.

Въ тринадцатой и четырнадцатой о томъ
 же предметѣ т. е. о паденіи человѣка, подробно.

Въ пятнадцатой и шестнадцатой, сем-
 надцатой и осмнадцатой, излагая кратко глав-
 ныя событія священной исторіи, бл. Августинъ
 изображаетъ земную судьбу двухъ градовъ, которые,
 будучи совершенно различны между собою какъ
 по происхожденію и характеру, такъ и по назна-
 ченію своему, по виѣшности однакожь не могутъ

быть строго отдѣлены одинъ отъ другаго и потому для нихъ общи временныя блага и несчастія.

Въ девятнадцатой книгѣ, начиная изображать послѣднюю судьбу или конецъ того и другаго града, бл. Августинъ говоритъ, что оба они стремятся къ одной цѣли, т. е. къ достиженію верховнаго блага, но у сыновъ земнаго града понятіе объ этомъ благѣ такъ темно, что и мудрейшіе между ними, то есть, философы, противорѣчатъ одинъ другому при его опредѣленіи. Здѣсь приводится 88-мъ различныхъ мнѣній о верховномъ благѣ. Религія Христіанская, — продолжаетъ, — обличаетъ ложь этихъ мнѣній, возвѣщая намъ ту истину, что люди въ настоящей жизни могутъ быть блаженны только *упованіемъ*, ибо на землѣ никто не можетъ достигнуть совершеннаго мира и спокойствія.

Двадцатая книга содержитъ описаніе будущаго суда, преобразованія міра, воскресенія мертвыхъ и небеснаго Іерусалима.

Двадцать первая изображаетъ конецъ земнаго града и вѣчныя муки демоновъ и осужденныхъ грѣшниковъ. Здѣсь рѣшаются также разныя возраженія противъ ученія о вѣчныхъ мукахъ.

Въ послѣдней книгѣ бл. Августинъ доказываетъ истину воскресенія мертвыхъ и изображаетъ вѣчное блаженство праведниковъ. Истина воскресенія мертвыхъ, — говоритъ, — не подлежитъ сомнѣнію, если несомнѣнно воскресеніе Христово; а воскресеніе Христово несомнѣнно, потому что засвидѣтельствовано такими людьми, которыхъ нельзя подозрѣвать въ обманѣ
че свидѣтельство свое подтвердили чудесами.

Отъ того-то весь міръ увѣровалъ въ то, что кажется всего невѣроятнѣе (сар. V—VI). Почему же, возражая, теперь никакихъ чудесъ не совершается? Потому, отвѣч. бл. Августинъ, что чудеса не необходимы болѣе: самая вѣра цѣлой вселенной есть чудо, для всѣхъ очевидное и навсегда пребывающее, и кто не вѣруетъ ему, «тотъ самъ есть чудо». Впрочемъ и теперь совершаются чудеса во имя Господа, чрезъ таинства ли Его, или по молитвамъ святыхъ Его, но они не такъ извѣстны, какъ тѣ, о коихъ говорится въ Св. Писаніи. Потомъ исчисляетъ 22 чуда, изъ которыхъ нѣкоторыя самъ видѣлъ, а о другихъ узналъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей (сар. VII).—Блаженство праведныхъ будетъ состоять въ созерцаціи Бога (сар. XXIX) и въ единеніи съ Нимъ (XXX).

ТОМЪ VIII.

Содержитъ творенія бл. Августина противъ разныхъ еретиковъ, исключая Донатистовъ и Пелагіанъ.

О ересяхъ (*de haeresibus*) одна книга. Написана ок. 428 года. Это—краткая перечень ересей отъ Синоновой до Пелагіанской.

Трактатъ противъ Іудеевъ (*tractatus adversus Judaeos*). Свидѣтельствами В. З. доказывається, что мѣсто древняго закона долженъ былъ заступить новыи, и вмѣсто отверженныхъ Іудеевъ должны были быть призваны язычники.

О пользѣ вѣры (*de utilitate credendi*) одна

книга. Написана ок. 391 года, противъ Манихеевъ, которые обольщали неопытныхъ тѣмъ, будто бы могутъ, безъ помощи всякаго авторитета, при свѣтѣ одного разума, доводить людей до совершеннаго познанія истины.

О двухъ душахъ (*de duabus animabus*), одна книга. Написана около 391 года, противъ Манихеевъ, въ опроверженія одного изъ главныхъ пунктовъ лжеученія ихъ, именно, будто бы въ человѣкѣ двѣ души, одна добрая—часть Божественнаго дыханія, другая злая—отъ злаго начала....

Преніе съ Фортунатомъ Манихеемъ (*acta seu disputatio contra Fortunatum Manichaeum*). Это—актъ публичнаго состязанія бл. Августина, съ однимъ изъ пресвитеровъ Манихейскихъ, бывшаго въ 392 году.

Противъ Адиманта, ученика Манихея (*Contra Adimantum Manichaei discipulum*). — Опроверженіе сочиненій Адиманта о мнѣніи противорѣчіи между В. и Н. Завѣтомъ. Нап. ок. 394 года.

Противъ посланія Манихея, такъ называемаго, основнаго (*Contra epistolam Manichaei, quam vocant fundamenti*), одна книга. Напис. ок. 397 г. Опроверженіе письма Манихеева, которое содержало въ себѣ начала Манихейской ереси.

Противъ Фавста манихея (*Contra Faustum Manichaeum*), 33 книги. Нап. ок. 400 года.— Подробное опроверженіе всѣхъ нареканій манихейскихъ на св. Писаніе В. Завѣта,

О преніи съ Феликсомъ Манихеемъ (de actis cum Felici Manichaeo въ 404 году.

О природѣ добра, противъ Манихеевъ (de natura boni contra Manichaeos), одна книга. Нап. ок. 404 года.

Противъ Секундина Манихея (Contra Secundinum Manichaeum). Это отвѣтъ бл. Августина на письмо Секундина, который просилъ его не препираться Манихеевъ и убѣждать даже возвращаться къ ереси. Бл. Августинъ излагаетъ исторію своего вразумленія и обращенія къ пр. вѣрѣ и опровергаетъ нѣсколько заблужденій Манеса. Нап. ок. 405 года.

Противъ врага Закона и Пророковъ (Contra adversarium Legis et Prophetarum), двѣ книги. Нап. ок. 420 года.

Противъ Присцилліанистовъ и Оригенистовъ, къ Орозію. Нап. 415 год. Содержитъ опроверженіе слѣдующихъ заблужденій: 1) что душа происходитъ изъ сущности Божества, 2) что мученія діавола и грѣшниковъ не нескончаемы, 3) что вѣчнаго царства Христова не будетъ, 4) что души и Ангелы въ этомъ мірѣ очищаются, 5) что звѣзды суть одушевленные твари, 6) что Ангелы не безгрѣшны.

Противъ слова Аріанъ (Contra sermonem Ariarum). Нап. около 418 года.

Преніе съ Максиминомъ, епископомъ аріанскимъ (Collatio cum Maximino episcopo Ariarum), бывши въ 427 году.

Противъ тогоже *Максимиана* двѣ книги.

О Троицѣ (de Trinitate), 15 книгъ. Начаты въ 400-мъ, а кончены въ 416-мъ году.

Въ твореніяхъ бл. Августина противъ ереси Манихейской раскрывается и доказывается одна главная истина, именно, что зло, существующее въ мірѣ, не самостоятелно и не вѣчно, не есть какое нибудь живое начало или существо, искони противодѣйствующее Богу, какъ Высочайшему Добру, вѣчному Начаду и Источнику всякаго добра, но—это есть или относительное (т. е. въ сравненіи съ самосовершеннѣйшимъ Бытіемъ) несовершенство твари, или низращеніе законовъ творческихъ, въ силу данной намъ свободы, которую мы во зло употребили. Сущность доказательствъ бл. Августина, равно какъ и приемы его въ обличеніи и опроверженіи ереси манихейской, мы лучше всего можемъ видѣть въ актахъ публичныхъ преній его съ еретиками. Представляемъ здѣсь извлеченіе изъ *актовъ противъ Фортуната*.

Августинъ. «Или я признаю заблужденіемъ то, что иѣкогда принималъ за истину. Желая узнать отъ тебя, благоразумно ли я сдѣлалъ, измѣнивъ свой образъ мыслей. По моему, самое важное заблужденіе есть то, когда вѣруютъ, что всемогущій Богъ, въ которомъ все упованіе наше, можетъ съ иѣкоторой стороны подлежать измѣненію и недостаткамъ. Но это-то, хотя дру-

»гими словами, и утверждаетъ ваша ересь. Вы говорите, что Богъ неизмѣняемъ и выше всего; но въ тоже время учите, что какой то *темный* *»родъ* (natio tenebrarum) возсталъ на Бога и угрожалъ разрушеніемъ Его царству, если никто противъ него не станетъ; посему Богъ послалъ пѣкую силу (virtutem), которая въ соединеніи со зломъ и темнымъ родомъ произвела міръ. Отъ того-то, по вашему мнѣнію, добрыя души терпятъ здѣсь бѣдствія и рабство, заблуждаютъ, повреждаются и имѣютъ нужду въ Искупителѣ и Освободителѣ отъ грѣха, снѣшенія и рабства. Я утверждаю, что безумно вѣрить, будто бы Богъ убоился какого-то противнаго Себѣ рода и подвинутъ былъ необходимостію подвергнуть насъ бѣдствіямъ (п. 1).»

Фортунатъ. Знаю, что ты прежде былъ послѣдователемъ нашей вѣры, и все, что сказалъ ты, составляетъ главные члены нашей вѣры; но дѣло идетъ о нашихъ нравахъ и о клеветахъ на насъ: скажи же предъ этими почтеннѣйшими мужами, правда ли то, въ чемъ обвиняютъ насъ? Ты бывалъ въ молитвенныхъ собраніяхъ нашихъ?

Августинъ. Такъ. Но большое различіе между вопросами о правахъ и вѣрѣ. Я началъ о вѣрѣ; но если хочетъ того собраніе, не откажусь сказать прежде о правахъ. (п. 2.).

Фортунатъ. Хочу прежде всего очиститься отъ клеветы свидѣтельствомъ мужа, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ и дообріемъ.

Августинъ. Что до вашихъ нравовъ, объ этомъ хорошо знаютъ только избранные ваши, а я,

какъ тебѣ извѣстно, былъ между вами только слушателемъ. Хотя и былъ на молитвенномъ собраніи вашемъ, однакожъ, Богъ вѣсть, не бываетъ ли у васъ другихъ какихъ собраний. А на какомъ я былъ, въ томъ ничего не было постыднаго. Одно только замѣтилъ я противное вѣрѣ, что вы въ молитвахъ обращаетесь къ солнцу. Пусть тотъ, кто обвиняетъ васъ въ худой нравственности, обратится къ избраннымъ вашимъ, а я принявъ отъ васъ одну только вѣру и ее теперь отвергаю. Прошу отвѣта на сказанное мною выше (п. 3).

Фортунатъ. Мы также учимъ, что Богъ непремѣняемъ, святъ, неприступенъ, непостижимъ, безстрастенъ и обитаетъ въ свѣтѣ вѣчномъ; вѣруемъ, что Онъ ничего не производитъ изъ Себя тлѣннаго; не отъ Него тьма, ни демоны, ни сатана; отъ Него посланъ только подобный Ему Спаситель: Слово, рожденное отъ созданія міра, явилось потомъ среди людей и избрало души, достойныя Себя, освященныя Его небесными правилами, пріавшія вѣру и разумъ, и имѣющія, подъ Его водительство, возвратиться въ царство Божіе, по Его собственному обѣтованію.

Августинъ. Что же подвергло смерти сіи души, которыя восходятъ къ жизни чрезъ Іисуса Христа, какъ вы сами исповѣдуете? п. 4.

Фортунатъ. Скажи мнѣ, есть ли что нибудь кромѣ Бога?

Августинъ. Прежде ты отвѣчай мнѣ, что души тѣ подвергло смерти? п. 5.

Послѣ различныхъ изворотовъ Фортуната, Августинъ сдѣлалъ прямое заключеніе, что если Богъ

ничего не могъ потерпѣть отъ враждебнаго намъ рода, то безъ причины послалъ насъ въ міръ; если же могъ потерпѣть, то Онъ не есть неизмѣняемъ. п. 7.

Фортунатъ. Но пострадалъ же Иисусъ Христосъ?

Августинъ. Пострадалъ человѣческою природою, которую принялъ для нашего спасенія; но мы говоримъ не о человѣческомъ естествѣ Искупителя, а вообще о природѣ Божественной. п. 9.

Фортунатъ. Душа отъ Бога, или нѣтъ?

Августинъ. Я отвѣчу на вопросъ твой, но помни, что ты ничего не отвѣчаешь на мои вопросы. Иное—Богъ; иное—душа. Богъ неизмѣняемъ и всесовершенъ, а душа измѣняема и можетъ подвергаться грѣху и страданіямъ. И такъ, если душа есть часть сущности Божіей; то выходило бы, что сущность Божественная измѣняема и можетъ подвергаться грѣху, что безумно. п. 11.

Фортунатъ. И такъ ты утверждаешь, что душа не отъ Бога?

Августинъ. Я утверждаю, что душа не есть Богъ, но — сотворена Богомъ. А иное — Тотъ, Кто сотворилъ, другое — то, что сотворено: тварь не можетъ равняться Творцу своему. п. 12.

Фортунатъ. Но если душа есть твореніе Божіе, а кромѣ Бога нѣтъ ничего; то скажи, откуда же Богъ заимствовалъ (*adipxeni*) сущность души?

13. Августинъ. Помни, что мы согласно исповѣдуемъ Бога всемогущимъ. Но Онъ не былъ бы всемогущъ, если бы имѣлъ нужду для тварей въ матерію. Посему мы вѣруемъ, что Богъ все соз-

далъ изъ ничего словомъ и премудростію своею, какъ написаю: *рече и бысть, повелъ и создашася.* п. 13.

Фортунатъ указалъ на противоположность въ мірѣ добра и зла, истины и лжи, и требовалъ объясненія, откуда происходитъ сіе явленіе.

15. Августинъ. Эти противоположности (*contraria*) происходятъ отъ нашего грѣха. Богъ создалъ *вся добра*, но грѣха не создавалъ; а этотъ грѣхъ и есть то, что собственно мы называемъ зломъ. Есть и другой родъ зла, но—это наказаніе за грѣхъ. Грѣхъ не отъ Бога, но наказаніе за грѣхъ отъ Него, потому что Онъ правосуденъ. Богъ даровалъ свободную волю разумной душѣ человѣка, для того, чтобы намъ имѣть заслуги, которыя безъ воли невозможны. Посему свободная воля есть даръ, достойный благодати Божіей. И еслибы душа всегда покорна была закону Божію, то и ей покорялось бы все въ природѣ; но за ея непокорность Богу должно было обратиться въ наказаніе для ней то, что создано ей на службу.

Фортунатъ. Но если Богъ далъ мнѣ свободу—грѣшить; то не есть ли Онъ и виновникъ грѣха моего?

21. Августинъ. Грѣхъ—отъ воли человѣка, а не отъ Бога; а что человѣкъ могъ пасть, то это свойственно его природѣ, ибо тварь необходимо ограничена и въ этой ограниченности заключается возможность уклоненія ея отъ Высочайшаго Добра, или возможность грѣха.

Фортунатъ привелъ мѣста изъ Апостола Пав-

ла, гдѣ говорится о борьбѣ духа съ плотію (Рим. 7, 23; Гал. 5, 17).

Августинъ изъяснилъ эти мѣста, говоря: въ началѣ человѣку дана была свобода и ничто не противилось его волѣ, когда онъ повиновался волѣ Божіей. Но какъ скоро онъ согрѣшилъ по свободной волѣ своей, то и насъ, какъ потомковъ своихъ, подвергъ игу грѣха. Ибо каждый на себѣ можетъ испытать, что мы дотолѣ вполнѣ свободны, пока не сдѣлаемъ сами себя несвободными чрезъ привычку къ чему нибудь. Такъ, согрѣшивши, мы до того увлекаемся пагубными приманками и удовольствіемъ грѣховнаго дѣйствія, что не можемъ собственными силами освободиться отъ того, что причинили сами себѣ: вотъ откуда и происходитъ вражда плоти на духъ....

Тѣже мысли содержатся и въ другихъ сего ради твореніяхъ бл. Августина, только съ большею или меньшею подробностію въ опроверженіи частныхъ заблужденій Манихеевъ, проистекавшихъ изъ основанія ихъ ученія, или въ обличеніи ихъ нравовъ.

ТОМЪ IX.

Псаломъ (Psalmus contra partem Donati) противъ Донатистовъ, 393 год.

Противъ Парменіана (Contra epistolam Parmeniani), 3 кн., ок. 400 год.

О крещеніи (De Baptismo), противъ Донатистовъ, 7 книгъ.

ПРОТИВЪ ПЕТИЛІАНА (*Contra litteras Petilianas*) 3 кн., окол. 400 или 402 год.

ПИСЬМО КЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПРОТИВЪ ДОНАТИСТОВЪ, О ЕДИНСТВѢ ЦЕРКВИ (*Epistola ad Catholicos contra Donatistas vulgo de unitate Ecclesiae*) 1 кн., 402 год.

ПРОТИВЪ КРЕСКОНІЯ ГРАММАТИКА. партіи Донатистовъ (*Adversus Cresconium Grammaticum partis Donati*) 4 книг., окол. 406 год.

О ЕДИННОМЪ КРЕЩЕНІИ ПРОТИВЪ ПЕТИЛІАНА (*De unico Baptismo contra Petilianum*) къ Констанцію, 1 книг. окол. 411 год.

СОКРАЩЕННОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ПРЕНІЙ СЪ ДОНАТИСТАМИ (*Breviculus collationis cum Donatistis*) 3 книг., 412 год.

КЪ ДОНАТИСТАМЪ ПОСЛѢ ПРЕНІЯ КАРФАГЕНСКАГО, (*Post collationem contra Donatistas*) 1 книг., 413 год.

СЛОВО КЪ НАРОДУ КЕСАРІЙСКОЙ ЦЕРКВИ (*Sermo ad Caesariensis Ecclesiae populum*).

О ДѢЛАХЪ СЪ ЕМЕРИТОМЪ ДОНАТИСТОМЪ (*Gesta cum Emerito Donatista*) 1 кн., 413 или 418 год.

ПРОТИВЪ ГАВДЕНЦІЯ ДОНАТИСТА (*Contra Gavdentium Donatistarum Episcopum*) 2 кн., 420 год.

Въ этихъ твореніяхъ опровергаются заблужденія Донатистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ излагается православное ученіе о Церкви.

Секта Донатистовъ образовалась въ началѣ 4-го вѣка чрезъ отпаденіе нѣкоторыхъ Африканскихъ епископовъ отъ общенія съ Православною

Церковію, по неудовольствію на соборное рѣшеніе дѣла о Карфагенскомъ епископѣ Цеціліанѣ, котораго они обвиняли, а соборъ оправдалъ. Осужденные сами на соборахъ Рязкомъ (513 год.) и *Арелатскомъ* (514 год.), равно какъ и приговоромъ Императора Константина, они однакоже такъ упорно держались своего мнѣнія, что образованіе расколъ и, непрестанно возрастая числомъ, явился во времена бл. Августина почти равночисленнымъ Православнымъ. Отвергая всякое общеніе съ тѣми церквами, которыя не отлучали Цеціліана, его преемниковъ и имъ рукоположенныхъ клириковъ, они такъ образомъ припуждены были считать себя однихъ вѣрными, а всѣхъ прочихъ христіанъ ерестиками; потому что, говорили они, Церковь должна быть чистою и святою, и гдѣ терпятся грѣшники и даже находятъ защиту, тамъ нѣтъ истинной Церкви. Сообразно съ этимъ, они отвергали дѣйствительность всякаго таинства, совершеннаго въ Православной Церкви и потому повторяли крещеніе и рукоположеніе на степени священства надъ тѣми, кои переходили къ нимъ отъ православныхъ.

Бл. Августинъ опровергаетъ этотъ расколъ во всѣхъ главныхъ его пунктахъ, именно: 1) со стороны исторической, доказывая актами упомянутыхъ соборовъ невинность Цеціліана и правоту судившихъ о дѣлѣ его, а важность соборовъ — признаніемъ капоповъ ихъ Вселенскою Церковію (Прот. Парменіан.); 2) со стороны догматической, раскрывая ту истину, что Церковь Каѳолическая состоитъ не изъ однихъ святыхъ, но и грѣшныхъ, и не престаётъ быть православною и святою, если не от-

сѣкаетъ отъ себя всѣхъ нечистыхъ членовъ; ибо это не всегда и возможно, а иногда — опасно. Поэтому, еслибы Цециліанъ и его защитники виновны были и на самомъ дѣлѣ, то и въ этомъ случаѣ Каѳолическая Церковь не перестаетъ быть Каѳолическою (Прот. Нармен. книг. 2; прот. Петиліан. и друг.). 3) Отсюда слѣдуетъ, что повтореніе крещенія надъ еретиками и раскольниками незаконно, если только таинство сіе совершенно падъ ними правильно, то есть, во имя Отца и Сына и Святаго Духа (О крещ. кн. 2, гл. 14, 15). Въ разсужденіи объ этомъ послѣднемъ пунктѣ бл. Августина встрѣчался съ ученіемъ Св. Кириіана о необходимости новаго крещенія надъ обращающимися еретиками и раскольниками. Но, говорятъ онъ, тогда еще не бытъ рѣшенъ всею Церковію трудный вопросъ сей и потому нельзя ни основываться на частномъ мнѣніи Св. Отца, съ его послѣдователями, ни обвинять его въ заблужденіи, тѣмъ болѣе, что Св. Кириіанъ умѣренно защищалъ свое мнѣніе и не хотѣлъ производить никакого раскола, а напротивъ, старался всѣми уѣрами сохранить общеніе и миръ со всѣми церквами, хотябы въ иныхъ и не принимая его ученія (О крещ. кн. 2, гл. 1. кн. 6, гл. 1).

Если привести въ одинъ составъ все ученіе бл. Августина о Церкви, противъ Донатистовъ; то оно будетъ состоятъ изъ слѣдующихъ положеній и доказательствъ:

1). Истинная Каѳолическая Церковь есть церковъ вселенская, единая, будучи названа на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Са-

тому Иисусу Христу, распространилась по землѣ въ лицѣ пресмниковъ Апостольскаго служенія и послѣдователей ихъ ученія. И Пророки, и Самъ Спаситель, и Апостолы Его учили и предсказывали о томъ, что она будетъ церковію вселенскою. Слѣдовательно, ее должно искать не въ какой нибудь сектѣ, а въ единеніи всѣхъ церквей, имѣющихъ общимъ началомъ своимъ Церковь Апостольскую. Секта Христіанъ всегда выходитъ изъ самой же Церкви и, потому, только отдѣляется отъ нея и становится не церковію, а обществомъ раскольниковъ (Прот. Парменіан. кн. 1, гл. 2, 7;) о крещен. кн. 7, гл. 1).

2). Кто отдѣляется отъ Церкви, тотъ теряетъ плоды союза съ нею и лишается благодати; равно, кто родился и воспитался внѣ единенія съ Церковію, тотъ хотя бы и запечатлѣнъ былъ таинствами, но не получаетъ отъ нихъ благодатной силы и освященія. Но если тотъ и другой возвращаются въ Церковь; то надъ ними не должно повторять неповторяемыхъ таинствъ; потому что имъ недоставало не самыхъ таинствъ, а только ихъ спасительнаго дѣйствія. Для совершенія таинства нужно одно, чтобы оно совершено было законно: а вѣра и любовь нужны для того, чтобы оно имѣло спасительное дѣйствіе на пріемлющаго. Такъ если надъ крещаемымъ произнесены Евангельскія слова: во имя Отца и Сына и Св. Духа: то таинство совершилось: но оно бесплодно для невѣрующаго, пока онъ не увѣруетъ, для еретика или раскольника, пока не соединится съ Церковію, отъ которой отдѣленъ духовно, вообще — для порочнаго и не-

брегущаго о своемъ спасеніи грѣшника, пока онъ не обратится къ Богу съ покаяніемъ (О крещ. кн. 1, гл. 10. 17; кн. 2, гл. 10. 14. 15 и пр). На этомъ основаніи мы крестимъ младенцевъ.

3). Церковь не перестаетъ быть святою и освящающею, если имѣетъ служителей недостойныхъ и членовъ грѣшныхъ. Кто имѣетъ общеніе съ грѣшникомъ, но не соизволяетъ на его грѣхъ; тотъ остается чистымъ. Ибо ни Пророки, ни Апостолы, ни Самъ Іисусъ Христосъ не чуждались общенія грѣшниковъ, но только обличали и исправляли ихъ (Пр. Парм. кн. 2, гл. 20; кн. 3, гл. 4). Служители Церкви Божіей не перестаютъ быть орудіями благодати Божіей, хотя бы сами не были святыми. Каковъ бы ни былъ священникъ, когда онъ молится за народъ, его молитва возносится къ Богу,—его поученія, если содержать истину, полезны для другихъ,—его священнодѣйствія имѣютъ всю силу для вѣрующаго. За себя онъ самъ дастъ отвѣтъ Богу, но для паствы своей онъ есть истинный пастырь (Пр. Парм. кн. 2, гл. 6. 8. 9). Иногда Церковь отлучаетъ отъ себя грѣшниковъ; но это—мѣра исправленія, а не судное и вѣчное отверженіе. И въ этомъ случаѣ пастыри должны быть крайне осторожны, чтобы не произвести раскола и не нарушить мира Церкви (Там. же, кн. 3, гл. 4 и 5).

ТОМЪ X.

О ЗАСЛУГАХЪ И ОТПУЩЕНІИ ГРѢХОВЪ,
ТАКЖЕ О КРЕЩЕНІИ МЛАДЕНЦЕВЪ (De peccatorum

meritis et remissione, et de baptismo parvulorum) къ Марцеллину, 3 книг., ок. 412 год.

О ДУХЪ И БУКВЪ (De spiritu et littera) къ Марцеллину, въ отвѣтъ на нѣкоторыя педоумѣнія его при чтеніи первыхъ книгъ, 1 кн., 413 год.

О ПРИРОДѢ И БЛАГОДАТИ (De natura et gratia) 1 кн. 415 год.

О ДѢЛАХЪ ПЕЛАГІЯ (De gestis Pelagii) къ Аврелію Еписк. Карфагенскому, 1 кн., 416 год.

О СОВЕРШЕНСТВѢ ПРАВДЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ (De perfectione justitiae hominis), къ Епископамъ Утропію и Павлу, 415 год.

О БЛАГОДАТИ ХРИСТОВОЙ И О ГРѢХѢ ПЕРВОРОДНОМЪ (De gratia Christi et de peccato originali) 2 кн., 418 год.

ПРОТИВЪ ДВУХЪ ПИСЕМЪ ПЕЛАГІАНЪ КЪ ПАПѢ ВОПИФАТІЮ (Contra duas epestolas Pelagianorum ad Bonifacium) 4 кн., ок. 420 год.

О СУПРУЖЕСТВѢ И ПОХОТИ (De nuptiis et concupiscentia), 2 кн., 418 год.

О ДУШѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ЕЯ (De anima et ejus origine), 4 кн., 419 год.

ПРОТИВЪ ЮЛИАНА (Contra Julianum) 6 кн., ок. 421 год.

О БЛАГОДАТИ И СВОБОДНОМЪ ПРОИЗВОЛЕНІИ (De gratia et libero arbitrio), 1 кн., 427 год.

ОБЪ ИСПРАВЛЕНІИ И БЛАГОДАТИ (De correptione et gratia) 1 кн., 427 год.

О ПРЕДОНРЕДѢЛЕНІИ СВЯТЫХЪ, (De praedestinatione Sanctorum) 1 кн., 429 год.

О ДАРѢ УТВЕРЖДЕНІЯ (De dono perseverantiae) 1 кн., 429 год.

Противъ Юліана 6 книгъ, твореніе не-
конченное, 428 г.

Основаиємъ Пелагіанской ереси служило то мнѣніе, что человѣку достаточно будто бы собственныхъ силъ для достиженія святости и что благодать Божія, какъ сверхъестественная помощь человѣку, даруется ему только, какъ награда за собственные его подвиги, для облегченія его трудовъ и наибольшаго успѣха въ добродѣтели. Пелагій ясно выразилъ эту мысль, между прочимъ, въ письмѣ къ нѣкоей Димитріадѣ (*), гдѣ говорить, что онъ какъ скоро хочетъ преподавать кому нибудь нравственное ученіе, то напередъ старается указать богатство естественныхъ силъ человѣка, для того, что бы внушить ученикамъ бодрость и надежду на достиженіе нравственнаго совершенства. Достоинство природы человѣческой, — продолжастъ онъ, — состоитъ главн. образомъ въ свободной волѣ, которую Богъ намъ далъ и въ силу которой мы, способные на добро и зло, можемъ избирать то и другое и обращать силы свои или на преслѣваніе въ добродѣтели, или на содѣяніе пороковъ. Въ доказательство того, что человѣкъ можетъ, если захочетъ, собственными силами достигать высокой степени нравственнаго совершенства, онъ указываетъ сперва на философовъ, которые отличались

(*) См. Твор. Б. Авг. Т. VI, о выгодахъ вдовства.

и некоторыми добродѣтелями: откуда, восклицаетъ онъ, такія богоугодныя качества у людей, удаленныхъ отъ Бога? Откуда у нихъ эти блага, если не отъ природы? А если люди, жившіе безъ Бога, представляютъ въ себѣ свидѣтельство о богатствѣ силъ, дарованныхъ имъ Богомъ; то заключайте отсюда, что могутъ хрістіане, которыхъ природа и жизнь обновлены къ лучшему и которыхъ сверхъ того помогаетъ благодать Божія! Обращаясь потомъ къ исторіи В. Завѣта, указываетъ на примѣры святыхъ, жившихъ будто бы по одному естественному закону, и останавливаетъ особенное вниманіе на Іовѣ, какъ на образцѣ величайшихъ естественныхъ добродѣтелей: «онъ обнаружилъ, — говоритъ, — естественныя богатства нашей природы и своимъ примѣромъ показалъ, что можетъ каждый изъ насъ.» И такъ, заключаетъ, не въ природѣ, но въ волѣ каждаго начало грѣха его; порочныя привычки наши намъ кажутся природою, но онѣ могутъ быть уничтожены и замѣнены привычками къ добру, особенно нынѣ, съ помощію благодати Божіей. — Такое ученіе для неопытныхъ казалось благовиднымъ; но оно противорѣчитъ самому главному началу истинно — хрістіанскаго ученія о благодати; вопросъ, поднятый Пелагіемъ, былъ повидимому частнымъ, но на самомъ дѣлѣ обнималъ почти всѣ вопросы о спасеніи человѣка чрезъ Іисуса Христа. Посему бл. Августинъ, при самомъ началѣ этой ереси, говорилъ къ народу, что новые еретики хотятъ испровергнуть самое основаніе Церкви (*).

(*) *Serm. contr. Pelag. cap. 8.*

Опровергая эту ересь въ ся началъ и слѣдствіяхъ, бл. Августинъ излагаетъ почти полное ученіе о благодати Божіей, на основаніи Писанія и ученія отеческаго. Оно состоитъ изъ рѣшенія вопросовъ:

1) О необходимости благодати Божіей, какъ особенной и сверхъестественной помощи Божіей для спасенія каждаго человѣка.

2) Объ отношеніи ея къ силамъ и дѣйствіямъ человѣка.

3) Объ условіяхъ къ ея приобрѣтенію и сохраненію.

1.

Что благодать Божія необходима для спасенія человѣка, этого не дерзали отвергать и еретики; но они понимали и объясняли ее совсѣмъ не такъ, какъ учить Православная Церковь. Что человѣкъ *можетъ* быть добродѣтельнымъ, училъ Пелагій, это вполнѣ зависитъ отъ одного Бога, потому что Богъ даровалъ намъ сію возможность. Но *хотѣть* и *быть* добродѣтельнымъ — зависитъ отъ самаго человѣка; потому что Богъ, даровавши ему возможность избирать и дѣлать добро, ни къ чему не принуждаетъ его свободной воли. Впрочемъ Онъ помогаетъ самому хотѣнію и дѣйствію нашему и облегчаетъ для насъ подвиги добра, открывая намъ волю свою въ законѣ и предостерегая насъ отъ зла чрезъ пророчества, разрушая сѣти діавола и просвѣщая насъ многообразнымъ и неизреченнымъ даромъ благодати небесной. Особенной помощи

сподобился человекъ по пришествіи Іисуса Христа, Который вѣрующимъ въ Него даруетъ отпущеніе грѣховъ чрезъ таинство крещенія и въ собственной жизни являетъ примѣръ совершенной святости. — Такъ образомъ благодать Божія, по ученію Пелагія, состоитъ: 1) въ самой природѣ человекъ, способной къ желанію и совершенію добра, 2) въ откровенномъ ученіи Божіемъ, дарованномъ человеку для того, чтобы онъ удобнѣе могъ различать добро отъ зла и чтобы, зная плоды того и другаго, находилъ въ этомъ побужденіе къ достойней жизни; 3) въ отпущеніи грѣховъ нашихъ ради заслугъ Іисуса Христа и въ томъ высочайшемъ примѣрѣ святости, какой Онъ показалъ намъ въ Себѣ Самомъ, во время пребыванія Своего на землѣ (*). Объясняя взаимное отношеніе и послѣдовательность сихъ дѣйствій благодати Божіей, Пелагій говоритъ: сперва праведники жили по *природѣ*: они познавали Творца разумомъ и правила святой жизни почерпали въ сердцахъ своихъ, имѣя законъ не въ писмени, а въ самой природѣ своей. Но когда нравы повредились и природа помрачилась, такъ что одного руководства ея (для нравственной жизни) стало недостаточно; тогда къ ней присоедииенъ былъ *законъ*, которымъ она могла, подобно лунѣ послѣ затмѣній, возвращать себѣ прежній блескъ свой. Наконецъ, когда привычка ко грѣху возрасла до такой степени, что законъ не имѣлъ достаточной силы для уврачеванія природы; тогда пришелъ Христосъ и, по причинѣ крайняго развитія болѣзни,

(*) De gratia, cap. III, IV, VII, XXXIX.

приступилъ Самъ къ исцѣленію оной (*). — Правда, Пелагій называетъ собственно благодатию сіе послѣднее врачество правственной болѣзни нашей; но онъ поставляетъ его въ прямое соотношеніе съ закономъ писаннымъ и закономъ естественнымъ, такъ что всѣ средства къ добродѣтельной жизни, которыми люди пользовались въ различные времена, составляютъ у него различные виды одного рода. Сперва человѣкъ не могъ спастись безъ закона естественнаго, потомъ безъ закона писаннаго, наконецъ — безъ помощи Христа Спасителя. Слѣдовательно, если помощь Христова есть благодать для христіанъ; то законъ писанный былъ благодатию для Іудеевъ, а законъ естественный — для всѣхъ, не имѣвшихъ закона писаннаго.

Что вытекаетъ изъ такого понятія о благодати? — То 1) что состояніе человѣка, по отношенію къ главнымъ свойствамъ его природы, всегда было и есть одинаково, то есть, и нынѣ человѣкъ рождается такимъ, какимъ былъ онъ вначалѣ, до перваго грѣхопаденія; 2) что всѣ средства, какія когда либо имѣлъ человѣкъ для предохраненія себя отъ пороковъ и для стяжанія праведности предъ Богомъ, каждое въ свое время, достаточны были сами по себѣ для этой цѣли; 3) что Христіанская Вѣра представляетъ только новое, удобнѣйшее и дѣйствительнѣйшее, а не единственное, средство для нашего спасенія. Иначе: Пелагіане должны были отвергнуть первородный грѣхъ, отрицать существенную связь В. Завѣта съ Новымъ и крайне огра-

(*) De peccato originali cap. XXVI.

ничить догматъ православной Церкви о таинствахъ возрожденія нашего въ Иисусъ Христъ Искупительъ и Спасительъ нашъ.

Б. Августинъ, раскрывая противъ этихъ лжеучителей ученіе Церкви о необходимости благодати Божіей для спасенія человѣка, 1) опровергаетъ ложныя понятія еретиковъ о благодати, 2) доказываетъ величайшее различіе между состояніемъ невиннаго и падшаго человѣка, 3) представляетъ ближайшее отношеніе между собою обоихъ завѣтовъ и всецѣлую зависимость Вѣтхаго отъ Новаго, 4) наконецъ объясняетъ силу и свойства благодатнаго обновленія природы человѣческой чрезъ Иисуса Христа, Спасителя нашего.

1. Св. Апостолы, говоритъ Б. Августинъ, проповѣдывали о такой благодати Божіей, чрезъ которую мы часъ избавленія отъ тѣла смерти сея чрезъ Иисуса Христа Господа нашего и о которой молимся, когда говоримъ: *не введи насъ во искушеніе*. Сія благодать не есть 1) *природа*, но даруется для возстановленія поврежденной природы нашей; не есть 2) *познаніе закона*, ибо закономъ, какъ говоритъ св. Апостолъ, только познаніе грѣха (Рим. 7, 7): законъ добръ самъ по себѣ, но и при немъ не престаётъ дѣйствовать въ насъ похоть; посему иное — законъ, иное благодать (*); не есть наконецъ 3) и та помощь отъ Господа Иисуса Христа, которую Пелагій поставляетъ въ томъ одномъ, что Искупитель нашъ даруетъ вѣрующимъ отпущеніе грѣховъ въ таинствѣ крещенія и примѣ-

(*) De gestis Pelag. n. 20, con'er. de Grat. cap. IX.

ромъ жизни Своей руководить къ совершенной чистотѣ и святости. Б. Августинъ замѣчаетъ кратко, что и это значить поставлять благодать Божию въ ученія или законѣ Евангельскомъ (*). Что же есть благодать Божія? — Не виѣшнее или посредственное, но внутреннее и непосредственное въ насъ дѣйствіе силы Божіей, которая помогаетъ самой волѣ и дѣйствию нашему, и такъ помогаетъ, что безъ этой помощи мы не можемъ ничего добраго ни пожелать, ни сдѣлать. Сія благодать Божія есть благодать чрезъ Иисуса Христа Господа нашего, которою Онъ творитъ насъ праведными, по Своей, а не по нашей правдѣ, такъ что Его только правда есть наша истинная правда (**).

2. Такая благодатная помощь потребна человеку для его спасенія; пот. что онъ есть существо падшее, поврежденное въ самой природѣ и силахъ своихъ и подвергшееся чрезъ грѣхъ строгости Правосудія Божія. Человекъ не такимъ уже рождается нынѣ, каковъ былъ до паденія своего. Различіе между состояніемъ невиннаго и падшаго человека безмѣрно: первосозданный человекъ имѣлъ такую природу, такіа силы, что и удобно понималъ заповѣдь Божию, и удобно могъ исполнять ее, если бы захотѣлъ. Какъ душа его повиновалась Богу, такъ душѣ повиновалось тѣло. И онъ былъ праведенъ предъ Богомъ, пока повиновался Ему, и былъ бы безсмертенъ, если бы не согрѣшилъ. Грѣхъ помрачилъ, растлилъ природу человѣческую и содѣлалъ человека достойнымъ осужденія Божія. Съ

(*) De Grat. cap. 45, 45.

(**) Ibid.

такимъ пагубнымъ наслѣдіемъ стали рождаться всѣ потомки Адама. Это бл. Августинъ называетъ *грѣхомъ первороднымъ* (peccatum originale). »Первозданная природа, — говоритъ, — была невинною и »безпорочною; но природа, которую каждый изъ »насъ принялъ отъ Адама, имѣетъ нужду во врачѣ, »потому что немощна. Все доброе въ своемъ устроѣнствѣ, жизни, чувствахъ, умѣ, она имѣетъ отъ »Бога, Творца и Зиждителя своего; но порокъ, по- »мрачающій и обезсиливаетъ въ ней все благое, »не отъ Бога, а отъ первороднаго грѣха, содѣяннаго свободною волею. И сія виновная природа »подлежитъ мщенію правосудія Божія (*)».

Пелагіане отвергали первородный грѣхъ; пожелая избѣгнуть осужденія Церкви, хотѣли прикрыть срьсѣ свою хитрыми оборотами рѣчи. Целестій, ученикъ Пелагія, говорилъ, что вопросъ объ этомъ предметѣ не относится къ числу существенныхъ вопросовъ ученія Христ. Вѣры; а самъ Пелагій, защищаясь предъ соборомъ Діоспольскимъ, утверждалъ только то, что паденіе Адама пагубно было и для его потомковъ, но не объяснялъ, какимъ образомъ паденіе прародителей послужило во вредъ ихъ потомству; за то послѣ онъ объяснилъ ученикамъ своимъ, что это зависитъ не отъ наслѣдія грѣха Адамова въ самой природѣ нашей, а отъ заразительности примѣра нашихъ праотцевъ (**). Противъ того и другаго бл. Августинъ говоритъ:

а) »Вопросы, несущественные въ ученіи хри-

(*) De peccat. merit. et remis. Lib. 1, c. 56; Lib. 11, c. 57. De natura et Gratia cap. 3.

(**) De peccato orig. cap. 16, 26.

христианскомъ, такого свойства, что знать или не
 «знать, вѣрно или невѣрно рѣшать ихъ—все равно
 «для чистоты вѣры и спасенія христианина. Таковы
 «напримѣръ: гдѣ или каковъ былъ рай, въ кото-
 «ромъ Богъ поселилъ человѣка, созданнаго изъ
 «персти? Въ этомъ случаѣ довольно быть увѣрену
 «въ томъ только, что рай былъ. Или: гдѣ теперь
 «Илія и Энохъ? Гдѣ бы они ни были, вѣрно зна-
 «емъ одно, что они пребываютъ въ тѣлахъ, съ ко-
 «торыми родились. Равно: сколько небесъ, изъ
 «которыхъ до третіяго восхожденъ былъ Павелъ?
 «Сколько стихій видимаго міра, четыре или больше?
 «Отъ чего происходятъ солнечныя и лунныя за-
 «тмѣнія, и пр.? Кто не видитъ, что въ разныхъ
 «вопросахъ такого рода, которые относятся или къ
 «прикровеннымъ дѣламъ Божиимъ, или къ нѣкото-
 «рымъ глубинамъ Писанія, труднымъ для нашего
 «разумѣнія, многого можно и не знать безъ вся-
 «каго вреда для вѣры, во многомъ можно и оши-
 «баться безъ всякой виновности въ ереси. Но въ
 «отношеніи двухъ человѣковъ (in causa duorum
 «hominum), изъ которыхъ однимъ мы проданы подъ
 «грѣхъ, а другимъ освобождаемся для жизни, одинъ
 «погубилъ насъ въ себѣ, творя волю свою, а не
 «волю Сотворившаго его, другой спасаетъ насъ,
 «творя волю не свою, но волю Пославшаго Его,—
 «въ отношеніи къ намъ сихъ двухъ человѣковъ
 «состоитъ собственно Вѣра Христианская (*)».

б) *Единымъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде,
 и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся чело-*

(*) De res. orig. cap. 27, 28,

вѣки вниде (Рим. 5, 12), говорить св. Апостолъ. «Вижу, какъ разумѣютъ это еретики: они думаютъ, что смерть, о которой говорится здѣсь, не есть смертъ тѣлесная; они не хотятъ производить этой смерти отъ грѣха Адамова, да и самый грѣхъ по ихъ мнѣнію переходитъ отъ перваго человѣка къ потомкамъ не чрезъ естество (*per propaginem*), а чрезъ подражаніе (*imitationem*). Поэтому и не вѣрятъ они, чтобы младенцамъ въ таинствѣ крещенія отпускался первородный грѣхъ ихъ: поеліику не хотятъ допустить никакого зла въ поворощенномъ. Но если бы Апостолъ хотѣлъ упомянуть здѣсь о томъ грѣхѣ, который вошелъ въ міръ не чрезъ естество, а чрезъ примѣръ; то начальникомъ его назвалъ бы не Адама, а діавола, о которомъ написано: *исперва діаволъ согрѣшаетъ* (1 Иоан. 3, 8), и еще: *завистію діаволою смерть вниде въ міръ* (Прем. 2, 24). Но Апостолъ поставилъ начальникомъ грѣха того, отъ кого распространялся родъ человѣческій, и потому, очевидно, разумѣетъ грѣхъ и смерть, переходящія на всѣхъ чрезъ естество».

«Правда, всѣ, преступающіе заповѣдь Божию по неповиновенію, подражаютъ Адаму; но иное дѣло примѣръ для согрѣшающихъ волею, иное — происхожденіе и рожденіе со грѣхомъ... Здѣсь очевидно говорится не о примѣрѣ, а о происхожденіи со грѣхомъ».

«И какъ осмотнительно, какъ точно и опредѣленно выражено сіе Апостоломъ въ послѣдующихъ словахъ: *въ немже вси согрѣшиша*. Если слово *въ немже* относится ко грѣху,

«вошедшему въ міръ чрезъ одного человѣка, то ясно, здѣсь отличается одинъ грѣхъ общій (въ которомъ всѣ согрѣшили, когда всѣ были однимъ человекомъ) отъ собственныхъ грѣховъ каждого человека. Если же слово *въ немже* надобно разумѣть не о грѣхѣ, а объ одномъ человѣкѣ, въ которомъ всѣ согрѣшили; то и въ этомъ случаѣ смыслъ остается тотъ же... Никто не укажетъ такого мѣста въ Писаніи, гдѣ говорилось бы, что нечестивые согрѣшили или грѣшать въ діаволѣ, поелику они подражаютъ ему: на какомъ же основаніи сомнѣваются и спорятъ о грѣхѣ естества, противопоставляя ему грѣхъ подражанія, когда Апостолъ прямо говоритъ: *въ немже вси согрѣшили*».

«По этому то мы крестимъ младенцевъ, у которыхъ нѣтъ еще грѣховъ собственныхъ, то есть, грѣховъ воли. Они не имѣли бы пужды въ этомъ врачевствѣ Христовомъ, если бы не были грѣшны по природѣ; ибо только грѣхи разлучаютъ между Богомъ и человекомъ» (*).

Но возражали: 1) если грѣшникъ рождаетъ грѣшника; то и праведникъ долженъ бы рождать праведника?—Нѣтъ. Рождаютъ и рождаются сынове вѣка сего, и что рождается отъ плоти, плоть есть (Лук. 20 34; Іоан. 3, 6); а праведники суть сыны Божіи, и, поелику сыны Божіи, рождаются не по плоти, потому что и сами родились не отъ плоти, а отъ Духа. Рождающіе же плотски

(*) De peccat. mer. et remis. Lib. 1, cap. 9, 10, 11, 22, 23; Lib. III, cap. 12, 14,

рождаютъ отъ той плоти, въ которой не все еще обновилось, но остается грѣховная ветхость. И такъ какъ всякое дитя рождается отъ той ветхой и немощной части, то по необходимости и само немощно. Посему ему подобно еще родиться другимъ рожденіемъ, отъ Духа, чрезъ отпущеніе грѣховъ. Если же не будетъ этого рожденія, то не поможетъ ему праведность отца, ибо отецъ праведенъ Духомъ, который не родилъ сына. И на оборотъ: если сынъ родится свыше, то не повредитъ ему неправедность отца, потому что онъ благодатию Духа уготовленъ къ вѣчному обновленію. Вотъ почему свидѣтельство Апостола: *всякъ рожденный отъ Бога не грѣшитъ* (1 Іоан. 3, 9), не противорѣчитъ его же другому слову: *иже речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истинныя несть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8).—

2) Если грѣхъ Адама служить въ пагубу и не согрѣшающимъ (волею); то почему же и благодать Христова не можетъ служить во спасеніе и самымъ не вѣрующимъ?—Хотя грѣхи младенца и называются грѣхами чужими, но не въ томъ смыслѣ, чтобъ они совсѣмъ не принадлежали ему: младенецъ не грѣшитъ волею, ибо живетъ еще не по своей волѣ; но онъ грѣшитъ, потому что принадлежитъ къ человечеству, согрѣшившему въ лицѣ главы своего. Какъ всѣ мы жили въ Адамѣ, прежде чѣмъ начали жить собственною (отдѣльною) жизнію; такъ всѣ и согрѣшили въ немъ, прежде чѣмъ начали грѣшить каждый по своей волѣ. Слѣдоват. грѣхъ Адама служить въ осужденіе не безгрѣшнымъ..... 3) Если человекъ могъ сдѣлаться изъ

праведнаго грѣшнымъ, то почему же не можетъ самъ сдѣлаться изъ грѣшнаго праведнымъ?—Потому же, почему больной не можетъ самъ себя вернуть здоровье, или умершій—жизнь. Легко, говорить, волю смѣнить волею?—Нѣтъ, свободною волею сдѣлано то, что человекъ сталъ грѣшенъ; по порочность, послѣдовавшая за грѣхомъ, изъ свободы сдѣлала необходимость. Отсюда то сей вопль къ Богу: *онъ нуженъ мнѣ изведи мя* (Иср. 24, 17). Находясь въ этихъ пуждахъ, мы или не можемъ понять, что хотѣли бы понять, или и то, что поняли и чего хотимъ, не можемъ исполнить. Ибо и самая свобода обѣщается върующимъ отъ Свободителя: *иже Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Иоан. 8, 36). Какъ скоро воля побѣждена порокомъ, то природа уже лишилась свободы. Посему другое Писаніе говоритъ: *иже кн побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). И такъ, когда воля согрѣшила, то за согрѣшеніемъ послѣдовала необходимость грѣшить, и это должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока не исцѣлится вся немощь и не получится такая свобода, въ которой желаніе блаженной жизни пребывало бы постоянно, такъ чтобы образовалась свободная необходимость жить свято и никогда не грѣшить (*)

И такъ падшему человѣку нужна такая помощь, такое спасеніе, чтобъ онъ и какъ виновный

(*) De nat. et Grat. c. 23; De peccat. merit. et remis. Lib. II, cap. 11, 12; Lib. III, cap. 14, De perfectione justitiar cap. 9. 12.

получилъ помилованіе, и какъ немощный укрѣпился противъ грѣхъ. Слѣдовательно никто не могъ и не можетъ спастись безъ Искупителя и Его благодати: спасаетъ всѣхъ единъ Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ; ибо *единъ есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и человековъ человекъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим. 2, 5). И *письмо иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человецѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12). *Сего представи Богъ, вѣру гонимъ всѣмъ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ* (Дѣян. 17, 31) (*)

3. Безъ сей вѣры не могли бы спастись, то есть, очиститься отъ грѣховъ и оправдаться предъ судомъ Божиимъ, и древніе праведники. Не законъ ихъ спасалъ, а благодать Христова. Люди Божіи и во времена закона были не подъ закономъ, угрожающимъ, обличающимъ, наказывающимъ, но подъ благодатию утѣшающею, исцѣляющею, освобождающею. Ибо и тогда говорили: *въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. 50, 7); *письмо мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ* (37, 4); *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (50, 12); или: *Духомъ Владычнимъ утверди мя. Духа святаго не отыми отъ мене*. Говорили также: *вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ* (Пс. 115, 1). Такъ и они очищались вѣрою, какъ и мы. Посему Апостолъ и говоритъ: *имуще тойжде духъ вѣры по писанному: вѣровахъ и пр.* (2 Кор. 4, 13). Но сей вѣръъ говорилъ: *се Дѣва*

(*) De nat. et Grat. c. 65, De peccat. origin. cap. 54. 28.

ва чрева прииметъ и пр. (Ис. 7, 14); но сей вѣръ говорили: и Той яко женихъ исходяй изъ чертога своего (Ис. 18, 6) ивр. Тѣмъ же духомъ вѣры тогда видѣли будущее, какиѣ мы вѣруемъ въ прошедшее. Ибо люди, пророчествовавшіе такъ вѣрно о сихъ событіяхъ, не могли не быть и причастниками опытъ. Вотъ почему св. Ап. Петръ говоритъ: *нынѣ убо что искушаете Бога, хотяще возложить иго на вы учениковъ, его же ни отцы наши, ни мы возмоготомъ понести; но благодарію Господа Іисуса Христа вѣруемъ спаситися, якоже и они* (Дѣян. 15, 10). И другіи Апостолъ: *нынѣ кромѣ закона правда Божія явися, свидѣтельствуема отъ закона и Пророковъ* (Рим. 3, 21). Если же явися (т. е. открыта), то, значить, она была и тогда, но только не явленная, сокрытая. Сокровеніе ея означала завѣса храма, которая и *раздвѣся* при смерти Іисуса Христа. И такъ, и тогда у народа Божія была сія благодать единого Ходатая Бога и человѣковъ человѣка Христа Іисуса, но — такъ, какъ дождь на руиѣ, который Богъ не по долгу, но по волѣ, отдѣляетъ своему наслѣдію; нынѣ же, такъ какъ руно то изсохло, то есть, іудейскій народъ отверженъ, она видна на открытомъ мѣстѣ, на всѣхъ языкахъ. И такъ не раздѣляемъ время подобно Пелагію, говоря: сперва люди были праведны по природѣ, потомъ подъ закономъ, наконецъ подъ благодатію; но — всегда и всѣ праведники были по благодати, чрезъ вѣру въ Іисуса Христа Спасителя.

Такъ объ Авраамѣ Самъ Господь сказалъ, что

онъ желалъ видѣть день Его, и видѣлъ, и возрадовался (Іоан. 8, 56). Равнымъ образомъ, когда Авраамъ заставлялъ раба своего положить руку подъ стегно его и клясться Богомъ неба (Быт. 24, 2); то самымъ образомъ клятвы показалъ вѣдѣніе тайны, что отъ чреслъ его произойдетъ та плоть, въ которой имѣлъ явиться Богъ неба. Мельхиседекъ, благословивши Авраама, далъ чрезъ сіе такое свидѣтельство о воплощеніи Господнемъ, что послѣ въ Псалмахъ говорится о грядущемъ Искупителѣ, какъ *объ Іереи по чину Мельхиседекову* (Быт. 14, 19; Пс. 109, 4). Что значила также необычайная строгость древняго закона объ обрѣзаніи, по которому всякой душѣ, не обрѣзавшейся въ осмый день по рожденіи, Богъ угрожалъ погребленіемъ отъ народа своего (Быт. 17, 14)? Чѣмъ заслужилъ такое страшное наказаніе младенецъ, по небреженію другихъ необрѣзанный, что душа его должна потребиться отъ народа его? *Потребиться*, т. е., умереть вѣчно, потому что временная смерть называлась *приложеніемъ ко отцамъ* (Быт. 25, 17), а не потребленіемъ. Нѣтъ другой причины столь строгаго закона объ обрѣзаніи, кромѣ той, что всякій младенецъ, по самому рожденію своему, принадлежалъ къ чадамъ гнѣва, повиннымъ вѣчному осужденію Божію, отъ котораго можно было освободиться только благодатію Господа Иисуса Христа, что и знаменовало таинство обрѣзанія. Ибо день осмый соответствуетъ нашему воскресному дню, *камень же Христосъ*, почему и ножъ былъ каменный, плоть же обрѣзанія — тѣло грѣха.

Но какъ же говоритъ Апостолъ: *не слышателие закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся. Егда бо языцы, не имущіи закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ*, и пр. (Рим. 2, 13—15). Не слѣдуетъ ли отсюда, что оправдываются дѣлами, а не благодатію, и что какъ для Іудеевъ закона писаннаго, такъ для язычниковъ закона внутренняго достаточно было къ списанію оправданія; благодатію же Христовою могутъ и должны пользоваться только тѣ, кои принадлежать къ Н. завѣту?—Нѣтъ, отвѣчаетъ Б. Августинъ: выраженіе св. Апостола: *творцы закона оправдятся*, значить тоже, что: *не слышателие закона праведни предъ Богомъ, но тѣ, кои на самомъ дѣлѣ будутъ праведны и исполнятъ законъ*. Но исполнить законъ, который духовенъ, человѣкъ самъ по себѣ, безъ благодати Божіей, не можетъ, какъ говоритъ Самъ Спаситель: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Почему ни для Іудеевъ закона писаннаго, ни для язычниковъ закона внутренняго недостаточно къ оправданію или спасенію. Естественная праведность есть, такъ сказать, останокъ образа Божія въ человѣкѣ; но полное обновленіе сего образа, или полная праведность не возможны безъ благодати Христа Спасителя (*). Пусть же никто не хвалится, будто бы имѣеть, чего не пріять (1 Кор. 4, 5), или пріемлетъ отъ буквы, которую читаетъ или слушаетъ. Ибо *еще*

(*) De peccat. orig. cap. 28, 29 et por.

закономъ правда, убо Христосъ туне умре (Гал. 2, 21). Но —

4. Христосъ *не туне умре*. Онъ для того припязъ зракъ раба и послушавъ былъ до смерти крестной, чтобы «многостивѣйшимъ раздаяніемъ благодати Своей всеѣмъ тѣмъ, конѣ Онъ, какъ членамъ Своимъ, сталъ главою, оживотворить умершихъ грѣхомъ, дать здравіе немощнымъ, освободить поработенныхъ, искупить плѣнныхъ, просвѣтитъ сѣдящихъ во тмѣ подъ властію діавола, начальника грѣха, и такимъ образомъ стать Посредникомъ между Богомъ и человѣками, дабы, послѣ вражды нечестія нашего, прекращенной миромъ Его благодати, мы примирились съ Богомъ на вѣчную жизнь, будучи изъяты отъ вѣчной смерти, угрожавшей намъ въ прежнемъ состояніи нашемъ» (*).

2.

Если благодать есть внутренняя сила, даруемая намъ отъ Бога туне, по заслугамъ Исккупителя

(*) De peccat. merit. et remis. Lib. 1, cap. 39. — Приводя въ систему ученіе Б. Августина, мы указывали на различные сочиненія его; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что каждое изъ этихъ сочиненій содержитъ въ себѣ все изложенныя истины, только съ болѣею или меньшею полнотою, въ томъ или другомъ порядкѣ. Такъ какъ связь между указанными истинами неразрывна; то, излагая одну изъ нихъ, бл. Августинъ излагаетъ и другія, пог. что онъ писалъ не систему ученія христіанскаго, а опроверженіе ереси. Замѣчасмъ это для того, чтобъ извлеченіе наше не показалось собраніемъ отрывочныхъ мыслей Б. Отца, усиленно связанныхъ между собою, между тѣмъ какъ оно есть только сокращеніе пространныхъ и глубокихъ его изслѣдованій обо всѣхъ указанныхъ предметахъ.

и Спасителя нашего, и дѣйствующая въ насъ такъ, что безъ нея мы не можемъ не только сдѣлать, но и пожелать добра; то не уничтожается ли ею свобода наша?

»Иѣтъ. — отвѣчаетъ бл. Августинъ, — не уничтожается, но утверждается, такъ точно какъ законъ не уничтожается, но утверждается благодатію. »Ибо и законъ исполняется только свободною волею. »Но — закономъ — познаніе грѣха; вѣрою — снисканіе благодати противъ грѣха; благодатію — исцѣленіе души отъ язвы грѣха; съ исцѣленіемъ души — свобода воли; при свободной волѣ — любовь къ правдѣ; а при любви къ правдѣ — совершеніе закона. »Посему какъ законъ не упраздняется, но утверждается вѣрою, потому что вѣра пріобрѣтаетъ благодать, которою законъ исполняется: такъ и свободная воля не упраздняется, но утверждается вѣрою, потому что благодать врачуетъ волю, чтобъ она могла свободно любить правду. Все это, что я соединилъ какъ бы въ одну цѣпь, упоминается въ св. Писаніи. Законъ говоритъ: *не пожелай* (Исх. 20, 17); вѣра говоритъ: *исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ Тебѣ* (Пс. 40, 5); благодать говоритъ: *все здравъ еси, кому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14); здравіе говоритъ: *Господи Боже мой, воззвахъ къ Тебѣ, и исцѣли мя еси* (Пс. 29, 3); свободная воля говоритъ: *волею пожру Тебѣ* (Пс. 53, 8); любовь къ правдѣ говоритъ: *повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой, Господи* (Пс. 118, 85). Какъ же послѣ этого гордиться несчастному человѣку свободою воли

»прежде освобожденія, или — собственными силами — *послѣ освобожденія!*... *Идиже Духъ Господень, ту и свобода* (2 Кор. 3, 17). Если они рабы грѣха: то какъ могутъ хвалиться свободою волею: ибо *идиже кто поблжденъ бываетъ, сему и рабощенъ сень* (2 Петр. 2, 19). Если же они освобождены: то нечто хвалятся сенью, какъ бы собственнымъ дѣломъ, какъ бы *ничего не пріавшіе*? Ужели они такъ свободны, что не хотятъ имѣть Господомъ Того, Кто сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, и — *еще Сына вы свободите; воистину свободни будете?*»

»Спросить кто нибудь: а самая вѣра, которая представляется началомъ спасенія, или первымъ звѣномъ въ цѣпи его, состоитъ ли въ нашей власти?... Властію называется совокупность желанія съ возможностью исполненія: всякій во власти своей имѣетъ то, что онъ дѣлаетъ — если хочетъ, или отвергаетъ — если не хочетъ. Теперь — вѣруеть ли кто, если не хочетъ, или — можетъ ли не вѣровать, если хочетъ? Такъ какъ безразсудно было бы сказать это; то вѣровать значить не иное что, какъ соглашаться на предлагаемую истину; а согласие есть принадлежность воли. Слѣд. вѣра — въ нашей волѣ.

»Но слѣдуетъ новый вопросъ: а воля та, по которой мы вѣруемъ въ Бога, есть ли также даръ Божій, или происходитъ отъ той свободы, которая по естеству намъ принадлежитъ? Если мы скажемъ, что она не есть даръ Божій; то не покажется ли, будто мы говоримъ это въ укоръ Апостолу, вопрошавшему: *что имали, егже нѣси пріавъ;*

*»аще же и пріяли еси, что хвалишися, яко не
»пріяли (1 Кор. 4, 7)? Будто мы пашим, что от-
»вѣчать противъ этаго, а писни: вотъ плѣбемъ волю
»вѣровать, которой не пріяли, вотъ чѣмъ хвалимся,
»чего не получили! — Если же скажемъ, что и такая
»воля есть даръ Божій; то представляется другая
»опасность, какъ бы невѣрующіе или печетивые
»не показались правыми, когда станутъ извинять
»свое невѣріе и печетіе тѣмъ, что Богъ не хѣ-
»отѣлъ даровать имъ той воли. Ибо, что сказано:
»Богъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти,
»и есмы дѣлаетъ, о благоволеніи (Фил. 2, 13), то
»принадлежитъ уже благодати, которую пріобрѣ-
»таетъ вѣра, для того, чтобы у человека могли быть
»добрыя дѣла, дѣла вѣры, споспѣшествуемой лю-
»бовію, изливашею въ сердца наши Духомъ Свя-
»тымъ. Если мы вѣруемъ для того, чтобы получить
»благодать сію, и вѣруемъ по волѣ; то о самой волѣ
»спрашивается: откуда она въ насъ? Если отъ
»природы, то почему же не у всѣхъ, когда единъ
»есть Творецъ всѣхъ людей? Если даръ Божій,
»то опять почему не всѣмъ, когда Богъ *хочетъ*
»всѣмъ спастися и во разумъ истины прійти?»*

Б. Августинъ старается рѣшить эти вопросы на основаніи главнаго понятія о свободѣ, дарованной разумной душѣ, при самомъ сотвореніи ея. — «Если эта свобода, — говоритъ, — есть та неопредѣленная (media) сила, которая можетъ и располагаться къ вѣрѣ, или уклоняться къ невѣрію; то нельзя сказать, чтобы и эта воля, по которой человекъ вѣритъ въ Бога, не была имъ получена; потому что онъ отвѣчаетъ призванію Божію въ

силу той свободы, которую получилъ въ естествѣ своемъ, при самомъ сотвореніи. Богъ же хочетъ всѣмъ снастися и въ разумъ истины принѣти; но не такъ, чтобъ отнималъ у людей свободу, за доброе или худое употребленіе которой должны будемъ дать отчетъ Ему на праведномъ судѣ Его. Поэтому невѣрующіе хотя поступаютъ противъ воли Божіей, невѣруя Евангелію; однакожь не превозмогаютъ ея, а только сами себя лишаютъ величайшаго блага.—»Если этимъ рѣшается вопросъ, «а» включаетъ Б. Августинъ, то пусть будетъ такъ. «А если скажетъ кто нибудь, что въ такомъ случаѣ могутъ приписать Богу самый грѣхъ, допускаемый свободою. когда въ силу Апостольскаго слова: *что бо имаша, егосе нѣси пріямъ*, будемъ называть даромъ Божіимъ самую волю, по которой вѣруемъ въ Бога (п. ч. она заключается въ свободѣ, дарованной намъ при сотвореніи), то пусть внимательно займѣтись такой человѣкъ, что волю ту надобно относить къ дарамъ Божіимъ не потому только, что она превосходитъ волю естественной свободы, дарованной человѣку при самомъ сотвореніи его, но и потому также, что по сказанію тайновидцевъ Богъ дѣйствуетъ въ насъ и, еже вѣровать, — дѣйствуетъ или совнѣ, увѣщаніями Евангельскими, въ которыхъ и заповѣди закона могутъ имѣть вліяніе на человѣка, заставляя его сознать свою немощь и прибѣгать чрезъ вѣру къ оправдывающей благодати, — или внутри, гдѣ не отъ насъ зависитъ, что приходитъ намъ на умъ, но въ нашей волѣ согласиться или не согласиться съ пзвѣстнымъ внушеніемъ. А если

»такъ поступаетъ Богъ съ разумною душою, для того, что бы она увѣровавъ въ Него, и если безъ внушенія и призванія Божественнаго не можетъ быть увѣры; то подлинно и самое *еже въровати* Богъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, и милосердіе Его во всемъ предваряетъ насъ; только повиноваться, или не повиноваться призванію Божію, это уже, какъ сказалъ я, въ нашей волѣ. Сіе же не только не ослабляетъ, но и утверждаетъ сказанное: *что иже нѣси пріимъ*; ибо душа не можетъ безъ собственнаго согласія принять и имѣть дары: по сему что принять и что имѣть ей, это зависитъ отъ Бога: но—принять и имѣть—дѣло пріимлющаго и имѣющаго.»

»Послѣ этого если бы кто понуждалъ насъ изслѣдовать ту глубину, почему иной получаетъ такое убѣжденіе (или призваніе), что убѣждается, а другой—нѣтъ: то я отвѣтилъ бы сими двумя изреченіями: *о глубина богатства, и—еда не—правда у Бога?*—Кому такой отвѣтъ не понравится, тотъ пусть ищетъ людей поученіе... (*)»

Однакожь бл. Августинъ скоро долженъ былъ взяться и за этотъ вопросъ, который онъ теперь такъ общё рѣшаетъ. Всѣ мысли его по этому предмету мы относимъ къ рѣшенію третьяго вопроса о благодати, то есть, объ условіяхъ ея пріобрѣтенія и сохраненія.

3.

Пелагіане учили, что благодать Божія, какъ

(*) De spiritu et littera, cap. XXX—XXXIV

сверхъестественная помощь, даруется только достойнымъ, то есть, такимъ людямъ, которые собственными подвигами въ добродѣтели заслуживаютъ ее. Это и само собою слѣдуетъ изъ основнаго понятія ихъ о благодати; но кромѣ того высказываемо было ими прямо и положительно. Б. Августинъ въ опроверженіе такого лжеученія, старается подробно изъяснить то свойство благодати, по которому она есть чистый, безусловный даръ Божій человѣку, ничѣмъ не заслуженный съ его стороны, подаваемый ему туне, по одной милости Божіей. Приводимъ мысли его объ этомъ предметѣ изъ письма его къ Сиксту, бывшему потомъ Папою Римскимъ.

»Говорятъ: если вѣрить, что Богъ оказываетъ милосердіе человѣку, единственно по
 »Своей волѣ, безъ всякихъ заслугъ со стороны
 »человѣка, призываетъ кого хочетъ, даруетъ духъ
 »вѣры и благочестія — кому благоволитъ; то
 »не значить ли это приписывать Ему несправед-
 »ливое лицепріятіе?» — Но не хотятъ видѣть, что отсю-
 »даже должно вывести совершенно противное слѣд-
 »ствіе. Ибо лицепріятіе не можетъ имѣть мѣста тамъ,
 »гдѣ всѣ виновны, всѣ принадлежать къ одному раз-
 »ряду грѣшниковъ и осужденныхъ, такъ что осуж-
 »даемый пріемлетъ должное наказаніе, а освобожда-
 »емый получаетъ незаслуженное благодѣяніе. Такимъ
 »образомъ ни наказанный не можетъ жаловаться, что
 »онъ наказанъ несправедливо, ни сподобившійся бла-
 »годати не можетъ хвалиться, что онъ заслужилъ ее
 »Въ наказаніи другаго онъ видитъ, что и его ожи-
 »дала такая же участь, если бы не освободила его

»благодать. Но если благодать, то уже — не награда за какую нибудь заслугу, по дѣлу и даръ одной благости.»

»Но скажутъ: если всѣ повинны одному дѣлу и всѣ равно преступны; то несправедливо одного »спасать, а другаго наказывать: надлежало бы всѣхъ »равно наказать.» Такъ, но что же изъ этого?— »Остается благодарить Спасителя нашего, избавившаго насъ отъ наказанія, примѣръ котораго въ »осужденныхъ ясно показываетъ намъ, что и мы, »подобно имъ, заслуживали той же участи.—Если »бы всѣ были освобождены: то нельзя было бы »видѣть дѣйствія правосудія надъ грѣхомъ; а если »бы никто; то не познали бы цѣны благодати и »милости Божіей... Такимъ образомъ, поелику весь »родъ человѣческій справедливо подвергся осужде- »нію; то на отверженіе однихъ надобно смотрѣть, »какъ на дѣйствіе правды Божіей, возлающей имъ »по заслугамъ, а на оправданіе и прославленіе дру- »гихъ, какъ на чистое благодѣяніе Божіе, ничѣмъ »ими не заслуженное. И причины такого различія »не должно искать ни въ какой либо личной за- »слугѣ, ни въ неизбѣжной судьбѣ, ни въ слѣпомъ »случаѣ; но во *глубинѣ богатства премудрости* »и *разума Божія*, во глубинѣ, которой не дер- »залъ прощитать самъ Павелъ, довольствуясь бла- »гоговѣннымъ удивленіемъ оной (Рим. 11, 33).»

Сильнѣйшимъ и очевиднѣйшимъ доказательствомъ того, что благодать Божія даруется человеку не по заслугамъ его, бл. Августинъ постав- ляетъ различную участь умирающихъ младенцевъ.

»Отъ чего, говоритъ, зависитъ, что нѣкоторые

»младенцы умирають, не получивши св. Крещенія,
 »и так. обр. лишаются царствія небеснаго? Въ ихъ
 »ли волѣ родиться отъ родителей невѣрныхъ или
 »небрежныхъ? И кромѣ того, сколько случаевъ
 »смерти непредвидѣнной и внезапной, которая по-
 »хищаетъ дѣтей прежде ихъ крещенія у родителей
 »самыхъ благочестивыхъ и попечительныхъ; тогда
 »какъ дѣти родителей нечестивыхъ и невѣрныхъ,
 »случайно перешедшіе въ руки добрыхъ христіанъ,
 »умирають съ печатію крещенія! Что скажутъ на
 »это тѣ, кои, боясь приписать Богу лицепріятіе,
 »хотятъ поставить дары благодати Его въ соотно-
 »шеніе съ нашими заслугами? Гдѣ тутъ заслуги
 »предшествующія?—У самыхъ младенцевъ ихъ нѣтъ:
 »всѣ они по рожденію принадлежать къ одному
 »числу (massa) осужденныхъ на вѣчную погибель.
 »Заслуги родителей имъ очевидно не вѣняются, и
 »что судьба младенцевъ часто бываетъ совершенно
 »противоположна нравственному состоянію родите-
 »лей, какъ сказано прежде..»

»И такъ начало и совершенство вѣры есть
 »даръ Божій.. Почему же не всѣмъ даруется, это
 »не должно смущать вѣрующаго, который знаетъ,
 »что мы всѣ по правдѣ подлежимъ осужденію, и
 »никакого нареканія нельзя было бы сдѣлать на
 »суды Божіи, когда бы и никто изъ насъ не спа-
 »сался.. Почему же Господь спасаетъ того именно,
 »а не другаго, въ этомъ суды Его неиспытаны
 »и путіе Его неизслѣдимы....»

Въ семъ состоитъ *предопредѣленіе* (praede-
 stinatio) Божіе, по которому избранные отъ вѣч-
 ности предназначены ко спасенію. Предопредѣле-

нію противоположно *отверженіе* (*reprobatio*), которое однакожь не въ томъ состоитъ, что бы Богъ вводилъ кого нибудь въ погибель; а въ томъ одномъ, что Онъ нѣкоторыхъ грѣшниковъ оставляетъ ходить въ нѣхъ похотяхъ, которыя неминуемо приводятъ человека къ вѣчной смерти.

Что касается сохранивша даровъ благодати Божіей, приеваемой человекомъ; то и это зависитъ отъ Бога, Который не только даруетъ благодать предъизбраннымъ Своимъ, но и утверждаетъ ихъ въ ней; въ этомъ состоитъ: *donum perseverantiae*.

Изъ обзорѣнія твореній б. Августина можно видѣть, что въ нихъ изслѣдуются почти все главныя вопросы вѣры и знанія нашего: такъ богаты и разнообразны они по содержанію своему. Кромѣ того, въ нихъ весьма замѣчательны: 1) методъ изслѣдованія предметовъ, различный по различію обстоятельствъ разсужденія объ извѣстныхъ истинахъ, 2) вмѣстѣ съ основательностію и глубиною, необыкновенная острота и оборотливость сужденія и отсюда — сила доводовъ, противъ которыхъ не могли устоять современныя ему еретики и раскольники, такъ что Манихеи, Донатисты и Пелагиане одни за другими были почти совершенно имъ изложены и не могли уже оправдаться послѣ пораженія отъ него. — Но въ ученіи б. Августина есть сужденія, которыхъ нельзя признать правыми. Не говоримъ о нѣкоторыхъ частныхъ мысляхъ и мнѣніяхъ его; про

онъ и самъ вѣншалъ различать личныя мнѣнія свои отъ ученія Вѣры (а), и многія изъ собственныхъ мыслей осуждалъ или исправлялъ, какъ было уже замѣчено: но—есть крайности въ его догматическомъ ученіи, которое онъ излагалъ, какъ непреложное ученіе Писанія и Церкви. Разумѣемъ *ученіе бл. Августина о благодати*.

Пока бл. Августинъ разсуждалъ о необходимости благодати Божіей для спасенія человѣка; до тѣхъ поръ онъ чуждъ всякой крайности: и Слово Божіе, и ученіе Церкви, и собственный опытъ весьма ясно представляли ему предметъ сей. Глубоко убѣжденный въ томъ, что безъ помощи Духа Святаго въ падшемъ чел. вѣкъ не можетъ быть даже надлежащаго сознанія своей немощи и негнанаго, крѣпкаго желанія обращенія къ Богу, что самый начатокъ вѣры въ Господа Искунителя нашего порождается въ насъ благодатию Божіею, онъ останавливался на этой непреложной истинѣ и не хотѣлъ далѣе простираť свои изслѣдованія, не смѣлъ испытывать, какъ дѣйствуетъ въ насъ Духъ Божій, возбуждая волю къ добрымъ желаніямъ и дѣйствіямъ и, при томъ, не ограничивая и не подавляя ея свободы (б). Но съ распространеніемъ и усиленіемъ споровъ, бл. Августинъ какъ бы невольно пре-

(а) См. De vera Religione, cap. X, num. 20. Также—Epist. 143 ad Marcellinum, гдѣ говорится: litterae tuae habent quaestionem mihi propositam ex libris non divinis, sed meis... In talibus autem quaestionibus non laboro, quia et si defendi sententia mea liquida ratione non potest, mea est, non ejus auctoris, cujus sensum improbare fas non est.

(б) См. вышепривед. мѣсто изъ книг. de Spiritu et littera, cap. XXXIV.

ступилъ эту черту мудрой осторожности. Стара-
ясь оартергауть то ложное мнѣніе еретиковъ, что
будто бы благодать Божія приходитъ только на по-
мощь человѣку, собственными силами побѣждающе-
му грѣхъ, и дается ему какъ награда за его соб-
ственные подвиги, онъ самъ скоро вдался въ край-
ности.

Чтобы яснѣе раскрыть и доказать противъ
еретиковъ ученіе о благодати Божіей, какъ о та-
комъ дарѣ Духа Святаго, котораго мы ничѣмъ не
заслуживаемъ и не можемъ заслужить, бл. Авгу-
стинъ обратился къ изслѣдованію природы падшаго
человѣка. Здѣсь главное начало уклоненія его отъ
надлежащей точки зрѣнія на предметъ свой. Пред-
ставляя немощь падшаго человѣка, онъ прости-
раетъ ее до такой степени, что не видитъ въ ес-
тествѣ нашемъ ничего добраго: все человѣчество,
по его выраженію, въ силу грѣха прародительска-
го есть *масса погибающа* (*massa perditionis*), до-
быча діавола погубителя (в). А изъ такого попя-
тія о падшемъ человѣкѣ само собою вытекаетъ слѣд-
ствіе, что Богъ, даруя человѣку благодатныя си-
лы и средства ко спасенію, даруетъ ихъ не толь-
ко *туне*, но и *безусловно*, потому что мы не
имѣемъ не только права на благодатную помощь
Божію, но и никакихъ силъ къ сохраненію и прі-
умноженію благодатныхъ даровъ Божіихъ. Если же
такъ, то спасеніе человѣка завѣситъ единственно
отъ воли Божіей. Почему же не всѣ спасаются, не
всѣ получаютъ такіа благодатныя силы, съ которы-

(в) De peccato originali, cap. XXXIX Epist. ad Sixt. c. VI.
п. 23.

мы можно достигать совершенства, — это тайна предвѣчнаго совѣта Божія, по которому одни предъизбраны ко спасенію во Христѣ Іисусѣ Искупителѣ нашемъ, а другіе предоставлены иль собственной участи. Такъ образовалось ученіе б. Августина о *предопредѣленіи и отверженіи*.

Многіе изъ современниковъ его или недоумѣвали, какъ согласить съ такимъ ученіемъ другія истины правой вѣры или здраваго смысла, или прямо говорили противъ самаго ученія сего. Но бл. Августинъ не только не ограничивалъ его, но и защищалъ какъ догматъ Вѣры. Оно перешло въ его глубокое и неизмѣнное убѣжденіе. Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о тайнѣ спасенія человѣческаго; тѣмъ менѣе находилъ дѣйтельнаго въ немъ участія самаго человѣка. Можетъ быть, собственная жизнь сего больше всего приводила его къ такому убѣжденію. Какъ чувство смиреннаго сердца, пренеполннаго благоговѣніемъ къ неизрѣченной премудрости и благодати Божіей, это убѣжденіе достойно наилучшаго христіанина. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ всѣмъ обязанъ безконечной милости Божіей, и его собственное участіе въ спасеніи своемъ такъ мало и слабо въ сравненіи съ богатствомъ благодатныхъ средствъ для этого, что истинно благоговѣйный христіанинъ не можетъ сознать въ себѣ ничего другаго, кромѣ даровъ безпредѣльной любви къ нему Божіей. Тѣмъ не менѣе, однакожь, въ основѣ христіанскаго поведенія нашего должно быть другое, равносильное первому, убѣжденіе, что Богъ, хотя и всѣмъ человѣкомъ спасенъ и въ разумъ истины принятъ, ~~никого~~ ^{никого} насильно не речетъ въ блаженное

царство Свое, уготованное для праведниковъ, равно какъ никого противъ воли и не отчуждаетъ отъ сего царства.

Въ практической жизни бл. Августинъ самъ дѣйствовалъ совершенно согласно съ правымъ ученіемъ. Онъ щедро сѣялъ сѣмя Слова Божія и съ пастырскою ревностію заботился о томъ, чтобы невѣдущіе познали истиннаго Бога, заблудшіе обратились на путь правый, порочные оставили свои грѣховныя привычки, словомъ, чтобы изъ множества погибающихъ хотя нѣкоторыхъ спасти отъ гибели, по Евангельскому наставленію. Но такія пастырскія дѣйствія, по точному смыслу указаннаго ученія Августина, не имѣютъ ни надлежащаго основанія, ни прямой цѣли. Правда, когда блаженному и дѣятельному Пастырю напоминали объ этомъ, когда открыто возражали ему, что, слѣдуя его понятію о предопредѣленіи Божіемъ, никто не имѣетъ нужды заботиться не только о другихъ, но и о себѣ самомъ; то онъ старался опровергать подобныя возраженія. Но опроверженія его не довольно сильны, потому что изъ ученія его, на самомъ дѣлѣ, прямо вытекаетъ высказанное заключеніе, и чтобы отвергнуть его, надобно прежде отвергнуть самое основаніе, на которомъ оно держится.

Нѣтъ нужды подробно опровергать положенія бл. Августина, ибо крайность ихъ сама собою очевидна. Мы желали только представить ихъ какъ краткое и точное извлеченіе изъ обширныхъ разсужденій, гдѣ они прикрываются и какъ бы затемняются множествомъ другихъ мыслей. Въмѣсто же собственныхъ опроверженій указываемъ на яс-

ное ученіе о томъ же предметѣ Правосл. Церкви
содержащееся въ Граматѣ Восточн. Патріарховъ,
(чл. 3 и 14).

